

СТИХИ ПОЭМЫ РАССКАЗЫ

Асаф Мушаилов

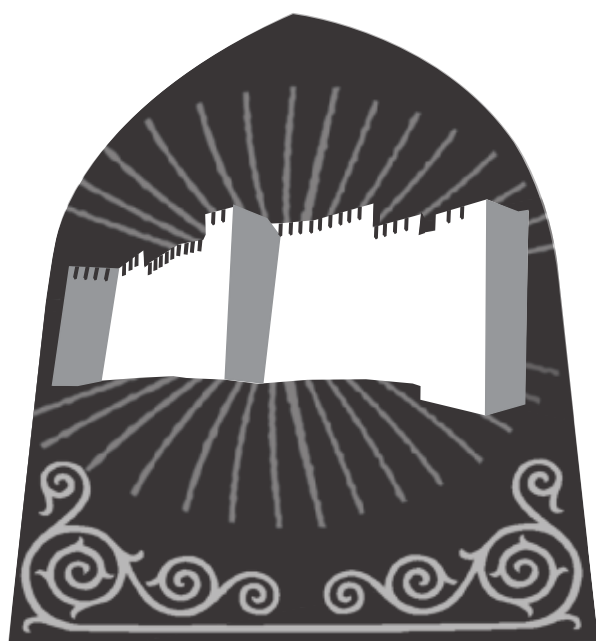
СТИХИ ПОЭМЫ
РАССКАЗЫ
Асаф Мушаилов

Altaspera Publishing
Toronto 2017

Торонто 2011

СТИХИ ПОЭМЫ
РАССКАЗЫ
Асаф Мушаилов

От Редакции

Асаф Ханухович Мушаилов, член Союза писателей Израиля (кавказской секции) родился в гор. Дербенте (республика Дагестан) 29 мая 1952 года.

В Дербенте прошла его юность, затем служба в армии.

После армии учёба в институте – ДГПИ гор. Махачкала. Казалось бы, всё как обычно у большинства людей, но звезда Асафа Мушаилова вела его с юности. Сначала серьёзное увлечение музыкой на кларнете и саксофоне в середине 60-х гг. XX – века. Затем под влиянием старшего брата художника Мушаила Мушаилова в 1981 году закончил художественно – графический факультет педагогического института. Работал в Махачкалинской школе №1 обучая детей рисунку, живописи, декоративному рисованию и черчению. В 1992 году иммигрировал с семьёй в Канаду и проживает в городе Торонто. Чем бы ни занимался по жизни Асаф Мушаилов, но свою любовь к поэзии и литературе он пронёс через всю свою жизнь. Поклонник поэзии «серебрянного века», человек прекрасного дарования в коротких рассказах, стихотворениях и поэмах созданных в разные годы избранно вошли в настоящий сборник. О творчестве Асафа Мушаилова много раз размышляли редакторы русскоязычных иммигрантских журналов и газет Израиля, Нью Йорка, Торонто, Вены, Бадена и Дербента. Он прошёл этот нелёгкий и достойный путь, став любимцем своих кавказских евреев.

Оформитель и художник Яир Мушаилов

СТИХИ

Зимнее настроение	1
Когда дожди прольются ливнем	2
В подражание Осипу Мандельштаму	3
В подражание Валерию Брюсову	4
Дербентский инжир	5
Отец называл тебя часто Гюльсуьрх	7
Люблю тебя моя сестричка	9
Мой добрый художник	11
Niagara on the lake	14
Если ты душой захочешь	19
Мой добрый Нис	21
Один как праведник в пустыне	23
Помню улицу Толстого	26

Явилась ты	28
При свете совести живя	29
Яламинский поезд	31
Притчи для любимой	34
Венеция	36
Коронация Венеции	37
«Венера» Тициана	40
Стояла чашка на столе	45
Рисунок с фотографии	46
Апрель вошёл без стука	48
Элеф нащекот	50
Есть неземной ответ	52
У подножия Машука	56
Катаколон (Олимпия)	61

ПОЭМЫ

Из жизни художника	63
Let It Be	82
Нико Пиросмани	90
Здравствуйте доктор	104
Юность	109

РАССКАЗЫ

Нет! Мама была права! Или ларец Пандоры	143
Алик – Купидон или Дербентский цирюльник	149
Важная Персона или Хлестаков поневоле	156
Грусть или Необыкновенный плач	168
Лизонька или Онегин мой сосед	176
Лёва и Кащей или Земное чудо	181
Мишка Мурдалов или Песочный шаман	186
Лёва и надёжный свисток	192
Окулист – Акушер или Твои глаза и сдвинутые брови	197
Письмо или Привет из Бердичева	204
Терекеме	208
У дерева или Первое свидание	212
Терзания студента или Божественная сила	218
Дядя Хананья или Бакинское время	224

Кое что о любви или А Зои здесь тихие	229
Голод не тётка или Муки Тантала	236
Учитель или Национальные особенности урока	245
Случай на кладбище или Снова по Чехову	253
Кудесник или Прораб районного масштаба	261
Лучмарик или Слепой музыкант	269
Бесстрашный Гив* или Зелёный огонёк такси	278
Один день нотариуса Цветкова или Сказочник в законе	285
Век живи – Век учись или Fingerhut	293

ПОРТРЕТОВ ТЁПЛАЯ СТРОКА

* * *

*В те дни, где прошлое во мне
нежданной памятью явилось
в Торонто, будто всё сместилось,
Дербент мелькнул в моём окне.*

*И в комнату вошли друзья
по праву и по разрешенью.
К такому милому решению
их привела моя стезя.*

*Я думал я один, как перст.
Полуглухой и полузрячий,
но с ними я другой, иначе
воспринимаю тост и жест.*

*Смеялись. Маленькая жизнь
не помня чисел и погоды
меняла лишь цвета природы
в моём окне, как пейзажист.*

*Ах помню, я их приглашал
в рассказ войти, того, другого
и снова вечного, живого
В Дербент обратно провожал.*

*И плавность дней, уже тогда
внушала грусть, но как ни странно
светилась на окне желанно
Портретов тёплая строка.*

Торонто 1998.

СТИХИ

ЗИМНЕЕ НАСТРОЕНИЕ

(Медлительные строки)

* * *

Необъяснимый дар тиши,
Заставил тело вздрогнуть дважды,
И выплеснул наружу жажду
Все откровения души.
Природа вся напоена
Снегами тальными. И снова
Её прозрачная основа
Чиста, небесна, и пьяна.
И непонятнейшая грусть
Полет снежинки созерцая,
С ней вместе падая и тая
Рождала снега сладкий хруст.

Монреаль 2003

КОГДА ДОЖДИ ПРОЛЬЮТСЯ ЛИВНЕМ

* * *

Когда дожди прольются ливнем
И к грусти заживо припрут.
Искать меня в те дни унынья
Среди сухих – напрасный труд.

Возьму такси и без оглядки
Он отвезёт меня туда,
Где только лишь весны загадки
И снега талая вода.

И там, прислушиваясь к звукам
И начисто теряя мысль,
Принять в протянутые руки
Иной, забытый жизни смысл.

Позвать тебя и не услышать
звук сердца твоего в ответ.
И на косых изгибах ливня
умчаться в призрачный рассвет.

Махачкала 1978

В ПОДРАЖАНИЕ ОСИПУ МАНДЕЛЬШТАМУ

* * *

Я вижу, как ты улыбаешься утру
Открыв пред собою настежь окно.
Бретелька сорочки упала на руку
И оголила до груди плечо.
Ах, сколько вина и прозрачного мая
Вливаешь в мою мятежную суть.
Глазами с тебя я сорочку снимаю
И в солнце купаю красивую грудь.
И тонкий бисквит осторожно ломая,
Едва прикоснувшись белой рукой,
Ты родинку чувств от меня не скрывая
Чёрным изюмом влечёшь за собой.

Новгород. Май, 1977
(Студенческая практика)

В ПОДРАЖАНИЕ ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

* * *

Всё это, лишь тебе понять одной,
Когда вдруг тела сладостные стоны
Спешат разлиться вешнею водой
И замереть в предчувствии истомы.

И аромат живых мускатных роз
В прохладу простыней ворвётся с сада
И тишина удушливее слёз
Всему и вся – привычная награда.

Все это, лишь тебе понять дано.
Перебирая в памяти весь вечер,
Отыщешь жадный взгляд мой и тепло
Прольётся на божественные плечи.

И оголив их в зеркале, спешишь
Стюарт увидеть? Гордую – на плахе.
И только ты сумеешь объяснить
Нахлынувшее к сердцу чувство страха.

И призраком, я в зеркале пустом
Глотаю отраженье твоей спальни
Мне очень нужен твой тревожный сон
И чудеса изнеженные тайной.

Махачкала 1975

ДЕРБЕНТСКИЙ ИНЖИР

* * *

Когда смотрел подолгу на инжир,
на ветвь его и на резные листья,
ведь до сих пор никак не разберусь я
откуда к нам пришёл он в этот мир.

Иль климата каприз привёл сюда
на прорастанье - временно, как робость.
Он здесь, в Дербенте, принял новый образ
без вымыслов, легенд и навсегда.

Пришельцем в дом, он молча оглядел
судьбы своих событий – неизвестность.
Облюбовав дербентскую окрестность
приняв гостеприимство - молча сел.

И как – то незаметно для себя,
в забывшихся пространствах оседая,
он полной красотой расцветая
свой первый плод дал августу любя.

И дорожит пластичный сгиб ветвей
своею нежной жизненной усладой,
врождённою, молочною прохладой
несущую в артерии своей.

А в Греции их плод ничтожно мал.
Растёт кустом, словно дорожный призрак.
И вкус его вообще предельно низок
а что – то из себя воображал.

В Хорватии – Дубровник город, есть.
В сравнении с Дербентом очень молод.
Я встретил там инжир и был мне повод
сравнить его с дербентским и не съесть.

А в Турции, в Иране он любим.
Сластит во здравье жителей Фарсии.
Ну, а Дербент относится к России
Помпезным словом он в Москве хвалим.

В Торонто он, как экзотичный плод
обвёрнутый бумагой, в упаковке.
С названием *Queen Fig* – он лежит в коробке,
незванный гость из иноземных вод.

И лишь в Дербенте он вольный, как абрек.
Он среди гор, как одичавший воин
клялся воде и ветру, что достоин
быть избранным отныне и во век.

Торонто 2012

ОТЕЦ НАЗЫВАЛ ТЕБЯ ЧАСТО ГЮЛЬСУЪРХ¹

Галине Мушаиловой посвящается

* * *

Отец называл тебя, часто, Гюльсуърх.¹
Мама звала тебя, просто, Галина.
Как музыкальную фразу, на слух,
Интерпритируют губы имя.

Ах, дай описать мне твою красоту
И сохранить её в стихотвореньи.
Вечность прольётся в угоду листу
Старым и новым откровением.

Ведь время, так быстро меняет наш лик.
Сходство с собой, привычки и почерк.

¹ золотой цветок (горск. еврейский)

И лишь красота крылата как стих
Будет с тобой всегда между строчек.

Да, всё изменилось. И мир стал широк,
И человек стал с годами покорней.
Сутью оправдан твой жизненный срок
Сердцем сплетая вещие корни.

Дети и внуки корней твоих царство
В нём самый святой и сверкающий нимб.
Есть и сестра и младших два брата
И твоя нежность безбрежная к ним.

Торонто 2008

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ МОЯ СЕСТРИЧКА

Тури Мушаиловой посвящается

* * *

Люблю тебя моя сестричка,
Как любят детство и тепло.
В жизни моей ты та страничка,
Где так герою повезло.

Что говорить, мне подарила
Ты цвет и свет своей души.
И в образованность пролила
Открытой россыпью лучи.

Храню всегда твою причастность
К жизни моей, как талисман.
Как некий смысл, как ларчик счастья,
Как весточку из дальних стран.

Иль я не знаю, что со мною,
Когда ведёт меня строка
От грусти к радости и к боли
Если опасна, иль пуста.

Да я и сам остерегаюсь
Здоровья скучный бюллетень.
И в прогreshеньях прочих каюсь,
Когда прожёт бесцельно день.

И оглянувшись, там, за взглядом
Не счесть твоих ко мне забот.
И голос твой, как в детстве, рядом
Уберегает и зовёт.

Торонто 2007

МОЙ ДОБРЫЙ ХУДОЖНИК

Александру Мушаилову посвящается

* * *

Здравствуй мой добрый художник.
Тебе я солгать не смогу,
что я добровольный заложник
и рад оставаться в плену

картины твоей, той, что в зале
висит на просторной стене,
в обычной и скромненькой раме
Так чувственна нашей родне.

О том ли кручинюсь, что вежды
в семейный альбом, вдоль морщин
на лист свой пустой пожелтевший
не примут наследство картин.

Прозревший гляжу на картину
и голос спешит изнутри -
Была бы моей я б раздвинул
желания жизни на дни.

А в днях этих быстро нашедших,
как путник пускается в путь
ребёнок, как будто нездешний
назвал тебя дедушкой вдруг.

А сам притаившись не знает,
что он соучастник любви.
И как милосерд прилагая
к альбому ручонки свои.

И в маленькой музыке этой
Попробуй, заплачь на виду
всего, что обнял и приметой
вернётся, сказав - я приду.

Здесь нет одиночного фото.
Здесь мать и отец, её брат
и следует всё из чего –то
без вымыслов, ни наугад.

И встречно альбому – картина
вещает, правдивый сюжет
о тех, кто ещё к нам прибудет,
О тех, кого с нами уж нет.

И вновь мироздания рисуя
твой мир раскрывается, там
где сцены театров тоскуя
доверчиво лягут к глазам

в лихих содержаниях на сцене.
В дыму на раскрытие эпох,
Сценарий судьбы, вдохновенно
по жизни тебя ещё ждёт.

Торонто 2014

*Александр Мушаилов. Автопортрет
в интерьере. Х., м., 1999*

NIAGARA ON THE LAKE

(Город Ниагара на озере Онтарио)

* * *

В блеске утра – город чистый.
Весь в осенних ароматах.
А чуть дальше – парк тенистый
Лета прошлого утрата.

Всюду фермеров убранства
Их усадьбы и дворы.
В этом маленьком пространстве,
Очень щедрые дары.

А ещё в глубокой дали,
В серебро живой воды
Небеса смеясь упали,
От безумной чехарды.

И плывут себе, качаясь
Мимо убранных полей.
И обратно возвращаясь,
На Niagara on the Lake.

В город маленький и новый
Здесь фаэтоны в обиходе.
И театр Bernard Shaw
Популярный здесь в народе.

Сам старик отлит из бронзы
В очень чувственном порыве.
А в порыве отблеск солнца,
И улыбка доброй лиры.

И святою жаждой видеть
Красоты всеильный лик,
Бьётся символом желаний,
В шаге ног его – родник.

Эх, всеильна жизни радость
В этом празднике осеннем.
Человеческая слабость,
Быть с друзьями и в весельи.

Мчимся дальше по дороге,
Счастьем полон разум мой.
Виноградника угодя,
Вдруг открылись предо мной.

Что сказать вам: ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!
После долгих трудных лет,
Что прожил я не напрасно,
Вижу снова мой Дербент.

Всё, как будто бы как прежде,
Та же радость и печаль.
Виноградника безбрежность
Убегающая в даль.

Та же синь небесной глади
В полосе родных берёз.
Тишина зелёной дали
Стройных виноградных лоз.

И друзья мои со мною,
И душа волнуясь ждёт,
Что бокалом «Ркацители»
Её снова обожжёт.

И в тени больших подвалов
Угощал экскурсовод,
Всех сухим вином и славил
Урожай за прошлый год.

И скажу я вам от сердца.
Можем мы ценить добро!
В каждом горце это с детства,
С материнским молоком.

И английским, худо – бедно,
Мира лучшей половине,
Рассказал про край мой хлебный
с виноградною долиной.

Про людей ума и чести
Проживших всю жизнь в труде.
Про волнующие песни,
О любви к родной земле.

Могут маленькие капли
Отражать тепло и свет.
Я, сегодня на Niagara
Вспоминаю мой Дербент.

И сквозь память, и сквозь годы
Золотую дружбы нить
С моим маленьким народом
Я готов им предложить.

Торонто 2002

Ниагарские Водопады 1995

Huazapa 1995

ЕСЛИ ТЫ ДУШОЙ ЗАХОЧЕШЬ

* * *

Если ты душой захочешь
Заглянуть в мою судьбу
Посмотри в ночное небо
На печальную луну.

Посмотри, придайся чуду-
Пятнам сказочной волны,
И увидишь гордый профиль
Свой и мой в кольце луны.

Высшим знаком полнолуния
Мы отмечены судьбой
И мятежностью земною
Воспалённый разум мой.

Если б знать, куда лечу я
Утром гаснущей звездой.
Я б разглядывал любую
Меж весельем и тоской.

Если ты душой захочешь
Изменить мою судьбу,
Золотым листом кленовым
Я к рукам твоим прильну.

Наклонись к нему с желаньем
Чтобы влился взор во взор,
И сердечного признанья
Ты услышишь разговор.

Будем мы с тобой питаться
И цветами и росой,
Будем плакать и смеяться
Над изменчивой судьбой.

*Студенческая практика.
Студенческий лагерь «Жемчужина». 1978г).*

МОЙ ДОБРЫЙ НИС

Светлой памяти Нисона Гилядова

*«Давай ронять слова. Как сад – янтарь и cedру.
Рассеянно и щедро, едва, едва, едва...»
- Б. Пастернак.*

* * *

Мой добрый Нис,
Как никогда
Зима в Канаде холодна
И очень хочется тепла,
И запаха анис.

Мой бедный друг.
Здесь иногда
Услышишь, как растёт трава,
Или тяжёлые слова,
Как смерть, или недуг.

Мой милый Нис,
Давай ронять,
Как ОН слова, чтобы понять,
Как в скорби молчалива мать
Детей твоих – Элиз.

Давай ронять едва, едва
Коснувшись юности тепла.
Всего того, что нас роднит
И обращённое в гранит.

Всего того, что ты любил
И людям щедро так дарил.
И предсказаний наперёд,
Которых ждал из года в год.

Всех повелений изнутри
Живущих с языком в крови.
В родной язык вошёл живым
Слегка сутулясь и родным.

Как страшно жить не на земле.
И словно к ужасу, себе
Я задержал привычный вздох,
Что вдруг застал меня врасплох.

Мой бедный Нис,
В душе метель
И бесконечность сил потерь,
И стиснутый годами хмель,
И аромат анис.

Торонто 2007

ОДИН, КАК ПРАВЕДНИК В ПУСТЫНЕ

* * *

*Дону Ихилу, историку – этнографу посвящается.
К книге «Этногенез и древняя история горских евреев».*

Средь тайн истории, в раздумье,
любуюсь небом и песком
за смыслом жизни и гордыней,
что связаны одним узлом,
ты шёл без компаса и карты,
Уму лишь ведомо куда,
в глубь исторической утраты,
в бездну пространства и в века.

В самом тебе всё то, что нужно.
Душа свободна и проста.
Живая даль и дух натруженный
и образ пленного – себя,
среди бредущих иудеев.
И голод, жажда, как нужда
от гнева делала сильнее
съедобность камня. И вражда

Локтей (смирненных от ударов
хлыста погонщика) жила
смятением мышц, звериным даром,
прыжком смертельного чутья.
Ими владел восторг и ужас.

Тщеславно слившись на груди,
они безвыходную участь,
как скорбь небесную несли.

И продолжая денно ночью,
за шагом шаг, весть о себе
ты подавал маршрутом точным
в страницах книги. В естестве
ты возвестил тропы избранность
и муки пленного бытья,
И вместо смерти - второзданность,
и возвращение в себя.

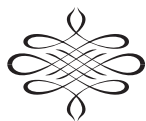
Не знал Саргон – царь Ассирийский
Народ Израиля ведя
(Пригнав их часть к горам Медийским)
К началу нового бытья.
Что смерть обратна выживанью,
что скорбной даты колыбель,
сей душегуб для вымиранья
отвёл Кавказ – средь всех земель.

Не знал владыка, что живыми,
неся надежду в рабский быт,
В Атропатену из Медин
евреи горские дойдут.
И молча ладя с долей трудной
На милость странников – в приют,
из тридевятой дали смутной
С собою Тору доведут.

Добро читать мне твою книгу.
В ладонях, как птенца держа,
я доверяюсь тому мигу,

когда полёта не сдержа,
Как историческая птица
своих сподвижников любя,
живою, новою страницей
будет нам всем завещена.

Торонто. 2014

ПОМНЮ УЛИЦУ ТОЛСТОГО

Людмиле Илизировой

* * *

Помню улицу Толстого
Помню твой уютный двор.
Помню плов своей основой
Развернул научный спор.

Что, да как и как готовить.
Для какого торжества.
Можно ли о вкусах спорить,
Если плов и пар у рта.

Я сидел и с нетерпением
Щёлкнул вилкой об бокал.
Тост поднял – За рук творенье!
Плов - поэта мадригал!

Можно жить и по – турецки
Плов съедая на тахте,
Вкусный плов только Дербентский
На свету и в темноте.

Все имели своё мнение.
Математик говорил:
В плове лишь одно решение,
Вкус на радость разделив.

И ведя парадоксально
К плову «вектора» лучи
Вёл умом диаметрально
Пересечения с ним свои.

И чтоб не было пробелов
На тарелке и в судьбе,
Плов накладывал умело
Отдав почести тебе.

Ты сидела улыбаясь
Слушала весёлый вздор,
И пространство сокращалось
Восприятием – взор во взор.

Уходил чудесный вечер
Не сказав нам – как? Куда?
И быть может к новой встрече
Сквозь летящие года.

Торонто 1995

ЯВИЛАСЬ ТЫ

* * *

Явилась ты из глубины экрана
в мой поздний день. В нём зрение и слух
во мне давно живут самообманом,
избытком чувств не встретившихся двух.

Дозволь спросить, иль вымолвить хоть слово,
Ведь я твоей вражды не заслужил.
Твой званный жест вдруг мне напомнил снова
взаимость дум изъятых из глубин.

Ах, этот мир развенчанный и старый,
где всё так просто рядом то и то.
Цветы и снег, и предсказания «Таро»,
овал лица и мутно и светло.

О нет! Твой храм молчанья не нарушу.
Пока твой жест божественный плывёт,
ему под стать, я кланяюсь и слышу:
Как странно всё, что ни произойдёт.

Но день порой не вовсе одинаков,
Живу и жду, хоть этике в урон.
В ней возраст мой седидам адекватный
и нежный взгляд летящий мне вдогон.

Торонто 2014

ПРИ СВЕТЕ СОВЕСТИ ЖИВЯ

*(Светлане Даниловой. К книге
«Сердца дарящие тепло», горско
- еврейскому общественному деятелю)*

* * *

При свете совести живя
И видя в нём с судьбой единство,
Уже не клялась дважды мыслям
Любить людей забыв себя.

Жаль, жизнь одна. И взгляд не зря
Пронзает время дальше смерти,
Внушая говорит – поверьте,
Мы все единая семья.

Что есть просительнее слёз,
И что торжественнее слова.
Ах, беззащитна их основа,
Когда на свете подлость есть.

Когда от бешенства людей
Страх просыпаться рано утром.
И пред собой, во взгляде мутном
Увидеть бешенство зверей.

Взяла в парламентскую речь
Пульс неиспуганного сердца,
Спасая жизнь единоверцев,
Как жизнью выпавшая честь.

Здесь Кабарда. А там, Чечня,
Пространство крови и ошибок.
Там, давит снайпер на изгибок
Уже взведённого курка.

Пусть ноша полная от слёз,
И не для славы жизни муки.
Аэропортные разлуки
И провожания без роз.

Боль собралась внутри комком,
Прощальный взгляд и в небо птицей.
На новом месте? Нет, не спится
Чужбинный свет под потолком.

И службе сердца не дано
Подсказкой чьей- то жить и биться,
Пока у жизни есть страницы,
А у страниц – сердец тепло.

Торонто 2006

ЯЛАМИНСКИЙ ПОЕЗД

* * *

Два двадцать за билет,
И яламинский поезд,
покачиваясь в такт стука колёсных пар,
сегодня отдан мне
на счастье и на совесть
давно ушедшим дням, как милость и как дар.

Хочу сказать ему,
когда бы ты не прибыл
игру мою прими жалеючи, мечтой.
В Дербенте не спеши,
я ж безвозвратно убыл
дай мне сойти к нему, пока ещё живой.

Дай мне принять его
пульсивным обозреньем,
Где видимость вещей – от пиршеств до бесед
всегда сменяет гонг
вокзальным приглашением
в отбытие в себя и к не возвратам лет.

Предчувствие моё,
навряд ли тут обманет.
Я помню наизусть твой старый телефон.
Здесь крепостной стеной
замкнуто всё что ранит,
И лишь один здесь вход и выход – также он.

Мне ведомо где он
Допущенный к той встречи
Я к школьному окну замедленно спешу.
Другая тишь. И всё ж
Непостижимость речи
Заменена простым - я опоздал, прости.

И вырвется как звук,
стыдясь и не решаясь

возобновить тепло оторопевший миг.
Ах, что б повествовал
он, снесший муки таинств,
как если бы внезапно протяжностью возник.

И всё что здесь о нас
Достойно восхищенья,
И даже наш разлад – тут нечего таить.
За давностью былой
Он заслужил прощенья,
И надо ли вообще судьбу благодарить.

А дальше? Дальше дом.
И мама в синем платье.
Придвинься я на шаг, я б растоптал цветок.
Какой же я чужак,
Все в том же синем платье
навстречу вышла ты, как утренний росток.

Живые лепестки
чисты. Их колыханье
неведомо слилось с небесной синевой.
Напоминают мне
Они твоё дыханье
И будто бы вот вот заговоришь со мной.

Даруй мне голос свой.
Той колыбельной песней,
в которой жил мой сон, столь чистый и смешлив.
Непрочна и смертна
моя улада, если
твой голос и лицо меня не посетят.

Ах, дома больше нет,
как и Дербента тоже.

А впрочем он стоит, уже пять тысяч лет.
Не смог купить билет я
на яламинский поезд.
Он в тупике времён и в расписаньях нет.

Торонто 2011

ПРИТЧИ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

* * *

(в подражание Р.Г. Гамзатову).

То, что стрела пролетит мимо цели
можно судить по её тетиве.
То, что слова для любви не созрели
Их не испить и в янтарном вине.
(Родная, ты скажешь, что дело в судьбе.
Я же скажу по секрету тебе)
Просто сердца друг для друга не пели
Так и года без любви пролетели.

2

То, что лето будет засушливым
можно судить по холодной зиме.
То, что закат до восхода удушлив
и мы с тобою забыли о сне.
(Родная ты скажешь, тут дело в судьбе.
Я же скажу по секрету тебе),
Что чувства влюблённых всегда на виду,
Их разум и пыл обрели слепоту.

3

То, что плодов не увидят деревья
можно судить весной по цветку.
То, что несчастье и недоверие
в любви без ответа сжигают мечту.
(Ты можешь опять сказать, дело в судьбе.
Я же скажу по секрету тебе),
То, что ведёт их к отвергнутой доли
Это свершение собственной воли.

Зло красота, если истина красит
 лишь алый бутон в зелёной листве.
 Мудрость гласит: в любви каждый платит
 сердцем, душой, и кольцом на руке.
 (Ты скажешь опять, тут дело в судьбе.
 Я же скажу по секрету тебе),
 Я бы пожалуй с тобой согласился,
 Если б со зла на тебе бы женился.

Что нам сулит этот мир приходящий
 я дорогая не знаю, поверь.
 Знаю одно, что в любви настоящей
 счастьем не быть без удач и потерь.
 (Ты снова мне скажешь, тут дело в судьбе.
 Я же скажу по секрету тебе),
 Я безгранично согласен с тобою,
 Мы прожили жизнь под счастливой звездой.

Торонто 1995

ВЕНЕЦИЯ

Крылатый Лев Святого Марка - Венеция

* * *

Стою на площади san Marco
и Лев крылатый надо мной.
Он с высоты под солнцем ярким
хранит Венеции покой.
Он сила, мощь Евангелии
Владелец мифов и легенд,
Свидетель аристократии,
междоусобиц и манер.

Венеция 2010

КОРОНАЦИЯ ВЕНЕЦИИ

Художник - Паоло Веронезе.

(Паоло Кальяри)

Из Цикла Художественные Галереи Венеции

*– Polazzo Ducale**

- Итал. (Дворец Дожей)

* * *

Когда, я глаза к плафону поднял
в одном из залов Polazzo Ducale.¹
Меня кто –то плавно с земли приподняв,
бросил к ногам коронованной даме.

И как снисхождением обласканный раб,
забыв о смерти своей неизбежной,
среди тысяч поклонов, одним был бы рад
свести наши взгляды своею надеждой.

Коснувшись рукою холодного лба,
я понял одно, велением свыше
подол её бархата, как и рука
при поцелуе всегда равнодушны.

Затылок тяжёл. И мой мозг нелюдим.
Пришельцем эпох, принявший даренья
он не патриций , он простолюдин , он
жаждет мелодии стихосложения.

¹ Polazzo Ducale (итал.) Дворец Дожи.

Вся – живая звезда. И всё ей сродни,
И плавность услад, и воля во взгляде.
Её положение на троне земли
нимфы готовят в смиренном хладе.

И гнева в ней нет. Без смерти и срока
её коронация на небесах.
И сыплется золото гласом пророка
и там, на лету застывало в глазах.

И мне доставало чудеснейших сил
держаться атлантом в статной колонне,
И наблюдать, как «Венеции сын»
тихо тоскует по милой Вероне.

Оставив Верону, в Венецию шёл,
Спал по дороге, где выпадет милость.
И ел как в бреду он, и гнев его вёл
туда, куда слава с ним торопилась.

Паоло Кальяри в Венецию шёл,
И гений его содеянный славой,
вечным светилom в историю ввёл
имя – имён Веронезе Паоло.

И там, в глубину эпох Ренессанса,
в круг россыпи цвета и силы добра,
вольются: картины, фрески, эстампы.
В твой храм красоты – прославляя тебя.

Венеция 2011

Тициан. Венера Урбинская, 1538 г.

П. Веронезе. Юнона одаривает подарками Венецию.
1554-56 г. Венеция

«ВЕНЕРА» ТИЦИАНА

По залам галлерей

«Венецианской академии художеств»

* * *

Стоял прекрасный день
Восставший против воли
осенних холодов и сырости к утру.
Стоял чудесный день,
И на san. Марсо, голубь
воркуя даровал звуки свои теплу.

Отель мой мал и тих
под вывескою краткой
«Печальный пилигримм» - таков же как и я.
Метрдотель звонил
и приглашал на завтрак
не зная, что давно не завтракаю я.

Не стал я привлекать
к себе венецианцев
расспросами: что, где? И как туда пройти?
Свойство дорог – не ждать,
а странствовать скитальцем.
И Comra Della Carint¹ зовёт меня войти.

Лет тридцать пять назад,
в студенческие годы
сей улицы спираль вжилась в моём мозгу,
Соединив предмет

¹ *Comra Della Carint* (Итал.) - название улицы на которой находится академия художеств.

с величием природы -
осанку академии - мостиком к творцу.

Мне нравился мой пыл,
но почему то разум
под тяжестью мечты как – будто изнемог,
Опомнится ему
дал электронный Buzzer².
Приняв входной билет за денежный залог.

Здесь всё теперь моё,
Взгляд ненасытно сбивчив,
Разоблачённый дух, как бред отдельных ран.
Из плотности тиши
сердце спешит озвучить
любовника Венеры – вас мэтр Тициан.

Она дитя. Ах миф
религии далёкой,
всем алчущим в любви воздал желанный чад,
И вы вобрали вздох
её прозрачных лёгких
так нежно передав души своей разлад.

Как сладко, горячо
вкушает разум пьяный
движение руки на жертвенный цветок,
И воспалённый дух
промчавшись по гортани
безвыходно умолк, как потерявший слог.

² Buzzer (Англ.) - электронный сигнал.

Её нежнейший взгляд,
моё уединенье
и вспыхнувшую страсть глазами осудив.
Вдруг, сквозь неплотность штор,
как магии веленье,
как избранных кровей, скользнув, меня простил.

И жалко мне себя,
Такое завершение
не знали никогда истории труды.
Её триумф – итог
палитры вдохновенной
и усмотренье тех – взлелеянных в любви.

Венеция 2010

*Флоренция. Академия художеств,
“Давид” Микеланджело. Октябрь 2010*

*Флоренция. Академия художеств.
Персей (скульптура Бенвенуто
Челлини) Октябрь 2010*

СТОЯЛА ЧАШКА НА СТОЛЕ

Алле Нисс посвящается

* * *

Стояла чашка на столе
Из благородного сервиза,
В её прохладной глубине
Чаинок грустная реприза
Звучала молча в тишине.

И полуночный ход теней
Скользил по телу, прикрывая
Редчайший кобальт и ясней
Всплывала белизна эмали,
Как сердце полное страстей.

И в одиночестве своём
Воспоминаниям внимая
Шептала – это было днем
И эти губы прикасаясь,
Так жгли таинственным огнём.

И две чайники в забытьи
Как разыгравшиеся дети
Кружились в танце и несли
Тона, окрашенные цветом
С палитры неба и земли.

И в том, коротком свете дня
Был эпилог. Невесть откуда
Разлилась вешняя вода
И ночи ранняя ошуда,
Как предсказанье бытия.

Торонто 2002

РИСУНОК С ФОТОГРАФИИ

Ирине Михайловой посвящается

* * *

Какое чудо – за лицом и речью,
За тёплым взглядом её усталых век,
За рамками, что обнимают плечи,
И всё ж не весь на фото человек.

Есть значит всё ж за рамками мышление
Всё то, что я с лица бы не достал,
Хоть и парил, и медлил всё с решением
Начать свой лёгкий, певчий мадригал.

Я не о тайнах и не о приметах,
Я лишь о сути открытого лица,
Его увидеть можно и в газетах,
И в клинике, к ней на приём спеша.

У тех чьи боли – невтерпёж уж боле
и со словами не попад живут,
Известны ей, подвластны силе воли
её надзора – пройденных наук.

Фонендоскоп, как доктора сиротство
давно не спорит с редакторским пером.
В неразрешимом не бывает сходства,
Что ж делать ей с раздвоенным челом.

И снова взгляд – в три четверти камей.
Из ряда древних, возвышенных основ.
Он обитал в синайском отдалении
И оживал на фото из под слов.

Здесь всё с тобой. И родственные песни
дербентцам славным, и как прожить уму,
И совпадения совести и чести,
И обещанья сердцу своему.

Торонто 2012

АПРЕЛЬ ВОШЁЛ БЕЗ СТУКА

Фриде Юсуфовой ко дню рождения

* * *

Когда бы знали вы, что тайный собеседник
Ваш приглашённый гость, давно с вами в родстве,
Налили бы вина, спросив: - Как жизнь бездельник?
Придвинули б орешек, зашторив свет в окне.

Оставив свет свечей и своенравность звуков
Произнесённых слов и жестов немоты,
Ваш гость тогда б сказал: - Апрель вошёл без стука,
Он так же, как и вы не терпит суеты.

Он так же, как и вы, несдержанною мыслью
Выплёскивает льда сверкающий хрусталь.
Иль колонком весны, тончайшей нитью кисти,
С природы приподнял заснеженную вуаль.

Ваш гость сказал бы так: - Прочёл ваши стихи я,
В них радость коротка и долгая печаль,
А «ПЕРВОЕ ХАНУМ», где этикет впервые,
Позволил так назвать вас, открыл всем чувствам даль.

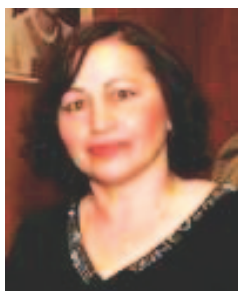
Да, в Вашем ремесле, написанное свято,
Капельный перезвон лишь баловень ему,
А изъяснение уст пядью во лбу богато.
И обретают смысл апрельские шумы.

И любит праздник свой день жизни первозданный.
И вечный, кто рождён печатным словом дня.
Я сообщаюсь с ним, как и с природой равный
И потому вошёл без стука среди дня.

Прошу простить меня, ведь нам пора прощаться.
Куда же вы? Мой гость. Попейте хоть вина.
Пожалуй я пойду. Вам впору рассмеяться.
На юбилей зайду, но восемь лет спустя.

Торонто 2010

ЭЛЕФ НАЩЕКOT

1000 поцелуев - иврит

Ханне Рафаэль к 50-летию

* * *

Мне интернет был дан просторный
И взгляд далёкий – на Восток,
И слов твоих порядок стройный,
Чтоб будоражил мне висок.

Лишь только полдень бесконечный
Приблизит вечера черты
Из тёплой Тверии сердечно
Ты шлешь мне милые лучи.

Купаюсь в них я, как в купели
С живою серною водой,
И мнится мне, что вдруг запели
Псалом Давида столь родной.

Ведь мне всегда недоставало
Тепла восточных берегов,
И лишь одна ты слышала
В сугробах вязнущих мой зов.

Люблю читать твои творенья
В них люди – созданы пером,
И смысл такого рукоделья
Подсказан сердцем и умом.

И скажут люди: Как прекрасен
Неповторимый ритуал,
И каждый жест твой будет ясен
Как добрый труд твоих начал.
И будет так. В разгаре славы
Все взгляды робко избежав
Произнесёшь: – Вы люди правы!
Слезу от чувства не сдержав.

Что я без вас! А вы без слова,
Подаренного мне душой,
Вы жизни всей моей основа,
Спасибо вам, что вы со мной.

Прикрыв глаза на яркость света
Ты скажешь будто - бы со сна:
Ещё одно настало лето,
А мне всё чудится весна.

И вот тогда, нехитрым звуком
Раскрыв июльское окно
Воскликнешь ты: ВСЕМ С ДОБРЫМ УТРОМ!
Послав им ЭЛЕФ НАЩЕКОТ.

Торонто 2011

ЕСТЬ НЕЗЕМНОЙ ОТВЕТ

Художнику Шалумову Шалуму посвящается

* * *

Чтоб разглядеть тебя
не нужно щурить взгляда,
А нужно лишь войти в незапертую дверь.
В твоей душе всегда
для вольного расклада
Соиться вольных дум – находок и потерь.

А в них уже давно
двух родин счастье сходство.
И трудно угадать в какой из них рождён
сородич из тепла,
любви и благородства,
Он в творчестве твоём и в линиях ладонь.

Особенный восход
тебе дала природа.
Оттуда, с высоты отдать как должный дар
всё, что ты впитал
воспетое народом,
и музыку ковра декором воссоздал.

Так пригуби вина
Почувствуй запах хлеба,
Пусть поспекает жизнь идти тебе во след
в то будущее дня,
где отражая небо
Твоим земным холстам
есть неземной ответ.

Торонто 2013

*Триптих «Джаз». Гуашь, картон, 36х47,
Ш.Шалумов 2003 г.*

*Праздник цветов. Холодный батик, шифон.
116x78. Ш.Шалумов 1978 г.*

У ПОДНОЖИЯ МАШУКА

(К 200 – летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова)

«Поднять глаза к высоким небесам». – А. Ахматова.

* * *

Как ни трактуй, а высказать придётся
«Продажный день» был прожит. Вновь со мной
в иных краях, с иных чужих колодцев
среди бело дня налил за упокой.
Как будто день не знал, не ведал ночи
Смятение дум страдальцу оборвав,
он обжигал и делал путь короче,
от ночи к дню, а там, уже провал.

Не в памяти провал, а в Пятигорске,
И я один стою у Машука.
Тут выстрел честь, а смерть лишь отголоски
нелепых измышлений и тоскааааааа.
Тоска в глазах любовника Тамары,
Всех рассуждений стынувший приют.
О, как он чист в мундире и в опале,
Приняв Кавказ, отвергнув Петербург.

Никчёмна дань души после утраты,
И как истому пригубив питьё
вдруг закричать: Пророки! Словосвяты!
Он здесь упал ушедший в небытие.
Роднее зреть вечернюю дорогу,

Тенгинский¹ полк, Костров привала след.
Как молча он молился, только Б-гу,

¹ **Тенгинский**

77 ой пехотный полк. Полк, куда был переведён поручик М.Ю. Лермонтов 13 Апреля 1840г. Полк находился в то время на правом фланге кавказской войны.

предвидев свой потусторонний свет.

Тут сторонясь уходит время быстро
прожитое усилием и трудом,
И лишь Машук прекрасно помнит выстрел,
Но он молчит. Он клятвенно умён.
Но дай мне знать земли скалистый отпрыск,
Что будут жить труды его и лик,
Что этот заповедник только пропуск
к его душе, что тайно здесь парит.

Что нам мечта и пышность рассуждений
Возможно ль здесь? Безумствовать уму.
Разглядывать тропу его схождения
Искать в себе, возможное ему.
Найти слова здесь на земле не трудно,
Но звук небес исток к его словам.
Способен ль я почувствовать чудо,
подняв глаза к высоким небесам.

Здесь обитал пустынный и изгнанник
Печальный демон, дух добра и зла.
Поэта дум насмешник и охальник
И Врубеля хрустальная тоска.
День проскользнёт и золото заката
в последний раз свой воссиявший свет
обрывком тьмы изменит жизнь солдата
и воссоздаст горячих спор предмет.

Я не привык, что всё великолепно,
когда в душе и пусто, и темно.
В обрывках стих, под дулом пистолета,
И счастлив я прикрыв собой его.
За перевал. Я новый постоялец
Пришпорьте мне горячего коня.

Мой Карагёз кавказских гор упрямец,
Скачи туда, где место для меня.
Начни с того, мои следы в Дербенте.
Они ведут к Тарханам² и в мечтах
Я бы желал в Дарьяльской узкой ленте
лежать и ждать любимую в слезах.
(... И снилась ей долина Дагестана
Знакомый труп лежал в долине той
В его груди дымясь чернела рана
И кровь лилась хладеющей струёй)
(отрывок из стих. «Сон». М.Ю.Лермонтов)

Как не живи, но видимо придётся
гостить, любить и видеть связь родства,
Его звезда без шёлка и без лоска
Точь в точь моя, шептала до утра.
Ведь помню всё. Сидя за партой в школе
среди вольных дум одну не удержав
посмел сказать, что Лермонтов при споре
мог и простить, чужую боль поняв.

Ведь был и в нём любви печальный промельк
Жалея знал, сей предрешён сюжет,
И в сердце Мери жалостливый комик
писал: - Княжна, любви на свете нет.
Как нет меня. О бедный мой Грушницкий
Из пустоты моих печальных дней
отмщеньем пал, успев взглянуть на лица
услышав крик: - Врача сюда, скорей.

² **Они ведут к Тарханам**

гор. Тарханы . Государственный музей
– заповедник М.Ю. Лермонтова. Усадьба бабушки поэта –
Арсеньевой. Здесь прошли детство и юность поэта.

Ведь в нём так жил врождённый дух надежды
на мягкость чувств, на милосердный зов,
Но видел он, его эстет мятежный
не даст придти на пенсионный двор.
Он воссоздал сей замысел особый,
пером чиркнув, чтоб жизнь его вписать
как некий смысл, вселенной кисти Б-га,
как кровный тик , стрелять иль не стрелять.

Я говорил, что ты жесток³ до крови,
Бесчинствуй день – Арбенин⁴ мстит себе.
Кипящий взгляд из сумасшедшей доли
он обращал к отравленной жене.
В злодействе ум и в будущем и в бывшем
заблудший врёт, но уязвимо горд,
И свысока прощения не ищет
Утешный ждёт благословенья гор.

А тут ещё «Беглец быстрее лани»⁵
В угоду дня бежал в аул родной,
Погиб отец и брат на поле брани,
но труса, мать не жаждала домой.
Незримость душ на милость воображенья

³ ... **Я говорил, что ты жесток**

- обращение Арбенина к неизвестному (двойнику).

⁴ **Арбенин Евгений Александрович**

- действующее лицо драмы

⁵ ... **А тут ещё беглец быстрее лани**

- ... Бежал Гарун быстрее лани. Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Беглец».

здесь на плато событием бурлят.
Привал времён и снова восхождение
Поднять глаза увидеть и понять.

Понять, что есть на свете добрый гений
Ему не ждать всех позволений дня,
Иначе этих страшных украшений
не смог б принять за должное бытия.
Лишь в нём моё доверье. Нет сомнений!
Что буду я стоять когда нибудь
на том посту солдата, вдохновений,
где продлевают жизненность и путь.

Дай мне продлить счастливое мгновенье
приняв его, судьбу, как дар времён
напиться вновь плодами вдохновенья
его стихов в порыве неземном.

Мне б попросить. Ведь я не долгожитель,
В просьбе моей один лишь интерес.
Эстет надменный! Жеста повелитель!
Ах, сделай так, чтоб Лермонтов воскрес!

Пятигорск 1985 - Торонто 2014

КАТАКОЛОН (ОЛИМПИЯ)

* * *

Оливы сад прижал дорогу
создав ветрам сплошной заслон.
Обрыв крутой внушал тревогу
автобусу с Катаколон.

Мы мчимся вверх на праздник жданный
богов Олимпии, И в нём
свой пыл природный, перевозданный
смешали с давностью времён.

Здесь каждый может в меру силы
Воздать желанье на забег.
И ветку лавра и оливы
принять, как символ всех побед.

Олимпия 2010

Арочный вход на стадион

ПОЭМЫ

Мушаилов Мушаил Ханухович (1941 - 2007)

Заслуженный деятель искусств Дагестана.

Лауреат Государственной Премии. Почётный член и гость: Румынской, Венгерской, Московской академий художеств. Ответственный секретарь Союза Художников Дагестана и ассоциации «Советский Юг» .

Член Союза художников СССР. Умер 4-го января 2007 года в Москве. Родственниками был перевезён в Израиль и похоронен в гор. Явне.

ИЗ ЖИЗНИ ХУДОЖНИКА

*Художник и Alter Ego**

(лат. двойник)

* * *

Он спешил к себе в мастерскую,
как боясь опоздать на встречу,
Напевая *Ave Maria*(ю)
Еле слышно, под тихий вечер.

Спектр ёмких, латинских слов, был
величествен и державным.
Он нашествием древних основ
выбивал смыслы слов из тайны.

Ах, радуйся – *Ave Maria*
Испросив у небес позволение,
Ведь твоё чудесное имя
Всем скорбящим на исцеленье.

Он любил эту песню и рад
был свободе души и речи,
В нём звучала она, как набат
создавая бездне предтече.

И хоральные звуки земли
покинув бездонные недра
подпевали ему и вели
его чуткое *alter ego*.

Одержимый искатель, творец.
Лауреат заслуженных премий.
Жил, работал счастливый жилец
Гость почётный трёх академий.

Его вдумчивый голос звучал
соразмерно нежности темы,
Будто Шуберт у пульта стоял
обожатель Марии и Вены.

И единожды жить лишь затем,
чтоб палитры цвет на запястье
добрым Фаустом вдруг нараспев
засветился минутой счастья.

1

Это был мой эпиграф. Я знал,
что однажды дождусь возврата
к той возможности, где прозвучал
голос мой после смерти брата.

Всё не просто, но надобно так
рассчитать рассудок и силы
чтоб вещать, а потом пировать
и стоять, и стоять у могилы.

(Притча)

Та ль последняя лампа души
осветив жизни свет обильно,
вдруг погаснув сном замогильным
так молебна запросит тиши.

В смерти каждый видит беду. Ту
последнюю бедствуя с нами,
Как ревнитель живущий в роду
Она ластится скорбью, слезами.
Ах, всё это будет потом.
В нём жила чудотворная сила
Живописца реальных времён
Расточителя славы и стиля.
Близ друзей и заклятых врагов,
скучной лести – «любителей жижи»
Важно было строение жизни
и триумф торопливых шагов.

В мастерскую войдя замолчал,
вдруг прервав своё песнопенье.
Упредив совместимость начал,
подчинился новым веленьям.
Своевольный, угодливый ум
благосклонно видеть предметы
укоризненно вёл его к двум,
к двум холстам на широких мольбертах.
Это были картины души:
«Смерть Солдата» и «Чёрные Шали».
И в багете отправки ждали

В зал искусств и картинной тиши.
Их сюжеты травмы людей. Тех,
чьи письма пришли с опозданием,
А оплошность – недосыпа дней
похоронкой, скрытою тайной.
Опрокинувшись в стон, обомлев
Одевали матери шали,
Чёрный цвет их, судьбой отболев
был свидетелем тех обиталищ.
И вся улица Таги – Заде¹
дербентской еврейской колонки
заполнялась от похоронки
и трагично смотрелась в холсте.

А сироты давно уж ничьи.
Им не ведом номер их дома,
И нести им обиду, нести
память шалей и похоронок.
Это был не придуманный вид
Не по слухам в грусти изложен,
Сам художник плача навзрыд, С тем
мальчишкой с картины был схожий.
И не зная молитвы они,
вновь заслышав протяжность речи
повторяли слова в иноречи,
как учил при молитве раввин.

2

И любая, двоякая мысль
мастерства его рокового
выдавала единственный смысл
средоточья бедствия злого.

¹ Улица Таги – Заде - гор. Дербент (респ. Дагестан).
Место компактного проживания евреев.

Здесь и рвущийся голос войны,
И удушье детского страха,
И ответное чувство вины
столь бесценное в творчестве брата.

(Притча)

Мастерская. Вселенная. Тут,
всё пространство её и время
обнажаясь до вдохновенья,
вновь свой круг на палитре пройдут.

И работать, писать, рисовать,
не прося взамен даже вдоха,
врачевало его, и опять
приводило к своим истокам.
Всё прозорливей гений его
вездесведущ в выси трагедий,
заполнял самовластно, легко
всю ту брэнность военных эллегий.
А второй его холст говорил
достоверность – смерти солдата.
Это плоти живой когда – то
призрак, видящий тайну могил.

3

Он стоял как всегда у холста,
Его бледность, надвое светом
надрываясь, страшась с высока,
говорили молча с сюжетом.
И внимая просьбе его, я
позировал «призрак солдата»,
И подробность лица моего
уходила в неясность куда -то.
Может в тот окуляр, где едва
лишь под пристальным взглядом воли,

прочих таинств и аллегорий
по чертам обнаружишь себя.

И придя из нездешних миров
достоверно – абстрактный призрак,
как охотник небес – Орион
забирал, как добычу лик мой.
И вживался мой призрак в меня
совершая небес повинность
Все бледнее входил в зеркала
превращаясь молча в незримость.
И казалось мне, что тогда, я
был изгнан из края мечтаний,
И без сердца и пониманий
нет мне больше возврата туда.

И прощалось мне всё, даже вся
в равновесьи меж злом и счастьем.
Вот мой призрак, а вот стою я,
нет на свете минуты ужасней.
А за мной крепостной бастион,
у ног поминальная стопка,
И горюют родные их стон,
как последние почести рока.
Поменяв обитаний места,
континент не свой озирая,
я с трудом себя различая,
как спасённый бегу от себя.

Не освоив ни мрак, и ни свет,
и не зная тамошних нравов,
я старался встретить рассвет сквозь
свой сон и хмельные провалы.
Мои сны, больны в полнолуние
Всё толпятся, стучатся в двери,

И потворствуя слабоумью,
я кричал им: - Войдите в щели.
Ах, забудь – говорил я себе,
всё что долго сделай мгновенным,
И по жизни, вновь обновленный,
как из грёз возвращайся к себе.

4

И витал в мастерской красок дух,
Пролитый на пол разбавитель
расползлся, шипел, будто вслух
разъедал свою же обитель.
И ломался в боренье покой.
Кто же он? Чья отлучка – время
вновь возврата к себе, исподволь
видеть в мозге разъединения.
И забыв про жену и детей
(имена тех, кто был так дорог)
позабыв про весну и город
растворялся в работе своей.

(Мастер и Двойник)

Мастер строил – двойник крушил. Всё
смеялся и был не согласен.
- Что ты делаешь? Ты поспешил!
Ты ведь сам был себе не ясен.
Мастер скромно творил и молчал
упрекнув его в пустословье.
- Ты бесформенный, мне тебя жаль
шёл бы ты и не ставил условий.

(Притча)

И превысив возможности двух,
самовластно разъединяя
их разлад, мозг искал понимая

всю утайку их новых причуд.

Мастер знал, его соглядатай
ждёт у сердца, и подчиняясь
своей власти, витиевато
(он всё глубже внутрь забираясь)
через длинный творческий путь,
все заносчивей делал визиты.
Исполняя обряд – дав остыть
воле мастера. И в те минуты
он старался привлечь на себя
изнурительную идею,
возвращая мастера с нею
заглянуть вновь во внутрь себя.

Вновь увидеть и воссоздать, связь
попыток к новым ответам,
Предлагая переписать строй
картины – банальным сюжетом.
Всё кружил и назойливо блажь
(как студенту «изящных училищ»)
дерзкой речью вещал: - Ну, ублажь
ты удобства музейных хранилищ.
- Замолчи, павиан крикливый
В лучших залах мои картины
Жизнь давно внесла коррективы,
сохранив мои росписи, фрески.

Как ты смел, несчастный и дерзкий
говорить со мной в таком тоне,
О музейных хранилищах мерзких,
и в добавок хранить на поддоне.
Нет! Устал ублажать я твой зов
Оглушённый напрочь – невзгодой
я на грань отношений готов

сбросить камень на прыткость уroda.

Так и жили они в мозгу
предоставив право друг другу
говорить: Я могу! Я смогу
излечить твой мозг от недуга.
И страшась не успеть – суета
расточая свой говор распутный
наслаждалась у линии рта
своей лексикой первобытной.

(Притча)

Если кто – то не любит тебя,
хоть и мог полюбить непременно
Сделай жест и высокомерно
дай понять остальное всё зря.

И владея своим двойником,
Так, на случай важного дела
Приносил он на выставком лишь
эскиз. Столь подробно и смело
впечатлял он в общих чертах
постижимость цвета и темы,
Стройный замысел, нежность в тонах
и томление к большому размеру.
Сей правдивый исход убеждал
заседателей выставкома,
И высокой суммой, условно
он эскизом контракт закрывал.

5

И писались картины средь грёз
заказного великолепия,
И натурщица с запахом роз
хороша и так раболепна.
Она знала, что любит его,
когда он вдохновенной рукою

раскрывал однозначно – своё
и её приворотную волю.
И как будто изподтишка
обнажая томление кокетством,
полагаясь на верное средство
босиком уже в ванную шла.

Но не знала она, то одно,
что рождает в нём жар и холод,
Кто ведёт в нём его ремесло
и искусства великого голод.
Обошённая той новизной
подошла и без колебаний
его тела коснулась рукой
без каких – то иных пониманий.

(Притча)

Пусть ничтожно усилие всё ж,
как всегда объяснима мука,
Перенёсший боли без звука
вдруг поймёт, что с болью был схож.

И плыла безотчётная связь
Вся как жизнь попирая зароки,
Как вина загустевшая вязь
Из лозы орошенной потом.
Лёгкий шёпот летал по верхам
Замирая, тянулся к выси
Способ речи был трудным словам
как – то быстро обоим наскучив.
И внезапно возникший обман
предоставив себе щедроты,
умирал и духом и плотью,
как завравшийся в жизни роман.

(Поджѣг мастерской. Иммиграция)

Разминувшись со следом судьбы,
Потеряв возвышенность цели
И прошедший по краю нужды,
он уснул устало в постели.
Это было недавней весной,
В той, последней, жизни в Союзе
Ему снилось, что он молодой
полон сил для служения музе.

(Притча)

Беспокойство как молния, вдруг
хищной лапой царапнет тело,
Утомив его до предела,
сникнет кротко исторгнув испуг.

Снилась влажность любви, как к ногам
липли травы. В изъязн дороги
как избыток легли по следам
даль и тишь – подобье природы.
Только острая наискось боль
как озноб и как откровенность
с неприязнью вели его вдоль
мастерской воспалив достоверность.
Здесь когда – то стоял его дом
Пробуждаясь свежо и рано,
он игриво и первозданно
ждал художника в зале своём.

А вдоль стенок мольберты, холсты,
И в картонных коробках краски
Разбавитель, постель и листы,
и две театральные маски.
Маска плачет – маска смеётся,

что висели за правым плечом,
Ими сыгранна смерть, им зачтётся
безутешный лишь лоб и ладонь.
Как ослушник – изгой в старину,
он стоял до восхода и медлил
отвести больной взгляд на пепел,
оседающий прахом в дыму.

Всё сожгли отродье шакалов.
Нет ни денег, картин, мастерской,
И истерзан, стеснён дух начала
жить, работать в стране, где разбой.
И от сна стал себе обратным
мозг горячий, охочий до драк,
и от яви злобой объятый,
и от горя отозванный в чад.

(Притча)

Сколько ж жить его проявленьям.
Так придиричиво в сердце колоть.
До нельзя в бессловесную плоть
и до звуков боли и мщенья.

Нет длиннее дорог, чем к себе
И затратив дух свой и силы
всё не поздно вернуть, коль в судьбе
обнажились нервы и жилы.
Надо двигаться в путь, к берегам,
где пришельцу – благо без зелья.
И отечеству ты по зубам,
Если ты остался евреем.
И минувшее в новой судьбе
чехардою прошлой промчится,
даст воочию, зримо проститься
и исчезнуть на новой земле.

Улетели в Израиль, давно,
церемоний лихих избегая:
Акуваев,² Ашуров Симхо³
и Шалумов Шалум⁴ и Тамара⁵
Все друзья по Союзу СХ(ан),
Подаваясь новой опеке
покидали они Дагестан
вопрошающим взглядом – На веки?
Был застрелен Эд. Бутербред
У себя в мастерской – рэкетёром,
и разграблен им- мародером,
и в среде потерявший свой след.

7

Хлыст бандитов ставил рубцы,
Гильзы пуль вылетали раненьем,
И собою горды подлецы
Отобрав у евреев именья.
В МВД начиналась возня.

² Эдуард Акуваев - профессор изобразительного искусства - живописи, рисунка графики и композиции. Лауреат гос. премии. Член С.Х. СССР.

³ Ашуров Симхо, ⁴ Шалумов Шалум, , Ал. Ихиилов* - Дагестанские художники – друзья.

⁵ Тамара Мусаханова - скульптор. Засл. деятель искусств Дагестана. Член С.Х. СССР.

⁶ Генерал всё медлил с облавой* - Зам. министра МВД Дагестана обещавший взять телефон художника на прослушивание, чтобы выяснить личность бандитов, требовавших подписать дарственную на здание – мастерской и под угрозой смерти забрали ценные картины, подлежащие отправки к заказчикам, был взорван у себя на квартире.

Генерал, всё медлил с облавой,⁶
И был взорван «среди белого дня»
у себя на квартире. Бесславно
так закончил бурный свой век
от вельможной тупой гордыни .
Всё шептал : - Маньяк анонимный
всю страну расколол как орех.

А страна как кипящий котёл
собирала на запах отвара
депутатов, убийц и воров
и тюремным возврат обещала.
И к владеньям, ресурсам спеша
вспять во времени, смысла и воли
Озираясь вокруг лжи князя
всю страну разделили на доли.
Их зловещий, алчный вкус
сквозь потоп и войну прошедший,
как пирующий сумасшедший
процветал среди земных пепелищ.

А ресурсы земли газ и нефть,
узаконив – приватизатор⁷
за кордон продавал, для утех
своих нужд и воров собратьев.
Ну, а кто решившись на храбрость
быт народа улучшить в стране
Был «заказан» на чью – то радость
и покойся прахом в земле.
(Притча)

⁷ Приватизатор - человек, юридически оформивший гос. предприятия, жилые помещения частной собственности в период распада СССР.

Ах, как жаль, что купаясь во сне
всех купальщиц взор не осилит
и в беспамятстве добрый лирик
тихо жаждал сгореть на костре.

8

А тем временем, чистая даль
виновато сжалась в бытовке
Средь дверей и окон - тесный рай
отраженья движений неловких.
Не поставить даже мольберт
и не сделать лишнего шага,
Слёз утайка на скучный предмет
и жара, как исчадие ада.
И оставшись один, он едва
приводил в порядок рассудок
и сиротливых слов пересудок
тяжким вздохом срывался со рта.

Город маленький, скромненький быт
и с историей убиенных
и беспечных, как в прочих других
по Израилю – обыкновенных.
Ну а в городе маленький парк
любопытных малая праздность,
Здесь художник, в зелени арок
портреты рисует. На радость
ребятишек и взрослых людей
за совсем небольшую плату,
А порой возвращая оплату,
коль солдаты лишь память семей.

А иначе и быть не могло
Бедной матери жить одиноко

Если сердце не отлегло
и от слёз ещё влажное фото.
Он писал их и слышал их стон
сохранённый эхом бывшего
изменивший лишь жизненный звон
совершенный во имя живого.
Он средь ночи вставал, как шальной
Всё искал свою мастерскую
И не снесши тягость вслепую
гладил муку, одну за одной.

Пусть несказанно всё до конца,
Гнев копился и рвался к исходу,
И всё горестней маска лица
Всё яснее вход в синагогу.
И молился он проклиная
всякий смысл приведший его
к распознаванию себя – у края
смертной паперти. И ей назло
весь пригляд несчастных сумятиц
завезённых потоком людей,
он в портретах делал добрей
их взаимность с вечером пятниц.

И некстати всплывало поверх
всех терпений, невзгод – досада
приводя в истерический смех, ум
рождавший духовные блага.
Нет! Пора возвращаться в Москву.
Выбор сделан. Так ли? Иначе?
Хоть понять зачем я живу, коль
важнее нет смысла в задаче.
Снова звал его институт на
на работу своим педагогом.
Храм искусств считал своим долгом

мастеров своих снова вернуть.

(Эпилог. Возвращение в Москву)

И наполненный счастьем он шёл,
как всегда к себе в мастерскую.
Простодушный, истерзанный злом
напевая *Ave Maria*(ю).

И общалась с ним вотчина – даль,
перемены снесшая в боли
Поменялись вожди и мораль,
пересытив тех кто «на воле».
Не терзаясь значением своим,
он шёл в институт на работу,
Его ждали иные заботы,
курс дипломников ведомый им.

Проще разум и ясно в душе
и причудливо видеть наивность,
как талант молодых, в каждом дне
принимает маэстро взаимность.
Не они ли? Воспитаны им
принесут в большое искусство
может первый свой псевдоним
и картины рождённые чувством.
Не они ли? Вольны говорить
о живущей в них радости смены.
Видеть в жизни её перемены
рассуждая с собою – творить.

И гнев первых гордынь и свобод,
ставших жертвой собственных бешенств
их когданибудь вновь приведёт
к педагога преданьям вещим.

Что поняв работу ума,
в нём увидеть ясность достоинств,
убирая ладони со лба
продолжать на холсте свой поиск.
И когда лёгкой струйкой тепла
разольётся по телу неча -
Это чуткое *alter ego*
вновь в опаснейшей зоне виска.

Торонто 2007

*Мушаил Мушаилов - "Черные шали
матерей" 1978*

*Мушаил Мушаилов - "Баллада о солдате,
Воспоминание" 1975*

LET IT BE!

Виктору Абаеву посвящается

* * *

1

Он вышел в город присмотреться
на роскошь дня, на моды крик
И в блеске лет – переодеться
зайдя, в Manhattan(e) – в бутик.

Чтоб осмотреться нужно время,
Ко времени ещё азарт
Ну, а к азарту и терпенье
И чистый шик раскрытых карт.

Его присутствие согласно
укладу времени его
наглядно прибыльной и властно
диктует времени само.

Здесь много неизвестных новшеств
возросших жаждою людей.
Быть плодородней даже почвы
на корнях жизненных страстей.

Он этих мест давно не видел
и не жалел, что опоздал
на чей – то праздник. Он предвидел
триумф своих лихих начал.

Всё связано до объяснения.
И добрым знаком двух колец
Комфорт любви, прыжок везенья
и здравость милых двух сердец.

Не он ль искатель своих правил
и если вышел, то куда?
беспрекословно жизнь заставив
принять, как должное себя.

Не больно ль? За залив New – York(a)
Отдать что есть. Не вспоминать
жизнь измученного толка
и ничего не обещать.

Он был силен. Он будто знал, что
этот берег у залива
его судьбу познав, позвал
на вечер своего прилива.

Услышав шум воды, понять,
что вечна только лишь поверхность,
но не залив, в котором гладь, вдруг
приняла отлива внешность.

Не снесший лжи той, что незримо
прозорливо его вела.
Он весь залив обняв в едино
налил в бокал - испил до дна.

Нет времени у вдохновенья
Дела как тучи свысока
латунью припекали время
и охлаждали пыл ума.

Он повторял членораздельно
слова как клятву: «Let It Be!»
и соплеменникам отдельно,
он в синагогу нёс дары.

И все протяжности уюта
его гостеприимный дом
в черёд забот объятий друга
откроют дверь, накроют стол.

Скучает глаз, но вот уловка
и слаще слов чем «Let It Be!»
Рукой творца, своей сноровкой
Он Тору дарит! По любви!

Из дальновидного благого
наметив позвонить ко мне
он пригласил на праздник Торы
и на «Эль – Аль» в одном родстве.

Ночь пролетела, в самолёте
часы назад перевели
Со здравым смыслом о полёте
я, всё же человек земли.

Мой май спешит, а с ним мой отпуск
заслуженный сам по себе
Жизни моей законов отпрыск
Труда блюститель на земле.

И чем свежее давность мая
хоть многолетье снизошло
я этот месяц уважаю
в нём день рождения моё.

Ах, что там я, когда здесь Виктор
И день рожденье в сентябре
Начало осени, как диктор
диктует новый смысл судьбе.

А бабье лето – лик особый
В нём воздух в сговоре с душой
неутомлённый и способный
послать свой вздох душе иной.

И паутина днём коротким
блеснёт и спутает листву
И обожжёт её подпёком
румяный луч в дар октябрю.

И столь беспечно телефоны
трезвонят возвещая быль,
А мы давно уже в дороге
и мчится наш автомобиль.

2

И мчимся мы из края зданий
на край ума, в пекло песков.
Там всех нас ждут, круг ожиданий
уже раздвинул гнёт тисков.

Нас ждут солдаты и пилоты
и уваженья от щедрот.
Их бескорыстных глаз расчёты
как на погонах звёзд расчёт.

Не восхвалить ли храм ушедший
Чтоб в новом, радостный пилот
читал слова из Торы вечной
Взлетая возвращался в Корт.

И лётный полк устроил праздник
А Виктор, как почётный гость
на истребителе отважно
произносил за Тору тост!

И мы друзья: Коля, Валера,
Зимро Абаевич – отец,
в песках пустынного пленэра
плясали с Торой – «первертец»

И с нами раввин из Сдерота
Он в этот день благословил
всех по два раза и кого – то
вполне возможно и забыл.

Не тяжек грех – он в жизни этой
слуга господний поставщик,
всех смыслов слов его заветов
и сердцем мелкий ростовщик.

Из под своей широкой шляпы
глазами небо охватив,
он весь свой род в это занятие
привёл - Господь им разрешил.

Его и ныне всякий знает
Созвучье слов, величья знак
при чтенье всё он соблюдает.
Не беден, но и не богат.

А между тем, наш праздник славный
напомнил Тигр и Евфрат.
В его песках родился главный
для всех евреев реферат.

И вновь по вольному влеченью
песок Беэр – Шевы топчим мы
не по слепому убеждению,
мы строим след своей горы.

Событий нет, но есть свобода
Подверженный влиянию дня
Виктор, как спонсор у порога
и Let it Be! На всё и вся!

И этот дар, природа в руки
даёт не каждому из нас,
Мы умолкаем, лишь при звуке
об одолжении в деньках.

И все хотят поймать удачу
На край земли бегут за ней.
А он себя переиначил
и сам идёт на встречу с ней.

Кому – то на издание книги,
Кому, билет на самолёт.
Как меценат и лидер лиги
мимо евреев не пройдёт.

А в нём Дербентская осанка
и в обращенье простота.
Ну, выверни хоть на изнанку
Черты Дербентского лица.

Он человек своей эпохи
Традиций старых – лучших нет.
Спасая возвращая крохи
с своим народом шёл на свет.

Не их ли взгляд его приблизил,
Не их ли думы завлекли
его в великое, занизив
самооценку в той любви.

Он им родной и лёгкий телом
как прост и как огромен он
В свой город солнца, в взлёте смелом
Он пригласил их всех крылом.

И созданные им структуры
за смелой выходкой его,
как граждане своей культуры
живут и создают добро.

Он непрочитанная книга.
И в жизни «горских словарей»
В странице под закладкой нимба
живёт весь пыл его страстей.

Его гонцы поспешны в цели.
В дом престарелых и сирот
в уход за старостью успели
медикаменты в круг забот.

Опробовав по жизни всяко
всем чем возможно и вполне
разумной видимостью, гладко

провёл рукою по судьбе.
Всех обликов труда – решение.
И всех советов – глаз алмаз.
Он гражданин народа в зренье:
вчера, сегодня и сейчас!

Торонто 2015

НИКО ПИРОСМАНИ

«Из цикла» по залам художественных галлерей - Нико Пиросманошвили.

В народе Нико Пиросмани - художник – примитивист начала XX – го столетия)

*«...Ты скачи моя лошадка прыг – скок, прыг – скок,
к дальней речке Алазани прыг – скок, прыг – скок ...»
(детская Грузинская песня)*

* * *

На Малаканской двадцать девять¹
в подвале и в болотном чаде,
как капли времени измерив
кровинкой кашля, в слёзной влаге
лежал безмолвный человек.
Тифлис, принявший новый век
Легендой растворил в народе
стереотипы: он безродный,
нищий художник и судьбой
бродяга с чистою душой.

Что некий друг – Кирил Зданевич,²
собрав работы Пиросмани
привёз в Москву, в душе надеясь,
что век разбуженный мечтами
«внедреньем авангарда в быт»
знал, надо только изъяснить

¹ Малаканская 29 - Название улицы в Тбилиси

² Кирил Зданевич - Художник авангардист (1892 – 1962г)

идеи – века футуризма³
и избегать натурализма,
и вычеркнуть изящность форм:
« чем проще жизнь, тем слаще сон».

Тогда не думал Пиросмани,
что будет день и распахнутся
с величием дворцы и залы.
Народы мира соберутся,
чтоб тайну жизни рассмотреть
искавших мук. Перетерпеть
судьбы их жёсткие гоненья
и в детство впасть, и в утешеньи,
найти надёжный свой покой
от биографии чужой.

А он расписывал духаны⁴
не зная законов в том искусстве.
Был уроженцем Мирзаами
в родной Кахетии. И с грустью
своё он детство вспоминал,
Осиротел, когда был мал
И армянин из Шулавери,⁵
как христианин был предан вере
к себе в семью мальчишку взял,
как мог растил и сыном звал.

³ Футуризм - Одно из течений русского авангарда
в начале XX – го столетия.

⁴ Духаны - Грузинские традиционные заведения
общественного питания.

⁵ Шулавери - Грузинское село, ныне село «Шаумян»

Учил раскладывать мацони⁶
порядок в лавке соблюдая,
стоя молиться у иконы
святое лико прославляя,
Лозу подвязывать любя,
когда набухшая земля
весной от влаги клонит ветви.
И в летний зной услышать терпкий
дух Сапевари* - красный сок
пьянил и щекотал висок.

Но время шло. Старик скончался.
Был крест воздвигнут под чинарой.
Шрифтом армянским пояснялся
«Сей погребенный – Каландаров,
отец семейства – христианин
прими Господь его – Аминь !».
И ты, бродящий по дороге
не забывай о нашем Б–ге,
перекрестись и отдохни
от зноя летнего в тени.

Есть путь к свободе, если тела
безумность просит жизни новой.
Когда доверием поспела
невероятность страсти полной
к любви и к ясности ума,
здесь можно получить сполна
все преимущества у жизни:
петь, рисовать, остаться ближним
Или свести себя «на нет»
в начавшийся двадцатый век.

⁶ Мацони - Грузинский и армянский кефир.

Он сам не понял, как открылся
ему сей дар неоднородный,
Вступая в разговор, стыдился
слов о деньгах за труд свой скромный.
Он говорил: «Господь ведёт
руку мою». И верил сам
в тот хрупкий свет за ним летящий
его ведущий и хранящий
от смеха сытых и глупцов,
и от хмельных, тупых юнцов.

В Тифлисе он снимал каморку
и в ней, за жизнью наблюдая,
он заготавливал клеёнку,
на ней заказ изображая.
Используя их чёрный тон,
как цвет одежды или фон,
он белой краской добавлял
наитья в слогах и писал:
«Здесь хлебосольный человек
дай Бог здоровья и утех».

И от Сигнахи до Телави,⁷
всю Алазанскую долину
прошёл он, вывесками славя
все виноградные равнины,
их сока пенное сусло,
как ароматное вино.
И виноделы Мукузани⁷
его любили и заранее

⁷ Сигнахи, Телави, Мукузани, Цинандали - Грузинские винодельческие города Алазанской долины.

готовили бурдюк вина
«Пей на здоровье и до дна!».

Не потому ль он часто бредил,
голодный обморок вкушая,
За две копейки – «царской меди»
лишь только жажду утоляя,
друзей Бегоса рисовал.
А тот брезгливо угощал
лепёшкой с плесенью и сыром.
И отправлял обратно с миром
схоласта нищего. Судьба
в свой мрачный хлад его вела.

Природа дарит шаловливость
лишь только в детстве, в жизни нашей,
Но если вновь она проснулась
какой – то новою династию
уж в зрелом возрасте. Тогда
её отчётливость всегда
глупее даже чем ошибка
беспечной юности. Но гибкий
тревожный промельк – это вновь
неугомонная любовь.

Он полюбил её, как только
увидел на большой афише
Как милого цветка – настойка
её лицо лечило душу.
Он с обожанием смотрел
как взгляд её легко летел
с откоса горного отрога,
где летней радуги дорога
остановилась у ручья,
На том была афиша вся.

И он молился без понятий
он сам себе был бесподобен.
Озноб любви был так приятен
и к танцовщице приколдован.
За два абаса⁸ у купцов
купил большой букет цветов.
(Усопшей матери кулон
продал купцам, как просто лом)
Увы, букет мускатных роз
ему добавил горьких слёз.

2

Как странно выглядел однако
(допущенный к той первой встрече)
художник в порванных чувяках
лишённый сна и дара речи.
Никак он свыкнуться не мог
и разложив букет у ног
он в замешательстве моргая,
усы ладонью поправляя,
вдруг пересилив немоту
промолвил тихо Я люблю.

Неслись куда – то ветром листья
молочники спешили в лавки,
точильщик дуמוю проникся.
Он знал, что точно будет счастлив
остановившись на углу.
Заметно было, что к утру

⁸ Абас - серебряные 20 копеек.

Нико Пиросмани. Актриса Маргарита 1909

Нико Пиросмани - Кутеж пяти князей 1906

из сада хлынула лавина
поток озона, розмарина,
и удушающий табак
вокзальной сутолоки касс.

У ней билет в вагоне мягком
и на лице очарованье.
Всё тише, тише в звуке шатком
чуть пригублённое прощанье.
Он нежно руки целовал
Ах, Маргарита я так ждал
той алчной бури безрассудства,
Где зарождённое искусство
явила тайнами портрет,
раскрыв души его секрет.

Наверно умопомраченье
даёт природа из рук в руки.
Вначале – манию виденья
в безлюдной и в безгласной сути,
Потом подходит ближе к нам,
даруя взгляд иной глазам.
Затем заслушав с содроганьем
лишь ей понятные желанья
бессонно, наспех дарит смех
из тех невиданных утех.

Так осушая небосводы
от тяжких чёрных облаков
Каплю за каплей пил он воду
из тех неведомых даров.
Людей чуждался. Медлил он
войти на солнечный перрон,
что б снова с нею попрощаться,

а может, снова повстречаться?
Никто не знал, что просит он:
солнца, дождя, иль вечный сон.

3

Зима. Холодные подвалы,
снег у крапивы подзаборной,
Ему, казалось, обладали
тем светом радуги нагорной,
где голос эху завещал
жить долгий век средь этих скал.
Затем, однажды вновь вернуться
и детским смехом обернуться,
чтоб умирающий узнал
лишь только свой, когда был мал.

На Малоканской двадцать девять
В подвале и в болотном чаде,
как капли времени измерив
кровью из кашля в слёзной влаге,
лежал чахоточный больно́й.
Он умирал. Он слышал свой
(в морозной тишине подвала)
свой детский голос и звучала
та песенка, что пела мать,
когда укладывала спать.

*«...Ты скачи моя лошадка прыг – скок, прыг – скок,
К дальней речке Алазани прыг – скок, прыг – скок ...»*

«Последние видения»

Он ждал и слышал спуск дыханья.
Он думал, в нём любимый голос,
И голос шёл вне ожиданья,

но это был обычный возглас,
весёлый смех свой донося,
и лишь усталость принося
избытком радости случайной,
затем известием печальным,
изведав разом: то и сё
он уходил в своё бытё.

(Голос из ниоткуда)

Эй Нико, Ты меня узнаёшь?
Это я – на осле нарисован,
Ослик умер давно – не вернёшь.
В Мизраани, со мной похоронен.
На картине твоей - я живой,
а осёл не сожран шакалом.
Моя жизнь возродилась тобой,
А твою – будет Грузия славить.

Лежал обманутый художник,
от сквозняков прижав дыханье,
Как ночи гибельной заложник
и ожидающий свиданье.
Он молча Маргариту звал
и часть дыханья расточал
на то, что б вызвать это имя
с той щедростью, что так наивна
как детский взгляд, как да и нет,
вдруг снизошедшие в ответ.

(Голос из ниоткуда)

Эй Нико, почему ты лежишь?
Здесь, в подвале, как под чинарами,
Словно женщина плачет – хрипишь,

Пастухи возвратились с отарами.
У них можно купить на шашлык
сколько хочешь свежего мяса.
Ждёт извозчик, укутан в башлык⁹
Мы друзья из духана Бегоса.¹⁰
Ты узнал нас? Ты всех рисовал.
Ну, а эти кенто с Аглабара
а вот мальчик – рыбак, он устал.
Ведь без сетки ловить не пристало.
А вот женщина из Ортачалы
молоком тебя угощала.
А вот князь без забот и печали
ухватил рукоятку кинжала.
Эй, Нико. Узнаёшь ты его?
То олень с твоими глазами,
Говорят, что ты любишь его
написав краской – нежной лафани.¹¹

Он знал, что в жизни не бывает
вообще случайных совпадений,
И даже там, где совпадает,
есть сто услужливых сомнений
возникших так, из ничего
и где давно приведено
неповторимое условие.

⁹ Башлык - (тюрк.) Шерстяная накидка на голову с длинными полами.

¹⁰ Друзья Бегоса - Название картины . худож. Нико Пиросмани.

¹¹ Лафани - Сказочное дерево выдуманное груз. Класс. Важа Пшевелла (1896г).

Случайность - это предисловье
к той продолжительности дел,
где случай – ум, а труд – предел.

Неслись картины перед взором
где –то в пространстве застывая,
И голоса своих героев
под звук чунгури¹² обольщая
сплелись в хор, на все тона,
И вся Грузинская земля
многоголосием свободным
в напевах радостных и скорбных
всегда, как любящая мать
сможет напеть и всё принять.

И вдруг всё стихло. Буд – то вышел
сокрытый мукой мозг остывший
искавший звук, который слышал
лишь только жалкий юродивый
живущий в нём. Крестьясь один
он уходил из тех чужбин,
где голос рвал всю грудь на кашель,
Где был он счастлив и несчастлив,
где жизнь была его светла,
как та – последняя луна.

А поутру, Арчил – сапожник
подвал от снега очищая
накрыл замёрзший труп рогожей,¹³
слезу прощальную роняя

¹² Чунгури - Грузинский музыкальный инструмент (лютна).

¹³ Рогожа - Грубая ткань из рогозы.

он вызвал пристава. И тот
зевая сонно спрятал рот.
На труп в уме перекрестился,
зрачками двигая простился,
быстро заполнил протокол,
в пролётку сел и был таков.

Эпилог

Как много музыки в природе.
В её рассветах и закатах,
в их красках и в самом народе
ах, музыка есть даже в камнях.
Её нашествие подчас
так жадно пробуждает в нас
одно лишь наше поражение,
за ним плененье – наслаждение,
затем, как раб, избитый в кровь
мы получаем в дар любовь.
И человек живёт при этом,
живёт почти слугой природы.
Она ему даёт приметой
соитье со своим народом,
кисть и перо, талант и ум,
и время расхожденья дум.
Увидеть суть простых предметов
спешить с разгадкой и ответом.
Ведь наша жизнь так коротка,
чувствительна и глубока.

Тбилиси 1985 - Торонто 2011

ЗДРАВСТВУЙТЕ ДОКТОР

Доктору Олегу Лившину посвящается

* * *

Все уговоры к службе сердца,
Храня лихое отстранив
Живу невольником у спец(а)
Того, кто смерть опередил.

Я имя называть не стану,
Оно не тайна, всяк бы смог,
Почувствовав от боли рану
В душе составить нужный слог.

Скажу одно. Когда смотрел он,
На вспышки человеческих мук
Он понимал, что здесь огромно
Предвестье бед. И чтоб испуг

Не охватил инстинктом тело,
Он улыбался и шутил,
И целомудренно и смело,
Из тела недуг выводил.

Что видел он за чёрной гранью,
Каким был светом упоён,

В ущерб себе своею тканью,
На рану наложив тампон.

Не знают люди, что о главном
Ему давно известно всё,
Что в кабинете ординарном,
Со смертью борется бытьё.

Всё было в жизни и проклятья,
Из уст завистников своих,
Но люди приняли в объятья
Его душой благословив.

Хвала молве, минуя время
Она, как добрая сестра,
С улыбкой нежной, с откровеньем
Ему почтение отдала.

Лишь там, где имя знаменито
Неоценимое добро,
Уносят люди воровито,
Считая, что им повезло.

Поймём ли мы? Что разыгравши,
Всем недоверием секрет
Привычке старой вдруг отдавшись,
Мы пишем роковой сюжет.

Меж тем, вокруг живой природы
Серьёзней смыслов и примет
Ум просвещённый, благородный
Диагностирует предмет.

Его присутствие так близко,
К тем одиночествам людей,

Чьи всплески рук уже так низко,
Разводят высоту страстей.

Он весь прямой стоит у двери
Его ровесники давно
Уроки времени примерив
Стучат, ругаясь в домино.

Войдёт в раздумье дня благого,
Чуть старше младости земной.
И оживает сразу слово:
Я рад вас видеть дорогой.

2

Ах, здравствуйте наш милый доктор
Познавший боль, вздохнув порыв,
Спешу сегодня на осмотр,
Про сон и пищу позабыв.

Поеду. Право, стало мёртвым
Всё что живёт вокруг меня,
И ноги будто бы аморфней,
За шагом шаг, день ото дня.

Тягаться ль мне здоровым словом
Ах бюллетень не рассмешишь.
Во чтоб ни стало быть изгоем
Меня с избытком норовишь.

И слепо бросив на поверхность
Подробности больничных дней
Я обольщаюсь тем, что верность
Тобой чужда и без моей.

Что мне до них, до дней бедовых,
Как ни живи найдёшь ответ,
Когда в дверях на вид суровый,
Стоит античный силуэт.

Он горд и прям. Как на привале,
Присядет на короткий миг
Раскроет папку как скрижали,
Как обитатель древних книг.

И взгляд, весь постижимость таинств,
Всеведущ сущего всего,
И нет таких в природе равенств,
В чём сходства не было б его.

А я вверяясь прежде року
Лежал и думал: Эх, нельзя,
Дать суеверному пророку
Минуту жизненного дня.

И пусть он, мой двойник понурый,
Глядя печально в потолок,
В последний раз со мной закурит
Из тех моих живых щедрот.

И с выражением насмешки,
И с безразличием на лице
Он вдруг намёком, словно в спешке,
Напомнил о земном творце.

И наш разлад – благие вести
Я на приём уже спешу,
И через час я был на месте
Я рядом с ним уже сижу.

А что, и впрямь, ведь было дело.
Чуть от себя не ускользнув,
Бледнел, как обморок, но смело
Ему в глаза я заглянул.

А он исследовал симптомы,
Как гений простотой смешлив.
С ответом медлил и ведомый,
Искал себя неторопив.

И на взволнованные речи
(чтобы, вдруг сердце не вспугнуть)
Начнет с того, что наши встречи,
К здоровью, к лучшему ведут.

Ещё о том, что у природы,
Так много не раскрытых сил,
Она, как женщина при родах,
Как яркий свет ночных светил.

Сам понимаешь, в нашей жизни,
На волосок от смерти всяк,
Но быть всегда в ней, просто, нужным
Напоминает каждый шаг.

И понял я, что в этом мире,
Со мной живёт, как знак вестей
Его целительная лира,
И редкий дар быть верным ей.

Торонто 2012

ЮНОСТЬ

(О первой нежности)

* * *

Я однажды случайно узнал,
что ты иммигрировала в Штаты
Я с Канады тебе написал,
но письмо возвратилось обратно.

Оно вновь у меня на столе,
путь бессмысленный сделав когда - то,
потому что две буквы «д», «в»
недостаточны для адресата.

Может к лучшему это, что ты
ничего о письме том не знаешь.
В нём измученный текст суеты
и года, и года без пристанища.

А опальную мягкость души
всё тревожит бывшая кручина,
что когда-то была взаперти
и клинически неизлечима.

И живу я, как странный больной
за решеткой чужого жилища.
Сроднясь с памятью и головой,
в наши юности дни окунувшись.

И ступая, неспешно иду
в тот далёкий шестьдесят пятый,
И прислушиваясь, как наяву
голоса слышу чище и внятней.

Слышу звуки кларнета, фоно.
Вижу актовый зал. Школьный вечер.
Мы на сцене и «Andantino»
Дарим всем пришедшим на встречу.

Ты задумчива. Пальцы твои,
чуть касаясь живого клавира,
слили нежные звуки свои
на кларнетные. Тихо, незримо

уплывал нотный лист за окно,
обнимая листву майским пылом
Отдавая им наше тепло,
нашу нежность и первые крылья.

И со школы вернувшись домой
я взволнованно чувствовал музыку
В ней светился простор голубой
и листвы бесконечное кружево.

И на тёплом, фанерном листе,
загрунтованным краской и лаком,
я резцом вырезал твой портрет,
все искал выразительность актов.

Это был пробуждающий звон,
вдруг пришедший из нового мира,
где стесняясь себя что влюблён
избегаешь друзей и кумира.

Я писал его дважды потом,
И однажды вдруг сделал попытку,
я принес его на выставком
шёл отбор на серьёзную выставку.

Из холста, твой задумчивый взгляд
приковал удивлённые лица,
Нежный, докторский белый халат
дал раздумью подробно продлиться.

И все мысли смешались в одну,
пробиваясь, толкая друг друга.
Нет искусства в ней, вот на виду,
не сложилась как видно, картина.

И не нужно так долго стоять
И в окно видеть плоские крыши,
В самый раз подойти и забрать
твой портрет, ничего не услышав.

Шли минуты. И трудно сказать
Кто из нас ситуации пленник.
Слышу: «Есть предложение, принять»
Ты в каталоге - «Мой современник».

И ходил я по залу, всё ждал,
что я встречу тебя в ярком свете
исходящих из люстровых ламп,
И увидишь себя на портрете.

И от воли моей и шагов
в своде воздуха плавилось зренье,
Тебя нет. Я прощаюсь с холстом,
Потеряв и тебя и терпенье.

2

И идут вереницей года,
в разговорах и думах о главном

Покидая Союз навсегда,
потерял твоё фото. И странно

сохранились твои два письма
Твой ответ на солдатские строчки
Твой подарок – брелок для ключа
Медвежонок - из войлочной шерсти.

И давно позади сто дорог,
что вели меня к глупой чужбине
Отдалив мой родной огонёк
Возвращая былую кручину.

Снова в ней ты. И город родной,
и террасой Каспийское море.
Наша школа класс выпускной,
и записка ...Я жду в коридоре.

И поспешно оставив акт. Зал.
И друзей своих шумно весёлых.
Я тебя еле слышно позвал,
В полутёмной тиши коридора.

Ты стояла одна у окна
и луна освещала твой профиль.
Я невольно забыл все слова,
что готовил тебе в суматохе.

И случается так, что нельзя
не увидеть, как падают листья.
Или брызги смешного дождя
И счастливые, светлые лица.

И простое, обычное то,
Как сближаются юность и нежность

Первый взгляд и билеты в кино
и записки о дружбе, о верности.
И в девичий альбом, на вопрос
Что такое Серьёзная дружба?
Написал тебе, тоже всерьёз -
это помощь когда тебе нужно.

Это нежное время души,
Когда дарятся яркие звёзды,
Или шуткой суметь отвести
Молчаливую, мрачную сложность.

На обложках тетрадей моих
Букву «И» заляксив чернилами,
Всё ждала, что учитель прочтёт
МУШАЛОВ, а не А. Мушаилов.

И учитель читал - МУШАЛОВ,
раздавая тетради обратно
Улыбаясь мне, всё намекал,
чтоб писал я фамилию внятно.

Я записку тебе написал:
Не смешно! И зря тратишь чернила.
И зажмурив глаза, дописал ...
Ты очень и очень красивая.

И летела записка ко мне ...
Ты останешься после уроков,
если ДА напиши на окне.
От тебя оно с левого боку.

И пускай – это глупо и всё ж,
тёр я пальцем стекло с лёгким скрипом

Невзирая на классный галдёж,
слово ДА написал крупным шрифтом.

Разошлись по домам все друзья.
Пустой класс. Мы вдвоём и смешно так.
Так неловко и кажется зря,
Мы записки писали. Ах, вот как?

И навряд – ли тут скажешь точнее,
И верней Эдуарда Асадова
Что девчонки всегда чуть взрослей
Нас – мальчишеского уклада.

Как же быть? Кто начнёт говорить?
И о чём? Всё понятно о дружбе.
Ты спросила: ...Ты хочешь дружить?
Да хочу! Я хочу и мне нужно

тебе важное что – то сказать,
но с тобою всё время подруга.
Вот, не знаю, с чего мне начать,
И зачем господь создал подругу?

Ты прервав меня, вдруг подошла
Очень близко и так непривычно
задрожали от боли глаза,
и сошлись в поцелуи неслышном.

И всегда, и во все времена,
вот так просто, таким откровеньем,
затихали в пространстве слова,
возрождаясь в других поколениях.

Что ждало нас за юностью той.
Кто – то знал уже, путь был намечен.

И сейчас в коридоре пустом,
промолчал я, что не обеспечен.

А сказал, что работать пойду,
Ну, а дальше армейская служба,
Что ищу себя и не найду,
А найти себя сложно, но нужно.

Ну, а ты, в медицинский – верняк,
эскулапы, святые, схимники
изнутри, в этот мир смотрят, так ...
и лицо искривил в смешной мимике.

Ты смеялась, кружилась, жила
с добротой своею врождённой,
И с ключей ты брелочек сняла -
Это был талисман – медвежонок.

Ты сказала: ... Возьми, береги,
Он хранить будет дружбы секреты.
Я дарю тебе. Ну, подойди.
Я почувствовал скрип под паркетом.

И не понял я, как я упал
подскользнувшись на скользкой мастике.
Как прилежный мальчишка молчал,
так загадочно сжав твои руки.

А потом, мы смеялись до слёз
И гуляли с классом по городу
И прощались наверно всерьёз,
то ли с юностью, и со школою.

И неважно нам было тогда,
То, что небо в рассветных порывах,

Что за осенью будет зима,
Что на свете бывает тоскливо.

И что в жизни так много потерь,
Что в одну вдруг влюбились два друга.
Оба взяты пожизненно в плен
И хранили секрет друг от друга.

Незаметно и год пролетел
Ты студентка, «по горло в латыни»
И круг школьных друзей поредел,
А в том списке и я вместе с ними.

А над городом снова весна,
Я подстрижен и майским призывом
меня звала на службу страна
Под знамёна свои боевые.

3

Здесь излишне обдуманность слов.
Есть приказ – надо выполнить к сроку
И не зря капитан наш суров
К тем, кто в деле, как «сбоку припёку».

Затухал и дымился закат
Все уснули, чтоб встать спозаранку,
Но тревоги сигнала раскат
Разбудил нас в уютной землянке.

Не понять суету в этот миг
Встали дыбом пласты земляные,
Говорок превратился вдруг в крик.
Даже тени менялись земные.

Кудри смяты на кочках траншей
Слышен вздох, словно стянута рана,
И прожектор отыскивал тень
У большого степного кургана.

Бой учебный уже грохотал,
Не пройти нам ни слева, ни справа.
Выход был лишь один – каждый знал
Пробежать досточтимо завалы.

Проскочил, значит всё за спиной,
Ну а дальше всё шло как по нотам
Мы у точки своей боевой
Поддержать артобстрелом пехоту.

Не забыть мне струящийся пот,
Ни лихое солдатское лето,
Ни черневший в ладони ломоть
аппетитного, серого хлеба.

Будет день. Может пушки ещё
прогремят на каких – то ученьях.
Не до них. Теперь всем хорошо,
почтальон раздает извещения.

На посылки и на бандероль.
Два письма мне, он даже присвистнул,
Только в сердце задёргалась боль
Изнутри меня кто-то окликнул.

Два письма, два родных огонька,
Что являются мне каждой ночью.
И зовут меня из далека
в новый мир непрочитанных строчек.

Вот от друга. А это твоё
От чего вскрыл конверт торопливо?
Ведь теперь оно только моё,
Сам не знаю и как – то стыдливо

оглянулся и к рву подошёл,
Сел на землю. Губами читая,
разговор с тобой тихо повёл,
переносицу морща. Внимая

настроению строчек твоих,
Они будто раздумьем заняты,
Будто третий меж нами притих,
затаился и сердцу лишь внятный.

Он, как будто упал с облаков
И достался тебе, как баловень.
И хвалим, не из тех ли даров,
что угодой родителей жалован?

Объяснить? Да кому и зачем?
Да что говорить – я не знаю.
Мы не связаны в жизни ничем
И ничто нас не соединяет.

Была дружба. Она не любовь.
Хоть порою кололо, как жало.
Да и юность вернётся ли вновь
Что ждало нас и что предвещало.

Вот от друга письмо. Он другой
Весельчак он и служит под Истрой (*город под Москвой*),
Очутись бы сейчас он со мной,
он не дал бы мне попросту киснуть.

Всё пройдёт. И уйдут во вчера
все желанья лишённые смысла.
Лишь надежда, как капля добра
Остаётся во времени быстром.

Так всегда, утешаясь летят
боль и радость в одной параллели.
Нужно только всё это понять,
чтоб потом ни о чём не жалели.

Снова май – эта третья весна.
Мне домой. Только сердце в капкане.
В пожелтевшей степи, как со сна
распустились степные тюльпаны.

И лимонная их желтизна
предвещает в поверье разлуку.
Так и есть. Мне прощаться пора
на прощанье я жму друзьям руку.

Я прощаюсь с тобой чудо – степь,
Ты сегодня нарядно одета.
Ты прости, мне на поезд успеть,
И с подножки прощальным приветом

я махну горизонтам твоим.
Ведь служил я им с честью солдата.
Был я степью любим и гоним
и на кочках был зноем распятый.

4

Мчится поезд и в сумерках дня
пролетают жилые посёлки,
Утром буду я в Махачкала,
Да вот ночь впереди. В недомолвке

я с собой. Мне сойти или нет?
Отыскать тебя в мединституте,
или ехать до дому в Дербент?
Так и ночь вся прошла на распутье.

Сам не понял, как быстро сошёл
на перрон и на стройках вокзала
я монету на «решке» нашёл.
Быть добру! Раз судьба обещала.

Я широким проспектом иду,
майский луч на ресницах искрится.
Я почти тебя не узнаю
молодая, родная столица.

Новостройки, как плечи твои
развернулись вдоль гор и вдоль моря.
После землетрясения они
заселяют своих новосёлов.

Ну а в парках в разгаре весна.
Виноград майский, кисточкой дикой
угощает плодами щегла
и на клумбах алеют гвоздики.

Вот и мединститут. Главный вход.
Я шагнул к нему как – то несмело.
Может статься, что мне повезёт
Ну, смелее солдат! Ну, за дело!

И неожиданно, вдруг в этот момент
распахнулись широкие двери
И на улицу вышел студент,
в модных джинсах. И словно не веря

я глазам своим, вижу тебя
Он слегка тебя обнял за плечи,
Вы прошли не заметив меня
Да и видеть меня было незачем.

Я смотрел тебе молча вослед
В кулаке талисман наш сжимая,
Понимая, как глух он и слеп,
как монета до боли смешная.

И случается так, что нельзя
не понять и не скрыть своё чувство.
Долго в нём пребывая за зря,
вдруг ругнуться, забыв про кощунство.

Или чувствуя боли в стопе,
от какой –то паршивенькой ранки,
что прижилась, давно, в сапоге
и присохла от крови к портянке.

Снять сапог и зажмурив глаза,
в душу, в мать, наругавшись до сыта
Дёрнуть так, чтоб прошибла слеза
и забыться на ране открытой.

Эх, раненье ранению рознь.
Есть раненье - залечишь бинтами.
Лишь душевная рана насквозь,
И рубцуются только годами.

Как пришёл я на автовокзал
я не помню. Но помню уверенно,
я таксисту негромко сказал:
Мне 6 в Дербент и на улицу Ленина.

Хоть на Пушкина. Ты посиди.
Я пройдуся. Может быть ещё кто – то.
Там журнальчик, возьми, посмотри.
Извини брат, такая работа.

Эх, а впрочем, кого тут ловить
Вон «Икарус» берёт безбилетных
Нужно к вечеру дома мне быть,
Да и ты пассажир очень редкий.

Ведь такси для солдата, поди,
не дешевое удовольствие.
Видно дома тебя заждались
Ты солдат не сердись, не со злости я.

Человек, непреклонный зверёк.
И покорность чужда ему вечно
Только стань ты ему поперёк,
Он поступит с тобою беспечно.

Мы проехали четверть пути,
ты молчишь, как – то странно задумчив.
Всё пройдёт брат, и ты не грусти
На гражданке всё будет отлично.

Я тебе расскажу про себя
Мы в 50 – х служили три года,
Я танкист и наводчик огня
и механик водитель от Б–га.

РАССКАЗ ТАНКИСТА

Мы попали в Венгерский мятеж.
Нам приказ. Не стрелять. Ждать и только.
В подкидного? Давай – на подрежь.
Тут торчать, не понять ещё сколько.

Ну, сдавай. Что застыл как вопрос.
Тише братцы, прислушайтесь - тихо.
Серж, ты видишь ПивБар. Я б принёс
Эх, пивка бы – за милое лихо.

Толь, ну что ты, рехнулся совсем?
Серж, скажи ему, ты ведь начальник,
Всё нормально Витёк, будь как все
Ну к достань - ка наш старенький чайник.

Ну, а деньги? Ведь деньги нужны
И не наши, а в здешней валюте.
Всё путём будет, нет в них нужды
Мы здесь гости, а значит – элита.

Разворачивай башню Толян
И нацель ствол прямо им в глотку,
Если что, я пойду на таран,
иль отсюда – прямою наводкой.

Искры смеха, как лучик хмельной
заискрился в глазах экипажа.
Я пошёл. Погоди, я с тобой.
Нет. Назад. А вот это не надо.

Серж спокойно окликнул меня
и с улыбкой промолвил -Нет риска
Обойдётся тут всё без огня
Он портовый - из Новороссийска.

С иностранцами дело имел
Покупал, продавал «Бил баклуши»
И однажды, чуть было «не сел»
Призыв в армию спас его душу.

Шли минуты в тревожной тиши,
даже ёрзанье дёргало нервы
Тогда я почему-то решил
подготовить мясные консервы.

Вдруг он вышел. Шагнул тяжело.
Посмотрел с виноватой улыбкой,
И плечо его странно легло
На косяк от двери приоткрытой.

И казалось ему, что дома
закачались скрипя кирпичами.
Всё качнулось и чёрная тьма
поплыла у него под ногами.

Чайник выпал из рук и бочком
покатился по каменным плитам,
Буд-то нехотя, как-то толчком
он сгибался над пивом пролитым.

Нас увидев, в последний свой миг
он глазами по детски мигая
Не нашёл, что сказать и затих
Пальцы судорожно разжимая.

А вокруг собирался народ
и в испуге смотрел на танкиста,
Нож в спине, как предательский ход
был удар запланирован трусом.

И лежал он с улыбкой у рта
Будто силясь сказать на прощанье
Лейтенант, отомсти за меня
и прости за такое желание.

Мы внесли его в танковый жар
и по первому, беглому взгляду
я нацелил ствол башни на Бар
И прильнул к боевому снаряду.

И не помню, что было потом.
Помню груды развалин кирпичных.
Помню, тут же лишился погон
Всех значков и знаков различий.

Чуть поодаль, насупивший взор
Особист говорил командиру: *(особист**
Разг. Сотрудник особого отдела НКВД).
«Трибуналом здесь пахнет майор
Их до следствия в комендатуру».

И вздохнув, вдруг таксист замолчал
Посмотрел на часы по привычке
Сигарету из пачки достал
прикурил, в окно выбросив спичку.

6 (Отступление)

Мы молчали. Машина неслась
вниз под гору и на повороте

Оживала гора « Пушкин баш»
(гора схожая с профилем А.С.Пушкина)*
Её контур сиял в позолоте.

И закатная тишь, как вода
расточала вторжение чуда.
Сотворённого здесь на века
из горы, отделённой от груды.

Не нарушив портрета черты,
Отдавала природа поэту,
из суровой своей красоты,
всю последнею почесть, как эту.

Ах вы горы родные мои,
моя юность средь вас пролетела.
Здесь рождались впервые мечты,
Здесь, впервые мне птица пропела.

И казалось, я слышал её
Средь тех звуков из нотной тетради,
Что листало лишь сердце моё,
И дыханьем внимала руладам.

И казалось мне, что существа,
Те, что кружатся тайно в природе
Мне раскрыли свой смысл навсегда
Дав мне силы из горной породы.

Я б в последний свой час попросил
что б открылась мне вдруг панорама
Всех дербентских древнейших могил,
Моих предков за старым оврагом.

И тогда в мой назначенный час
я проплыл бы вечерней прохладой
Ими узанный, и веселясь
растворился б за новой оградой.

Мы ценить научились слова
те, что сказаны нам на прощанье.
Даже те, что не слышны когда
Мы прощаемся в тихом молчании.

7

Что ж потом было? Тихо спросил
я таксиста, нарушив молчанье.
Он слегка улыбнулся, вздохнул
Дальше – были одни расставанья.

Суд, конвой. А потом лагеря,
где рубахи от соли и пота
Изменяли свой цвет, а страна
Ненавидела нас от чего - то.

Кто - то солнцем давился в заглот
Перестав отвечать мне на письма.
А я бился, как рыба об лёд
Ненавидел, смеялся и злился.

Вышел срок. Я вернулся домой
Водку пил от веселья и грусти.
Дрожь в мозгу копошилась порой,
неразборчивой, мстительной мыслью.

Друг мой, с детства, не пряча глаза
появился с сплошным извиненьем.

Просидели мы с ним до утра
на разливе души, в откровении.

Раскрошив свои чувства (на корм)
Шаг за шагом и смело оттуда,
он сказал, что привёл её в дом,
как жену, хоть и девушка друга.

Он всё больше вселял в меня гнев
И наружу рвалось пламя ада.
Вдруг он песню негромко запел,
ту, что с ним, мы сложили когда – то.

И наш голос звучал в тишине,
в том родстве, где однажды уверясь,
Что мы любим одну и в душе,
Молча ждали на что-то надеясь.

Наша честь родилась не вчера
В ней столетия силы и воли,
В ней и месть, и безбрежность добра,
и тепло материнской ладони.

Я простил его, в сердце вернул
Даже больше того – породнились.
На сестру его как – то взглянул,
Да чего там. И мы поженились.

Ну, а дальше, всё как у людей
Дети, внуки, уют, да работа.
Да и годы бегут. И сильней
ощущается чувство заботы.

Вот, спешу я. У внучки моей
День рожденье. Вечером гости

соберутся. И мне всех милей
Её звонкий, родной голосочек.

8

Мы въезжали. И город не спал.
Наконец – то! Робкое чувство,
Буд – то вовсе и не уезжал,
и не слышал рассказа таксиста.

Всё как прежде. В соседстве стоят
Винограда долины и море.
И стена крепостная, как мать
обняла их в открытом просторе.

И врождённый Дербентский порыв,
(Тот, что очень был каждому дорог)
напевая весёлый мотив
Прошагать переулками город,

плыл виденьем и пеньем души,
С обожанием рвался наружу
пребывавший в снотворной тиши,
и сейчас был неожиданно разбужен.

Тормозни у «Шуринских ворот»
Попросил я таксиста – я выйду.
Вот, возьми за проезд. Я в обход
и пешочком на Ленина выйду.

Ну, как хочешь. А деньги возьми,
Для меня совесть – большее значит.
Я всё понял. Прошу извинить.
И прощайте Сергей Афанасич.

И росли предо мною слова,
и кружась превращались в вопросы.
А что дальше? И есть ли мечта?
Ведь что было, теперь уже в прошлом.

И всей слабостью прошлых причин
Наотрез - это всё не заметить,
я сожгу ещё много лучин,
Чтоб строкою на это ответить.

Будет много особенных слов
И быть может, и я их не стою,
Но одно только слово любовь
до кончины пребудет со мною.

ЭПИЛОГ

Отзвучали строки поэмы
Пережиты героев слова
И как школьные перемены
эхом звонким ушли навсегда.

Мы искали нежность в ту пору
на листах белоснежных страниц.
В разговорах наших и в спорах
и не чувствовал школьных границ.

Знаю я, что к любви и к вере
есть у юности маленький ключ
Открывающий нежности двери
а за ней непредсказанность чувств.

И вьются людские дороги,
как ручьи те, что к рекам бегут.

Может нас они через пороги,
вновь и в юность, и в нежность ведут.

Знали б мы, что это бывает,
Как единственный раз, как дебют.
Мы б наверное меньше теряли
Да и не было б грустных разлук.

Мы сегодня тесно заняты
Есть работа, заботы и долг,
Но порою мне кажется партой
неуклюжий, рабочий мой стол.

А зимой, вдруг у рам оконных
Вновь появится взгляд твой родной,
На завьюженный подоконник
бросив шарфик белесовый свой.

Торонто 2001

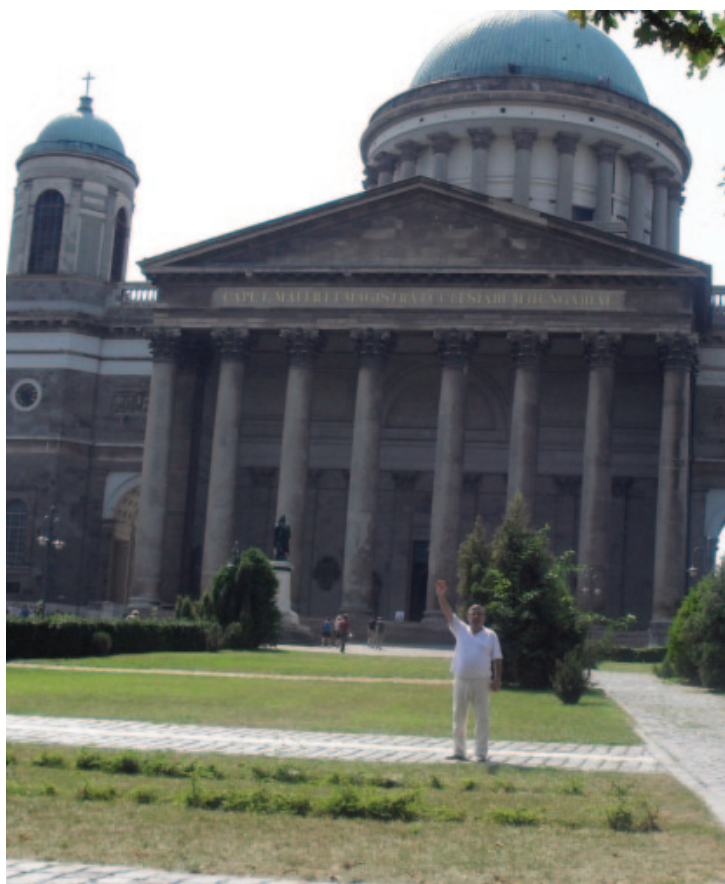
Вена 2011 - Гёте

Италия 2010 - Пизанская башня

Прага. Музей изобразительного искусства
2011

*Национальный Музей Изобразительного
Искусства Вена*

Дрезден. Национ. музей изобразительного искусства. Здесь находится “Сикстинская мадонна” Рафаэля Санти. 2011г.

С другой стороны храма Зевса стоит восстановленный (не полностью) оригинал 12 мраморного блока и постамент знаменитой Ники Пеония из гор. Менде. Статуя Ники находится в музее гор. Олимпия.

Мощные каменные блоки храма уходящие глубоко в фундамент говорят о величии этого культового сооружения. Можно добавить, что статую Зевса, которая находилась в храме (но не сохранилась до наших дней) выполнил скульптор Фидий.

Дрезден. Фасад оперного театра 2011г.

Венеция 2010
Дорога к Академии художеств

Скульптура венецианки читающей евангелию
Дворец Ка д'Оро

*Афины. Музей археологии, истории и
языка, памятников скульптуры древней
Греции (до н. э.) Фасад центрального входа
2009 г.*

Вид на остров Корфу. Именно здесь была стоянка Одиссея по пути домой на остров Итака. Здесь останавливались также и аргонавты (Судно Язона называлось именем мастера - карабельника - Арго. Отсюда и Аргонавты.) по - пути в Колхиду за "золотым руном".

РАССКАЗЫ

*Из цикла Дербентские
портреты*

НЕТ! МАМА БЫЛА ПРАВА! или ЛАРЕЦ ПАНДОРЫ¹

Авадья Папиев пришёл с работы домой и как обычно, с порога крикнув жене возившейся на кухне - Я уже дома-залез под долгожданный душ. Прошёл год, как он вернувшись из армии женился и всё нравилось ему. Нравилась квартира, которую он снимал в наём, любил свою жену, не жаловался на работу и ждал в своей жизни новых и добрых перемен.

- Охо-о-ош!²- с удовольствием произносил он, смывая шампунь с головы, растрёпывая волосы.

- Авадья, ты где? – позвала его жена, вышедшая из кухни, но услышав песню которую по привычке, купаясь напевал её муж, только и произнесла: - Когда ты успел заскочить в ванную? Ну вот, опять носки разбросал, - и подбирая носки крикнула в полуоткрытую дверь ванны:

- Я больше чем уверенна, что ты забыл какой сегодня день.

- Я тебя не слышу - доносилось из ванны за задвинутой клеёнкой. - Не водичка, а просто кайф! - намыливая тело кусочком мыла, восторгался Авадья. - Светочка у нас мыло закончилось. Я пользуюсь последним «огрызком».

- Что? Я не слышу тебя. Я спрашиваю ты помнишь какой сегодня день?

-... Чумгьой туьре бурмун духтер!

¹ Ларец Пандоры - Др. Греч. Миф.

Любопытная Пандора открыла ларец, полученный в подарок от Зевса, из которого, тут же по всему миру разлетелись: несчастья, бедствия, зависть, ссоры и конфликты, а под захлопнувшейся крышкой осталась одна крохотная – надежда.

² Охо –о – ош - Горско – Еврейский язык

Ох, как приятно! (образный восторг).

Художник - Шалум Шалумов

Чумгьой мере чуй сохде туь?³ - доносилось из ванны.

- Вот так всегда. Тебя никогда не дозовёшься. Нет, что ни говори, а мама была права! Говорила она мне: - Есть люди, которые только – только проснуться, а уже готовы покорить весь мир. Лично я думаю, что твой Авадьа в первые минуты после пробуждения, едва помнит, как его зовут.

- Нет редкая женщина не испытывает то, что я теперь. Тебе не понять ранимую женскую душу, потому что ты настоящий эгоист. А мне надо всего лишь капельку внимания. Вот только не надо мне навязывать своё мнение и вообще убери его с лица, - и как бывшая студентка юридического колледжа, она посмотрела на свой беременный живот и продолжила: - Всё что ты скажешь, будет использовано против тебя. Как жаль, что я не сохранила ту ярость к мужчинам, которая у меня была до замужества. Нет! Мама была права, когда говорила мне, что ты не оправдаешь её доверия и всё что ты делаешь, заставляет меня чувствовать себя глупо и жалко. О Господи! Какие есть на свете чёрствые люди. Спасибо Господи тебе, что Ты создал маму, потому как Ты не можешь уследить за всеми! Недавние слёзы её, которые появились просто беспричинно, из ниоткуда, когда её муж был ещё на работе, облегчили её и поясняли ей её добрую душу и она была рада, что она беременна и такая беспокойная и что в сущности надо следить за собой, и прекратить подозревать и следить за поведением мужа.

- Сиегье шевере (чёрный агат)
диренге Гье уре хунои эти туь⁴

- продолжало доноситься из ванны.

³ Покажи мне, пожалуйста, цвет своих глаз,

О чудная девушка – гор.

⁴ Если видел в оправе ты чёрный агат,

Их цвет уловил бы твой взор.

- Вот сейчас выйдет из ванны, придёт на кухню, сядет и будет молчать. Это называется у него «поддерживать хорошие семейные отношения». - Она вдруг вспомнила, какое весёлое и счастливое было венчание. Как Авадья выпив бокал шампанского, разглядывал её маму под глубоким прищуром, наверное намереваясь сказать ей о своей радости и что он вообще думает о ней....

- И как я не понимала тогда, что это доказывает скрытую важность, о которой он умалчивает и интересно до каких пор. Наверное, у него есть другая женщина - её плечики дрогнули, в глазах появился лёгкий туман склонный расплыться влагой посвященный жалости к себе.- Нет! Мама была права, когда говорила:

- ...Светочка выпускай как можно чаще «свой пар», чтоб твой Авадья чувствовал, что такое на самом деле «С лёгким паром». Она снова посмотрела на свой живот, и новые мысли забродили в её вздорной головке о неизбежной смерти во время родов, о любви к ещё не родившемуся ребёнку, и жалости к мужу, к этому необыкновенному человеку демобилизованному – старшему сержанту десантных войск. Ей было досадно за себя. - Он меня не любит, не любит! - пронеслось у неё в головке - и если бы он знал, как я страдаю от этого!

Она вернулась на кухню и хотела улыбнуться в угоду себе, но лицо её приняло капризное выражение.

- Ох, какое шикарное, королевское полотенце – восторгался Авадья, обтираясь им. Спасибо жёнушка родная. Интересно, как – то здорово получилось. Сразу после того как мы женились, раскрылось то что мы подходим друг другу, я бы сказал, что мы особая семья – продолжал думать Авадья. - Между нами нет никаких ссор, ни даже маленьких конфликтов. Я теперь точно знаю настоящую причину почему мы не ссоримся и эта причина – я. Когда я ещё не был женат, я думал, что я всегда прав. А теперь, когда я женат, оказалось что я постоянно неправ - он оделся в спортивную

майку и трико и вышел из ванны. Его спортивная фигура, волевой профиль и волосатая грудь, выглядывающая из декольте майки давала поразительную схожесть с Вавилонским царём Навуходоносором, изображение которого было отчеканено на золотых монетах, датированных 562 – 630 до Н.Э. найденных при раскопках.

- Он выходит наконец – то, я ему сейчас устрою настоящую «припарку». Видите ли долма ему захотелось - Авадья подошёл к жене и сзади нежно обнял её за плечи. Но Светочка лениво повернулась и показала ему листок бумаги, который держала в руках. На листе бумаги было написано:
- Я С ТОБОЙ НЕ РАЗГОВАРИВАЮ!!!

Зная привычки жены и не спрашивая, что произошло, пока он находился в душе, он просто пожал плечами и сел за стол, включив маленький телевизор, который он специально купил для просмотра передач, находясь на кухне. Светочка вышла из кухни и через пять минут вернулась с новым плакатом, на котором было написано:

- А ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ ПОЧЕМУ? - Авадья улыбаясь и в знак согласия молча кивнул головой.

- Ты так и не расслышал меня, мой драгоценный муж – с иронией начала она

– Ты наверняка забыл какой сегодня день.

- Глупости, я прекрасн помню какой сегодня день.

А почему у нас глаза влажные? И что здесь вообще произошло, пока я принимал душ?

Светочка молчала, надув губки.

- Я тебе не нужна - тихо заговорила она. - Ты совсем не любишь меня - Авадья подошёл к вешалке и достал из внутреннего кармана маленькую коробчку обшитую бархоткой и протянул жене.

- Ой! – оживилась Светочка. Какая прелесть! Какой яркий изумруд. Она одела кольцо на безымянный пальчик вытянув руку вперёд рассматривая его, нежно промолвила: - Дорогой

мой это самый счастливый день ВОЗДУШНО - ДЕСАНТНЫХ
ВОЙСК в моей жизни!

Торонто 1995

АЛИК – КУПИДОН или ДЕРБЕНТСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК

Парикмахерская, что располагалась напротив кинотеатра «Родина» в городе Дербенте внешне ничем не отличалась от многих других разбросанных по городу принадлежащих прачечному комбинату «Дому Быта», но её почему – то «в народе» называли предместьем «Конца света». Четыре ступени вели человека к широко распахнутым дверям, подпёртыми снизу деревянными клинышками. Большая прихожая со старомодным большим диваном с двумя валиками по обеим сторонам для ожидающих своей очереди. Круглый стол с несколько деревянными стульями и большое зеркало обрамленное рамой в стиле барокко, вмонтированное в боковую стену, завершали мебельный интерьер прихожей, которая соединяла собой два зала с рабочими креслами, оборудованными под мужское и женское обслуживание.

Из мужского зала то и дело слышались крики работающих мастеров: - Наташа, компресс! И тогда из женского зала выбегала уже немолодая женщина в шлёпанцах и в поношенном белом халате с горячими полотенцами в разное, от которых исходил пар. И пробегая прихожую натываясь на разбросанные клиентами стулья, Наташа несла в мужскую половину раздавая «горячие компрессы», которые накладывались на лица клиентов после бритья. И то беспокойство, которое томило клиента в кресле, в последний момент уже находясь под «компрессом»

вызывало чудовищные вопли: - Ох, О – о – ох. Ух – уффф-ф!
... Алик, дуьшуьндей сифет мере. Эдем муьрде, жон дедей!¹ Вспышка клиента взорвавшего свой «душевный тротил» только веселила Алика. Он, делая сладкое и послушное выражение лица, с каким выслушивают только раввина, предполагая особое скрытое значение спасительных слов, угодливо говорил раскрасневшемуся от «компресса» клиенту: - ...Э Зокой, туь гьейсэглэт нишинохи хуьштере, дениш э гузги. Сифет туь, дуразруй сюфет келе - бебейтуь имогьой лап жоильте эдей веде бире, куттэхье г1уьмуьр(туь), дураз бисдо рафд эри бист сал. И гьирмизи зере сифет(туь) эз «компресс» гьейсэглэт э тозе помодур ухшеш зере. Оммо помодур хурек эн муьгьбетлауьегьо.² И переходя на русский язык, Алик продолжал: - У древних римлян богом любви считался Купидон. Он был такой же румяный как твое лицо и очень любил помидоры. Помидоры – это продукт любви, запомни мой дорогой Зокой. А теперь закрой глаза. - И в минуту сильного воодушевления начинал опрыскивать пульверизатором лицо, волосы и шею «тройным одеколоном». Хотя эта процедура и не очень нравилась клиентам, но у них не хватало духу противоречить ему и больше того, их томила мысль, что сейчас Алик начнёт пудрить лицо и шею, и каждый чувствовал всю горечь и ужас

¹ Мать родная! Алик, ты своим компрессом сварил мне лицо. Ох умираю!

² Зокой, (имя клиента) ты сейчас себя не узнаешь, посмотрев на себя в зеркало. Твоё лицо, после моего обслуживания выглядит намного моложе лица твоего дедушки – Да будет светлая память о нем всегда. Твоя жизнь удлинилась ещё на 20 лет. Твоё румяное лицо похоже сейчас на помидор. А помидор – это продукт любви.

своего положения. Но одеколон и припудривание лица и шеи входили в стоимость стрижки и бритья.

- Ну! Мой дорогой Купидон, с вас два рубля за обслуживание – говорил Алик клиенту, - и плюс - Алик, улыбочиво поглядывал на потолок, в его улыбке было что – то общее со старинным диваном, который находился в прихожей. Прозвище Алик – Купидон закрепилось за ним на всю жизнь. Он был среднего роста, с яйцеобразным животиком и с чутьку вогнутыми внутрь пространства ногами, что делало его походку весёлой и располагающей к раздумью, наблюдающему со стороны. При разговоре он удивлённо приподымал мохнатые брови и шевеля жесткими подбритыми усами жестикулировал руками. Несмотря на постоянные семейные передраги с женой, после работы он мчался к Алексею домой, где собирались карточные игроки и до глубокой ночи, а порой и до утра засиживались за играми в «покер», «секу», «очко» и в нарды. Алексей обслуживал желающих чаем, спиртными напитками и сигаретами за дополнительную оплату, помимо той, что полагалась ему за предоставление игровой комнаты. Однажды эту «малину» арестовала милиция. И на суде каждый получил небольшой срок с заключением под стражу за тунеядство, кроме Алика-Купидона. Возмущённый таким решением суда Купидон встал и обратившись к судье, удивлённо приподымая брови выкрикнул:

- Что я вам «мальчишка» что ли? Мне тоже дайте срок заключения под стражу!

Но судья Некрасова чувствовала себя совершенно равнодушно и эта выходка не возмутила её, а напротив она едва удерживалась от смеха.

В работе и в жизни Алика почти не происходило перемен, его клиенты были только его клиентами и он совершенно одинаково обслуживал каждого по его усмотрению. Иногда можно было услышать такой диалог:

- Как тебя стричь? - ... Здесь так, а тут вот так!
- Как так? - ... Ну так. Там покороче, по - маленькому, а здесь попышнее, по - большому. Давай поменяемся местами я тебе покажу.
- Туь чуй хунде! Э фэгьир худо! МуьгIужуьз дераво э чуьм(туь)! - возмущался Купидон – Э сер(туь) муй не мунди. Муй бебей(туь) сипи гердо!.. Э коми болушо иштей муйгьойтуьре?³

Порой его свободная и смелая изобретательность заставляла чувствовать клиента всю её тяжесть и безысходность. Клиента по имени Василий -стоматолог, с кем он часто встречался у Алексея, у которого были глубокие морщины, Купидон просил широко открыть рот и впихивал ему в рот пластмассовый теннисный шарик, чтобы легче и безопаснее водить бритвой. И когда Василий с покорным видом по просьбе Купидона передвигал языком шарик вверх и вниз, а то и перебрасывал его на противоположную сторону, он чувствовал себя беспомощно и раздраженно под тупой бритвой Купидона.

Но иногда чувствуя недостаточную натянутость кожи, Купидон просил выплюнуть шарик в стакан и живо впихивал в рот указательный палец, оттягивая щеку до ужасной гримасы и иронически щурясь продолжал работать, Василий чувствовал себя гадко и приторно поглядывая на себя в зеркало, видел своё плачевное состояние. Ему очень хотелось в этот момент послать Купидона в «непристойное место», выкрикнуть нецензурное ругательство, но он сдерживал себя, давая себе зарок, что обслуживается у Купидона в последний раз. И не давая Купидону выговорить

³ О чём ты поёшь? Птичка певчая моя (образно).

У тебя на голове почти не осталось волос. Признавайся, на чьих чужих подушках ты оставил их.

Да чтоб твой отец дожил до уважаемых седин.

дежурную фразу: ... С вас мой дорогой Василий два рубля и плюс Василий бросал ему на прилавок «трёшку» и быстро уходил. Та хмурость, которая овладевала им, вела его прямо к буфету ресторана, который располагался недалеко от парикмахерской. Первой порцией водки Василий полоскал рот, ну а вторую выпивал с пожеланием скорейшей встречи с Купидоном у себя в лечебном кабинете. Случай не заставил себя долго ждать. После игральной ночи, засидевшись до утра у Алексея и изрядно употребив спиртное, придя утром на работу, Купидон почувствовал себя очень скверно. «Трубы горели» выбрасывая из рта спиртные пары, от которых зеркало покрывалось голубоватым налётом. Он достал из общего холодильника бутылку воды «Каспий» и упирая крышку на ребро столешницы ударами по крышке старался выбить её. Крышка не поддавалась. Тогда он решил открыть бутылку зубами.

Крышку он открыл, но и почувствовал порез на языке от остатка сломанного зуба. Работать Купидон уже не мог. Он то и дело щупал языком остаток зуба, который приносил ему нервическую боль даже от прикосновения с водой и утешая себя имевшимся у него в тумбочке припасом отечественного хмеля, улучив момент на работе, помчался в поликлинику.

- Кого я вижу! - восторженно встретил Купидона Василий, продолжая с фельдшером играть в «нарды». В противоположность мордастому и крупному фельдшеру, доктор Василий был невысокого росточка, худощав, и с глубокими морщинами на лице с привычкой трогать свой правый висок, имевший начальное основание полагать, что доктор терпеливо сносит избранную им профессию. Крупного фельдшера Семёна, своего армейского сослуживца, он устроил в поликлинику к себе медбратом на пол - ставки, на случай удаления больного зуба у пациента.

- Ну проходи, проходи - И усаживая Купидона в рабочее кресло Василий хитро улыбался. Купидон молчал и только

испуганно шевелил своими мохнатыми бровями, подчиняясь Василию своим слабоумием, вызванным зубной болью.

Василий склонился над сидящим в кресле Купидоном и осматривая его зуб и трогая свой правый висок сказал: - ...Тяжёлый случай - и подмигнул Семёну.

Купидон от страха почувствовал, что зубная боль исчезла и что ему именно это предостаточно для надобного счастья. Он хотел было встать, но тяжёлая рука фельдшера Семёна посадила его на место. Попросив Семёна ввести новокаин, укол для обезболивания, Василий вышел в фойе к телефону.

- На кой хрен ему нужен укол – думал Семён – он ведь глухонемой - и вышел в прихожую помыть руки. В голове у Купидона кружилась в противоборстве с болью, мнимая оздоровительная путаница - ... Надо спастись.

- У меня ничего не болит - в страхе думал Купидон. Он вскочил с кресла, подбежал к двери ведущую в прихожую и к туалету, где Семён мыл руки и запер её на замок изнутри. Он открыл окно, но побоялся спрыгнуть со второго этажа. Он стоял у окна, сконфузившись исполненный безутешными переживаниями в обороняющейся позе.

- ... Он заперся изнутри – услышал он голос Семёна в разговоре с Василием.

- ... Зачем? – спросил Василий. - ... От страха наверное – ответил Семён. Василий постучал в дверь – Открой двери Купидон! Ты у меня не один, в коридоре ждут больные пришедшие на приём - Алик молчал - ... Он же глухонемой – продолжал Семён - и всем своим грузным телом налегая на дверь выбил её из петель. Он украдкой пригласил к креслу обезумевшего от страха Купидона. Усаживая его, вкрадчиво, жестами пояснял ему своё благородное стремление удалить ему обломанный зуб.

- ... Приготовьтесь мой дорогой Купидон, сейчас буду удалять зуб. - Купидон судорожно сглотнул и вцепился мёртвой хваткой в ручки кресла.

- А – а-а-а-аааа! Ааа! Ааа! Х-х-х-хы-хыхы-ык! – загоlosил Купидон.

- Смотри, заговорил глухонемой. Ну, вот и всё – говорил Семён показывая в клещах вырванный остаток зуба, покрывая тампоном свежую рану - Возьми себе на память. Но Купидон с ужасом на лице смотрел на свои руки, на оторванные ручки от кресла, он пытался что – то сказать, энергично двигая мохнатые брови, но его оборвал Семён: ... - Заткнись! Тампон выпадет,- и забирая из рук Купидона вырванные ручки от кресла уже насмешливо произнёс: ... - Свободен!

Купидон вышел на улицу. И оберегая себя от надвинувшейся на него измождённой усталости сел на скамейку. То ли бессонная ночь за игрой у Алексея, то ли влияние тишины внутри его души, так дарительной властью вселявшая счастье, то ли прохлада вечера вкупе со всем остальным продиктованные памятью и настоящим заставило его прикрыть глаза, и он мягко уснул. И снились Купидону запахи плохой еды у Алексея, и бегущая с компрессами Наташа, потерявшая свои шлёпанцы выкрикивая: - Это ничтожное учреждение! - И своё больное отражение в зеркале у рабочего кресла с испуганно – извиняющейся гримасой, и Василий – стоматолог вознесённый в лоно святых с ореолом над головой говорил ему: - Купидон, я ненавижу теннисные шарик и тройной одеколон, и твою проклятую «клубничную пудру». И мимо проходили люди, и все прохожие представлялись ему выпукло – яркими образами, ставшими в длинную очередь и уготовленными для грядущих встреч у его парикмахерского кресла. Он улыбался «посматривая на потолок».

Торонто 1996

ВАЖНАЯ ПЕРСОНА или ХЛЕСТАКОВ ПОНЕВОЛЕ

Дербентцы называли его просто – Шаня. И в памяти нескольких поколений жителей Дербента, в особенности среди молодёжи сохранились о нём весёлые, и невероятные случаи из его биографии, которые передавались, что называется «из уст в уста» в кругу друзей. Но всё по порядку.

Шенде Абрамов рос без отца, ушедшего на фронт в 41-ом и не вернувшегося с войны, как и у многих подростков его сверстников в Дербенте. Среди своих друзей с улицы он как – то резко выделялся своими наклонностями, умением, взглядом и манерными жестами, а главное убедительностью представить своим собеседникам что – то важное, в котором он является незаменимым и ответственным лицом. Окончив семилетку, он и его сверстники – друзья, собрав необходимые документы для продолжения учёбы в вузах, техникумах и училищах приехали в Москву. У каждого был свой выбор учебного заведения.

- ... Жизнь свою я хочу посвятить развитию народного хозяйства – говорил друзьям Шаня.- И в будущем у меня большие перспективы. Торговля, экономика – это моя

стихия. Я чувствую себя Гермесом, и нет ближе дела для моего сердца, чем планирование и решение государственных задач. Буду сдавать документы в Плехановский институт народного хозяйства. - Около дверей приёмной комиссии Шаня в раздумье прохаживался взад и вперёд и думал, как бы удачливей и наверняка сдать документы. Вдруг, ему в голову пришла несуразная мысль. Он остановился у двери кабинета с табличкой на дверях: ректор института Фефилов Афанасий Иванович и воспользовавшись занятостью секретаря – машинистки в приёмной, без приглашения и без стука вошёл в кабинет к ректору. Ректор осмотрел молодого человека, вошедшего к нему, понял, что перед ним не русский, и вполне возможно иностранный студент, вопросительно глянул и спросил:

- ... Вы по какому вопросу ко мне молодой человек?

Шаня не знал, как оправдать свой приход и засуетился.

- Да вы проходите, присаживайтесь – пригласил Афанасий Иванович. Шаня сделал несколько шагов вперёд, остановился и громко сказал:

- ... Спасибо отец, я постою.

Ректор в недоумении посмотрел на Шаню думая - это что за «новоявленный сынок» объявился тут, и понимая, что эта фраза одна из форм фамильярного выражения уважения бытующая в народе, улыбнулся и продолжил:

- ... Так что же вы хотели?

- Да вот документы принёс для поступления в институт - заговорил осмелевший Шаня.

- Ах, документы для поступления – протяжно заговорил Афанасий Иванович - так это не ко мне, это на первый этаж в приёмную комиссию и на общих условиях.

Шенде вышел из кабинета ректора, спустился на первый этаж и встал в общую очередь абитуриентов. Вечером, встретившись с друзьями в дворницкой комнате, в которой проживал работая дворником один из дербентцев, Шаня

рассказывал друзьям, как сам ректор института Афанасий Иванович уговаривал его сдавать документы только в их институт.

- Сабур сохит ой бирору! – призывая внимание друзей, заговорил Шаня. Документоймере дебердуым дим - дуз эки ректор эн институт. Руз эхэйр бу доре, ве Эгуьбет э хэйр вегуьрде, документоймере фем сохде, Афанасий Иванович эз ме мугу:¹

- Э Шенде ме эдей диренуым туь пучкинендее кук нисди. Омбара жовоно пошней дер институт имуре эдет векенде.

- Весси – гьо! – гуфтурум ме эз Афанасий Иванович – Весси! Угьош хундегоргьо ведиремори эриме. Угьо гьемме эгьюлменд нибу мере хуно, песде ме г1эйбкеше кук (иш) истуым. Меш мугум чуй буге.

- Туь хош оморей э институт иму ! – гуфти ректор эз ме. Дес, ве гоф до мере, гуфтире – бура телегрэмм ди дуьль дедере шор сох, ве куьтэхь сохдим, варасдим.¹ Зная Шаню друзья улыбались, понимая, что Шенде опять «трепится». И никто из друзей так и не понял, сдал Шенде документы, или нет.

Прошло время, друзья давно не видели друг друга. Все расселились по общежитиям своих учебных заведений и у каждого сложились свои учебные сложности и заботы, и времени для встреч почти не оставалось. Но однажды, на майские праздники после долгих лет разлуки, созвонившись, друзья решили встретиться в дворницкой у Адама, у

¹ Наберитесь терпения, братья мои. Сам ректор института Афанасий Иванович Фефилов рассматривая мои документы говорил мне: ... Дорогой Шенде, читая твою характеристику, я вижу, что передо мной стоит скромный, волевой и целенаправленный молодой человек. Ты сделал правильный выбор, я поздравляю тебя. А сейчас иди и поздравь телеграммой свою маму с зачислением тебя в наш институт.

того самого дербентца, который давно уже обосновался в Москве работая дворником, проживая в выделенной ему ЖЕК(ом) жилплощади, которая служила, как бы перевалочным пунктом для приезжих дербентцев в Москву. Встретиться решили у одной из станций метро и после необходимых покупок, вместе с Адамом двинуться в его «резиденцию». Собравшиеся у входа в метро друзья с покупками ждали только Шаню.

Шенде не заставил себя долго ждать. Он легко соскочил со ступеней прибывшего автобуса, в болоньевом плаще (очень модный в конце 50 - х и в начал 60 -х. г.г.) и с потёртой красной папкой под мышкой. Важно подойдя к друзьям, он неожиданно стал бить себя папкой в грудь и по голове, причитая при этом:

- ... Эчуь хуби эриме! Эчуь хуби – эри –ме-е-е-е ! Чуьреш эгерде мегьгуьрум, оммо и коре – нэг1. Ме, заместитель генерального директора эн келе объединение истуьмгьо, хьэвир(ме), жуур(ме) хьэёте миё жару зену?

Дворник миё кор соху?

Эри дуьшмен гиристени.

Эчуь хуби эриме-е-е-е!² – продолжая наносить удары в грудь папкой причитал Шенде, и улыбаясь продолжал:

- Еле еле вот вырвался к вам на встречу. Намечалась поездка в Париж, да и в Дербент срочно поехать нужно.

Не знаю, как мне быть?

- ... Шаня - обратился к нему один из друзей

² Эчуь хуби эриме – О горе мне! Горе мне-е-е-е! Так мне и надо! Как это я упустил из вида друга моего, так и не устроив его судьбу, находясь на важных государственных постах. И мой единоверец, друг и брат до сих пор работает дворником, подметает дворы.

– И гьеминон* (*этим летом*)* ме э Дербент бируъм,
ве холей Риспоре – дедей туьре дирем. Холей Риспо
эз ме пурьси: Э Рафоил, туь сейреки(редко) семе дирени
Шендере? Нэг1 о-о-о! Туь эзжэ мидани дире уре-е-е!. И парчѐ
эн иму, э гьошгьой хуьшде куьмуьр жогьлуни совустегор -
Брежнев нис ишде оmore э Дербент кук
мере. Гуьрди Шендере эки хуьшде. И каньяко эн
Дербенд эмме э шугьэм ю дери. Г1этош дараво э
руригьой эн у! Ой худо! Э гьэвлеме и парчо(йму) не расиренге
дуль дедере, кесе чуй г1эйби.³

Я думаю, тебе лучше съездить в Дербент, а Париж подождёт.
- ... Ты как всегда прав, мой дорогой Рафаил! – раскинув руки,
чтобы дружеский обнять друга, ответил Шаня. - Машину я
отправил, будем добираться метрополитеном.- Вечер друзей
проходил весело. Шаня, как всегда любил поговорить, и всегда
ему казалось, что он говорит нечто новое и оригинальное.
В присутствии же друзей он чувствовал необыкновенный
подъём силы духа и наплыв мыслей.

- ... Вы конечно знаете друзья мои – говорил Шаня
– что я сейчас работаю в центре государственного
планирования, в государственном плановом комитете
осуществляющего общегосударственное планирование
развития народного хозяйства СССР. Жизнь моя трудовая,

³ Шаня, я этим летом был в Дербенте. Видел маму твою.

Тётя Риспо спросила меня:

- ... Рафоил, хотя бы редко, видишь ли ты сына моего Шенде?
О нет! Навряд ли ты можешь его видеть. Наш правитель
Л.И.Брежнев, который подкрашивает свои брови углѐм
«Джалганской артели» (аул Джалган) не отпускает моего
сына. Весь коньяк дербентского коньячного завода в его
ненасытном пузе. Да чтоб ему икалось от коньячных напитков.
Если уж сам правитель не понимает душу матери, то что уже
говорить о других.

полна государственных забот. Но я бы очень хотел заботиться и о собственной семье. Я женюсь друзья мои.

– Кто она - заинтересовались друзья.

- ... Её зовут Шурочка, она со жгучими чёрными волосами, и миндалевыми глазами. Побывав у них дома я понял - это то, что мне нужно. Её отец Эсэф и мать Тури замечательные люди, а главное они прекрасно меня понимают. Я спросил у них:

- ... Тури Асаиловна, ве Эсэф Худатович ченд класс э школе варасди духдер ишму?

- ... Дегь класс, бирор ме – уважительно ответил Эсэф Худатович. - Чуьни бегем? - Взволнованно спросила Тури Асаиловна.

- ... Миберуьм духдер ишмуьре э хуьштеревоз э Москов, ве мидешенуьм уре э «Первый медицинский институт им. И.М.Сеченова» – бииль зэхьмет хундеире дану!⁴ – воодушевлённо заговорил Шаня Элле-е-е-е!

- И лап четине кори – сказала Тури Асаиловна.

Иму эчи ошир нисдим. Мере бэхьшлемишь мисохит гьэзизе Шенде – продолжала Тури Асаиловна – Имуре бире – не бирей е духдери, туьре войге сохде истиге берде э Москов Шуручкелере суьфде гу, эже кор сохде туь, э коми завуд?

- Ме-е-е-е? – улыбаясь отвечал Шаня - ... Ма-шал-ла!

Тенги мекеш! Дануьсде бошит кор сохдени жигейме э «серлуье, пэхьникие жигей*»! (Секретная миссия*)

⁴ Тури Асаиловна и Эсэф Худатович, сколько классов в школе закончила ваша дочь?

- 10 классов, а в чём дело?

- Увезу вашу дочь в Москву. Устрою её в « первый медицинский институт им. И.М.Сеченова» пусть познает цену усердия в получении образования.

Ракетгьо, ве и э космос рафтэгорьго, ве оморегергьо эз космос – угьо эмме э дес ме дери.⁵

- Туь хош омори, софо овурд! – в один голос проговорили обрадованные Эсэф Худатович и Тури Асаиловна.

- Но до свадьбы дело не дошло, наша помолвка расстроилась.

Вы знаете друзья мои, как я люблю классическую музыку, а именно «период романтизма», Лист, Шопен, Берлиоз, танцующая Вена, и беспечный Париж, и я решил создать струнный оркестр, но Шурочка была других, противоположных взглядов на музыку, и нам пришлось расстаться. Струнный оркестр, мне удалось «сколотить» из ассирийцев – чистильщиков обуви. Я собирал их по всей Москве. На репетиции выяснилось, что они не могут читать ноты и все играют только на таре на слух. Хотя концерты проходили с успехом, но филармонии неохотно заключали с нами договора. Мне пришлось оставить намеченные гастроли по европейским странам и вернуться в «народное хозяйство». - Друзья, как всегда, слушали Шаню и под настроение улыбались. После весёлого вечера друзья прощались, пожимая друг другу руку, и тут все обратили внимание на Шаню. Он как – то странно изменился в лице, было похоже на то, будто он вспоминал что-то очень важное. Вдруг, он громко заговорил, загибая пальцы. Он говорил о «движении», каких – то несуществующих денег:

- ... Так, две тысячи вчера под отчёт, шесть тысяч принято сегодня под расписку, восемьсот отдать, завтра последний срок, четыреста оставил в сейфе, двести на необходимые расходы, и обращаясь к друзьям, будто невзначай весело крикнул: Ребята, все наличные деньги в деле, кто из вас одолжит мне 5 –ть копеек на метро?

Такие встречи друзей становились всё реже и реже.

⁵ Я работаю в секретном центре по разработке космических программ.

Тоска по Дербенту и по стареющей матери всё чаще и чаще охватывала Шаню. И в самый разгар лета – пляжного сезона, однажды он приехал в родной город. Дома наговорившись с матерью и сказав ей, что с Л.И.Брежневым он через неделю улетает в Бразилию, пошёл навестить своего друга детства, который уже работал директором хлебозавода - Николая Хануковича Абрамова. За дружеской беседой, за столом накрытым выпивкой и закуской Николай Ханукович благодарил Шаню за выполненную просьбу. Однажды он заказал Шане купить в московской ювелирной фабрике уже обработанный ювелирный камень – изумруд по государственной цене. Шаня скромно вертел головой, как бы говоря, - Пустяки и не стоит благодарности!

Вдруг он остановил взгляд на экране телевизора. Передавали новости. Шенде, указывая пальцем на экран, быстро заговорил:

- Смотри Николай, вон я стою рядом с Л.И.Брежневым, мы принимаем иностранную делегацию из Йемена, ох, оператор убрал камеру.

- Где я не вижу тебя, - всматриваясь в экран говорил Николай.

- Вон я стою слева от него, но меня сейчас загородили, я за спиной вот этого “громилы”.

- Этого чёрного, которому Л.И.Брежнев пожимает руку и целует его? – переспрашивал Николай, - так он отошёл, а где ты? Тебя я не вижу.

- А сейчас меня загородил другой, я вновь оказался за спиной.

...Э Шенде, текей вегуьруьм э герде и дургуни

- дилоб туьре. Уталмиш, хьэль-гловишь ние бире туь. Овурдей э лэг1эй хэлг дешендей:⁶

⁶ До каких пор ты будешь дурачить людей, рассказывая им, что ты работаешь в Кремле. Видеть тебя не могу – болтун несчастный.

– Э Кримиль кор сохде туь!

Весси хуне – хэреб дие! Текей гьовой мэгнигьой эн
Аьмельтере мухуни туь эри имуу?

(Аьмельтей свадебный музыкант и певец в 50 - годы)

- Туь мере, э растекиш, ние дире э телевизор? - заволновался Шаня.

- Сер ю э герден ю веригьо – ичь бовор нисоху э туь! -
гуфди Николай (пейлей арагьре норе э гьирогь).

- Омбор хуб! Э серботи эн ижире гофо ме лап гьэьри бирем.⁷
Согьбоши гьэзизе Николай.

Шенде вышел на улицу в расстроенных чувствах. Да, думал он – всё в этом мире идёт своим ходом, за исключением того остального, что решительно «идёт наперекосяк». Это ужасно, когда в своей голове находишь «место возвысить себя» и вдруг обнаруживаешь, что ты не знаешь что с ним делать – с этим местом.

Друзья согласны понимать меня, но предпочитают оборвать меня в срок, на самом интересном месте.

Нет! Что ни говори, а я всё - таки интересная личность. В мире, в котором существуют чудеса, мне удалось придумать своё – удивительный беспорядок. Беспорядок всегда побеждает порядок, потому что беспорядок организован намного лучше и чаще, и его не сразу заметишь. Таким образом, оправдывая себя он сам не заметил того, что пришёл на городской пляж.

Он удобно устроился под навесом, аккуратно сложив одежду, прикрыв глаза, наслаждался морским воздухом, его прохладой.

... - О, Шаня! Хайр гердо! Туь э Дербент ве ди бистори! Чув хэбери? - Шенде открыл глаза и увидел своего давнего приятеля Зимро, который работал в Подмоскowie – начальником управления газового хозяйства

⁷ Ах, ты не веришь мне, Николай? Считай, что я очень обиделся.

и тоже приехавшего погостить к своей матери. Зимро только что вышедший из воды, подпрыгивал на одной ноге, наклонив голову набок, старался таким образом вытолкать воду забравшуюся в ухо.

Шенде без восторга поприветствовал Зимро и насупившись замолчал. Ему вспомнился неприятный случай, а вернее их встреча, в Захаровке (*маленький городок под Москвой*) на бумажном заводе, куда по делам приехал Зимро, к своему приятелю – директору завода Ефиму Гришману. Увидев Шаню, на заводе, Зимро очень обрадовался.

... - Шаня! Сколько лет! Сколько зим! Михьилло мисохи мере. Туь э завуд чуй сохде?

... - Ме э кор деруьм э инжо – заместитель эн генеральный директор истигьо объединения – ответил Шенде. Туь чуй сохде инжо? – в свою очередь спросил Шенде.

- Чуйкле гьурлугьи мере. Варстенки коргьой мере, Ме миофум туьре – улыбнулся Зимро.

Закончив дела по работе, Зимро стал расспрашивать у Ефима Гришмана, где можно найти Шаню. - Я такого вообще не знаю – ответил директор - Нет у меня такого заместителя. Пришлось обратиться к начальнику отдела кадров, который подтвердил, что да, работает такой человек снабженцем красильного цеха.

И сейчас, увидев Зимро, Шенде решил взять реванш.

... - Оморем дие. Темэхлугь инжо кор нисди. Эгенер туьре ёгъин данусте воисдениге эри чуй кор ме оморем э Дербент? Туь бовор нисохи э ме. Ме оморем эри «Шлифовальный заводе» гьилит зере.⁸ Шлифовальный завод, хоть и имеет

⁸ Я приехал в Дербент с секретным предписанием. Буду закрывать завод «Шлифовальных станков». Да ты что Шаня! Тебя, наверное, оса ужалила в голову – сказал Зимро. Я не шучу! Зам директора Тимуриди упал мне в ноги с просьбой дать им испытательный срок, хотя бы на пол года. Буду звонить в Москву.

огромное республиканское и союзное значение – продолжал Шаня,- абсолютный ноль - не рентабельный. И вполне возможно, его скоро переоборудуют в картонажную фабрику.

- ... Весси-о! – шутливо перебил его Зимро.

Кидан сер туьре г1энг (оса) гезири.

- ... Весси! Чуюни? Зарифотгьоре э гьирог ни. Зам.

Директор эн завуд Тимуриди шиновстеки и тозе хьэбере эз ме, сер гуьрд зани куьфде, сине, ве сер хуьшдере куфде, минет – синет сохде, гуфти эз ме. Э Шенде, гьурбун гердом эри туь. Лов месох дуьл мере. Иму хуб фикир микешим чуйтам ведироймге эз кризис. Туь э Москов зинг зе, эри ним сал семе имуре эри доре «испытательный срок». Туь элхоин бош, жон Шенде, э гьувот жофокешо екиш ниворов.

- ... Эчуьни коргьо? – полушутливо проговорил Зимро и про себя подумал: - И хуне хэреб чуй хунде?

Э хуней бебей эни г1этош дараво ... Кей О-о-ох микеша туь эри дургу – биёбуре гофой хуьшде.

Пахло увядающей акацией. Шенде шёл с пляжа, по вечернему городу, домой и думал. Нет, только прочно стоящий «на своём» человек способен плыть по восторженной мысли и при этом оставаться на месте. Слова – это великая сила, в них масса энергии.

Только вот слетая с языка, начинаешь понимать их и сожалеть о том, что не успел вовремя закрыть рот.

Можно сколько угодно терзаться по сказанному, но главное успеть высказаться там, где у человека появилась возможность наговорить возвышенную неправду, а потом можно снова возвратиться к себе. Можно мысленно, в мечтах поменять свой мир, и показаться в реальном мире во всех возможностях мечты и желаний, если не помнить о том, что очень скоро начнёшь сожалеть об этом. Понятное дело, если я не могу решить проблему, то это уже не моя проблема. Нет! Пора домой, в Москву. Как говориться большому кораблю, нужны большие просторы.

И как всегда за мной будет последнее торжественное и державное слово. Помниться, я где – то вычитал высказывание классика:

- ... ПУСТЬ КИНЕТ В МЕНЯ КАМЕНЬ ТОТ, кто в душе подумал что я.... - Да подождите вы, не торопитесь, ведь я ещё не закончил.

Торонто 1995 - 2014

ГРУСТЬ - или НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ПЛАЧ

Дай Б-г! Дай Б-г! – кричали ему в спину городские ребятишки, подпрыгивая и жестикулируя руками. Он останавливался и поворачиваясь к ним, многозначительно по - доброму, и одобрительно кивая головой повторял за ними – Дай Б-г!

Ребятишки привыкшие к тому , что передразнивая человека, как правило этот человек гоняется за ними с криками и угрозами, а этот стоит с добрыми глазами и ведёт себя спокойно, не ругается и даже не сердиться, быстро отставали от него и продолжали свою игру, а он, как ни в чём небывало продолжал свой путь. Это был Пётр Иванович Ракита – маляр шестого разряда бригады маляров Дербентского консервного завода, бывший семинарист Московской духовной семинарии, недослушавший полный курс послушания и ушедший в мирскую жизнь. Петр Иванович был приятно пропорционально сложен. Несмотря на свои пятьдесят три года и любовь к вину, он держался прямо. Плечи его были раздвинуты и под складками брюк вырисовывались крепкие прямые ноги, придавая ему образ отставного офицера. Короткая стрижка и утомлённая маска лица, с множественными морщинами и мешками под глазами говорили о том, что Пётр Иванович часто выпивал, если не сказать ежедневно. Малярным работам Пётр Иванович обучился, когда красил подвалы Троицкого Монастыря с такими же семинаристами, как и он сам.

И сегодня, в мирской жизни, пару стаканов креплённого

вина во славу Всевышнего и всего рода человеческого успокаивали его от навязчивых мыслей, которые среди густой человеческой толчеи ложились ему на сердце с тяжестью и болью. Эти мысли, которые приходилось усмирять, приводили его к новой мысли, к виновности «трезвого дня». В кармане у него всегда находилось пару рублей, завернутых с мелочью в уже не первой свежести носовой платок, от награды за работу у добродушных хозяев, которые прекрасно знали его как добросовестного исполнителя своей работы и зная его мирскую слабость «подогревали» пару рублями. Принимая награждение Петр Иванович произносил здравицу во имя господа и хозяев и со словами Дай Б-г! уходил с миром к Джабиру, в кафе «Гудок», что располагалось прямо у железной дороги не далеко от Консервного завода. Покидая кафе «Гудок», закусив карамелькой с повидлом выпитые пару стаканов «портвейна» и пожелав на прощанье: Дай Б-г! он в раздумье шёл домой. Прозвище «Дай Б-г» закрепилось за Петром Ивановичем накрепко и навсегда. А он как будто и не возражал. Он шёл как обычно домой после посещения кафе «Гудок», но в душе его теснилась тяжёлая и неуёмная грусть. Какой-то ровный и непрерывный звук дозволенный и внятный только сердцу, извиняемый за свою настойчивость, продолжал учащаться, подбирая под себя его слабеющие шаги.

- О Господи! – произнёс Пётр Иванович – Вот оно моё обилие бедственных произрастаний и твоего справедливого всемогущего гнева. Он чуть приосанился и тихо заговорил:

- Благословен ты Господи! Всевышний Царь наш! Своей мудростью сотворивший человека и добро на этой земле. *(Хотя его уже и не осталось на земле
- пронеслось у него в голове)*

Он остановился. Перевёл дух. И продолжил - исцеляющий всякую плоть и творящий чудеса: *(которых нет вообще – опять пронеслось у него в голове).*

Он присел на лавочку у газона. Его слух был занят здравицами во славу невидимого обитателя его души, который внятно и приветливо руководил звуками и фибрами имевшимися в его неслучайной грусти. Наверное точно так грустил пророк Илья - думал он предчувствуя, что вот – вот должно произойти что – то на земле замечательное и доброе, а может и злое. ... - Дарья – тихо произнёс он - Дарьюшка, как же так, вот оставила меня одного,- его взгляд рассеянно блуждал по асфальту, сердце озадаченно и болезненно сжалось. ... - Вот переселилась ты в мир блаженный, в лоно и в свет святых, прощая меня за мои прегрешения, а я давно оставил молитвослов, чтоб помолиться за тебя и поставить свечу. Да и хорошего пути у меня нет, кроме сохранившихся воспоминаний, ежечасно обжигающих моё существо, прежде чем я приму питьё - он почувствовал, как у него пересохло во рту ... - Господи - вдруг зашептал он, - Дух праздности и унынья даровал ты мне видеть мои прегрешенья. - Со словами Дай Б-г он встал со скамейки, с намерением идти в магазин к Тофику, который располагался напротив «Пассажа», там прекрасное разливное вино за 50 копеек стакан, думал Пётр Иванович, надо бы поспеть к закрытию. Он шёл с потускневшими глазами за вожделенной добычей, не обращая внимания на ребятишек дёргавших его. Его пристальный взор простирался вдоль улицы и уходил вдаль к концу её, к цитадели «Нарын – Кала», к её бастионам раскинувшихся на гребне горного хребта, и дальше, где бесконечное небо так утешительно и отдалённо - расплывчато усилием своей синевы захватывало его целиком, и оглушено обрушивалось на глубокие складки его лица идущие от крыльев ноздрей к уголкам рта, кривило их до неприязненности напоминая им своё преимущество.

- Добро, где оно это добро на этом свете? - вдруг заговорил он.

- В сердце? В руках? В человеческих умах? Где? Я хочу знать. Люди хватают его руками, а если и отдают, то не от сердца.

Сердце и руки приносят и отдают добро. А ум? Что ум, только умножает познания доброты в душе, как одно из достоинств её добродетели, тем самым умножая скорбь, создавая только томление души. Наверное так и думал Екклесиаст, когда говорил:

- ... Всё суета! Что пользы человеку от всех трудов его. ... И предал я сердце моё тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость; ... - Узнал, что это томление души* - Душа! Вот что руководит добротой, если соотнести эту огромность с живой человеческой жизнью. С искренней живостью сопровождаемой рассуждениями непохожими на помешательство - он живо вытащил из кармана платок, развернул его, пересчитал мелочь. Есть! Хватит на два стакана,- промелькнуло в его сознании,- а вот и закуска- и перекладывая карамельку из платка в карман он зашептал:

... - Господи! Не полагаюсь на себя, хотя и понимаю, что в мудрости твоей много печали и доброты воплощённые в словах, и слова эти принадлежат предметам наших желаний и потребностей, которые так необходимы к разгадке притчи твоей; Дайте вино огорчённому душою, пусть он выпьет и забудет грусть свою и горе своё не вспомнит* (Притчи. 31; 6-8). - Он желанно вздохнул и вошёл в магазин.

- Слушай, Петро, я только что вспоминал тебя - улыбаясь «золотыми фиксами» заговорил Тофик. Пётр Иванович моргая глазами и ничего не понимая глупо уставился на завмага и, чтобы не сказать чего-то ненужного и лишнего, отвесил поклон и мягко по восточному произнёс:

- А Салам Алейкум многоуважаемый Тофик. Дай Б-г Вам

.... - Он хотел произнести здравицу, но Тофик остановил Петра Ивановича и продолжил свой разговор:

- Видишь ли, Петро, мне к утру необходимо покрасить кладовку - Тофик подвел его к маленькой комнате, в которой находились вдоль стены: письменный стол, небольшой диван и маленький холодильник. На полу, в углу кладовки

стояли на развёрнутых газетах банки с красками и кисти для покраски. - Я заплачу тебе 25-ть рублей по окончанию работы. Покрашенная кладовка мне необходима к утру, для санитарной комиссии.

Петр Иванович хотел спросить, а как же тут быть? Ведь магазин закрывается через полчаса. Но Тофик продолжал:

- Я закрою тебя а утром выпущу. Быстро закончишь – отдохнёшь на диване. Покрасить нужно только эту стену- Тофик развёл руками в воздухе показывая какую стену. Разрешаю тебе выпить вина из бочонка, но по окончанию работы. В холодильнике еда. Ну что согласен?

- Добро – ответил Пётр Иванович. Завмаг закрыл магазин и ушёл домой, а Пётр Иванович неспешно приблизившись к бочонку с вином, достал из кармана свой складной пластмассовый стаканчик, со славами:

- Не далеко ты от меня мой утешитель,- открыл краник бочонка и налил себе вина, потом так же не спеша, благоговейно дивясь налитому, вернулся в кладовку и присел на диван.

Он смотрел на стену, на треснувшую и осыпающуюся краску с грустной улыбкой ,она почему - то волновала его и он старался объяснить себе почему она так нравится ему. Вдруг, он неожиданно вздрогнул, зрачки его расширились, дыхание стало горячим. Он услышал стоны и плачь исходящие от стены.

Слова причитаний были настолько разборчивы, что он узнал в них плач Иеремии у стен Иерусалима, разрушенных Царём Вавилона – Навуходоносором.

- Весь народ вздыхает ища хлеба, отдаёт драгоценности свои за пищу и питьё – услышал он и посмотрел на свой стаканчик с вином. – ... Возри Господи! И посмотри, как я унижен*. - Он хотел выпить вино, и ему даже показалось, что кто-то улыбнулся внутри его, но не притронулся к налитому стаканчику.

- Камни, камни твои священные Иерусалим в эти дни терпят бедствие, скорбь и страдание – уже шептал Пётр Иванович, удаляя скребком со стены потрескавшуюся краску.

- ... Удалился мир из души моей и забыл я о благоденствии – продолжал он, опять посмотрел на стаканчик с налитым вином. - О Господи! – продолжал он, помешивая краску – Народ твой пал от руки врага и никто не помогает ему. Он отлил краску в пластмассовую ванночку и подготовил валик для покраски.

- ... Неприятеля смотрят на него и смеются над его субботаами – продолжал он. Тут Пётр Иванович не выдержал. Он взял стакан с вином и громко вымолвил - ... Да Благословенна всегда суббота твоя! - Он выпил и откусил половину конфеты. – Вот так я отвечаю сердцу моему! - Он почувствовал, что ему и в голову не приходило раньше тянуться к утраченным надеждам и что перемены в жизни его происходят тут же, здесь в кладовке.

.... – О мой скорбящий Иерусалим, я восстановлю твои сияющие белые камни – он провёл валиком по стене. Краска ложилась на стену легко отдавая привычный запах и блеск, возбуждая все дальше и дальше его воображение. Ещё не поздно вернуться к тому счастью, к той жизни, когда в Троицком храме, он вёл божественную литургию, и что не всё ещё погибло и что придумать себе новую жизнь – это просто невозможно. - От сего – то и изнывает сердце наше,- продолжал он. - От сего – то и померкли наши глаза. - Он почувствовал, что плачет.

... - О господи! – продолжал он, окуная валик в краску, продолжая катать его по стене – По милости и доброте твоей не исчез род человеческий, ибо доброта твоя и милосердие неистощимы. Обрати нас к Тебе и обнови наши дни.

Он красил стену и чувствовал, как внутри его освобож-

дается пространство для нового, чистого дыхания, заполняя его новыми мечтами.

Нет, врал Екклесиаст, когда говорил:

... - Что пользы человеку от трудов его? - Вдруг он вспомнил, что он давно не пил и страдальчески достал стаканчик. Он закусил оставшейся половинкой конфеты, улыбнулся своей новой мысли и начал отодвигать от стены диван, стол и холодильник и продолжил покраску остальных стен, хотя его об этом не просили. Когда он закончил уже светало и первые солнечные лучи пробившиеся сквозь окна, бликами солнечных зайчиков запрыгали на обновлённых стенах и преломляясь отражали на них яркие цвета бутылок расположенных на полках.

- Чудесно! - Заговорил громко радостный Тофик, пришедший на работу. - Вот, получи за работу - Тофик достал из кармана 25-ть рублей, потом замешкавшись, посмотрел на выкрашенные стены, достал из кармана ещё пять и вручил их мастеру.

.... – Да не оскудеет рука дающего – тихо и грустно произнёс Пётр Иванович - Идай Вам Б-г - он хотел прочесть здравицу, но завмаг его перебил: – Ну всё, прощай, работать надо. - Пётр Иванович вышел на свежий воздух. Утренние лучи солнца неожиданно напомнили ему о наступившем утре, о новом земном дне и он медленно зашагал вниз по улице им. Ленина на работу. Проходя мимо церкви он остановился. Он подождал пока внутри его наступит тишина, а мысли его оставят всё земное, открыл ворота и вошёл во двор.

.... – Лови её, заходи справа ... - Ну что же ты так неловко – услышал Пётр Иванович голос «его преподобия отца Фёдора», задравшего полы своей рясы, бегущего за курицей. Его экономка Кузьминишна, полная женщина и на вид около сорока пяти лет, тоже подобрав полы своего длинного платья и фартука запыхавшись и разбурчавшись после неудачной попытки поймать испуганную курицу, загоняла её

в угол двора.

- Доброго здравица «батюшка», а я не хотел Вас беспокоить, думая, что Вы утреннее богослужение служите.

- А, это ты Пётр Иванович – пробасил «Отец Фёдор»

- где уж там и на праздники не соберёшь народу.

С приятною мыслью что слава Б – гу, он не изменил своего решения Пётр Иванович достал только что заработанные

деньги, 30 рублей и протянул их Кузьминишне. - Милые

люди – обратился он к ним, глядя в глаза оторопевшему

«батюшке» – сердечно прошу Вас, прочтите молитву за

упокоей души и зажгите свечу по усопшей рабе божьей

Дарье Михайловне Ракитиной – урождённой Семёновой,

дай Вам Б-г – он не договорил и поспешно вышел.

Слёзы уже наворачивались, но ему было хорошо от

той внутренней силы, которая надвигалась

на него от слёз. Он не стыдился своей грусти.

Он машинально вынул носовой платок, чтобы высморкаться

от слёз, но вспомнив про завёрнутую в него «денежную

мелочь» воодушевлённо сказал:

.... – Есть! На пару стаканчиков хватит. Дай Б –г.

Примечание:

В тексте рассказа были использованы строчки из

песен «Плач Иеремии» и высказывания Екклесиаста.

Торонто 1995 - 2014

ЛИЗОНЬКА или ОНЕГИН МОЙ СОСЕД

Лизонька Юхаева придя со школы домой и оставив портфель в прихожей, вошла к себе в комнату. Закрыв за собой дверь и защёлкнув её на замок, она бессознательно сняла школьное платье, подошла к большому зеркалу и блаженно стала вглядываться в себя.

- Нет этого мне не надо – вслух промолвила она, поправив чёлку на лбу. Мысль продолжить высказать вслух, что именно ей не надо, она посчитала ненужной, и с досадой ощущая случившееся с ней на уроке литературы отвечая у доски читая письмо Татьяны к Онегину, она насильно заставила себя улыбнуться Наружность свою Лизонька знала наизусть. Она нравилась ей.

- Ха – ха – сказала она хладнокровно – Тут никакой Онегин не устоит! И что, эта кикимора - Ленка Пирогова корчит из себя, весь урок перешептывалась с Женей Сёминым и хихикала, пока я отвечала у доски, читая письмо Татьяны. А этот Сёмин, как пудель стоит перед ней на задних лапках – противно! - Её плечики дрогнули от стука дверь.

- Лизонька, - её звала бабушка, - Иди обедать, всё стынет. Отец Лизоньки – Борис Юхаев, по прозвищу «Батайский семафор» постоянно бывал в разъездах, сопровождая вино в самые отдалённые уголки Советского Союза (чтобы заработать денег), за что и получил это прозвище среди друзей – «проводников».

Мать - Жанна работала медицинской сестрой в больнице и часто бывала на дежурствах.

Лизонька почти всегда оставалась с бабушкой.

- Иду бабуля – она вдруг вспомнила как Женя, на прошлой неделе, идя домой с ней после школы рассказывал ей как Ленка Пирогова в школьном буфете хохотала от всякого пустяка.

- Смотри, смотри – говорила Ленка – Софа Нахимова даже в буфете зубрит ха –хахаха, - и раскачиваясь на стуле, грох – нулась с него на пол.

- Что упало, то пропало! Вот это нам и надо!

- удовлетворённо вымолвила Лизонька. Лизоньке вдруг захотелось вспомнить что-то смешное и тоже рассмеяться, но у ней не получалось. С чувством неприятной грусти она смотрела на себя и молчала. Ей вдруг ужасно захотелось написать письмо и если бы она могла предположить кому написать, она не чувствовала бы себя грустно и глупо. Ей было пятнадцать неполных лет. Она ещё не полюбила. В двери опять постучали. Лизонька открыла дверь:

- Бабуля не приставай, я делаю уроки.

- Чуть бири туьре духдер? Себэхьмунде е хуб бири туь. Биё, бебейтуь муно, епрэгьиле э ошлеровоз хьэзури. Туьре хош оmore чини¹

- Ну бабуленька, только не сейчас. - Лизонька снова заперла дверь и села за свой письменный столик, и вывела в чистой тетради первую строчку.

- Я Вам пишу – чего же боле? - тут Лизонька остановилась и задумалась. Её доброе и кругленькое личико просто и обыкновенно выражало растерянность, а надувшиеся губки маленькую обиду. Буду писать Женьке Сёмину. Он живёт этажом выше, над моим балконом и это избавит меня отправлять письмо по почте, или отдам ему на перемене. Она

¹ Девочка ты моя. Что происходит с тобой? Утром ты была такой хорошенькой. Я приготовила твои любимые «ленивые голубцы» под рисовую кашу.

опять задумалась. Прикольный он какой – то и порой несёт всякую чепуху.

Учительница по литературе Зинаида Александровна однажды сказала ему:

« Сёмин, вы очень находчивы и сообразительны.

Главное вы умеете в немногих словах высказать огромное количество глупостей».

На прошлой неделе отвечая у доски: «Образы помещиков в Мёртвых душах» он поведал нам, что помещик Плюшкин наложил по углам целую кучу, и каждый день туда накладывал. В классе смех раздался невообразимый. А на прошлом уроке отвечая на тему: « Герой романа Евгений Онегин» он начал с того, что дядю Онегина под старость лет приковало к постели раком. Сам Евгений Онегин был богатым человеком и жил как анахорет. По утрам он сидел в уборной, а сам потом ехал к Лариным. У Онегина было тяжело внутри и он приезжал к Татьяне облегчиться. Сначала Таня горячо любила его, а он её и в глаза не видел на дне рождения у Ольги. Но когда Татьяна охладела к нему, Евгений решил начать всё снова, но было поздно. А вот и свидетельство тому, А.С. Пушкин пишет, Женька выпрямился и зачитал:

- ... Урок ваш выслушала я, сегодня очередь моя:

«Онегин, я тогда моложе,

Я лучше КАЧЕСТВОМ БЫЛА (*вместо – кажется была*)

Класс грохнул от смеха. - Довольно! Довольно! Сёмин! - говорила Зинаида Александровна, можешь сесть на место, но Женька продолжал: - ... Такие девушки как Ольга и Татьяна давно надоели Онегину, да и Пушкину тоже.

В дверь опять постучали. Лизонька открыла дверь. Бабушка молча рассматривала её.

- Ме эдей диренуым, гьовой туь нисд духдер, дур гердо.

Туь кефсуьзе хунои. Небуге тэг1энит гуьрдей?

Эйчуь э е шеировоз эчуь пойсдей? Воку тентуьре.²

Шутливо заговорила бабушка.

- Бабуленька, милая, я просто во – мун – дем* (ус-та-ла)!
Я пообедаю чутьчку позже. Она села за столик и
продолжила письмо:

* * *

Я вам пишу, чего же боле?
Что я могу ещё сказать?
Ах, Женя! Женька, на заборе
Ты умудрился написать
такую глупость Л+Ж (е)
равно сердечку и стреле.
Вчера ты Ленку Пирогову
Опять до дому провожал.
Нет, для меня это не ново,
что ты законченный нахал.
Ты словно пудель Артемон
в зубах несёшь портфель Мальвины.
На задних лапках без причины
готов об стену биться лбом.
Как только вспомню - стынет кровь,
Не говори о дружбе вновь!

Лизонька остановилась, откинулась на спинку стула и
продолжала думать. Она сама не заметила, как перешла
на стихотворную форму изложения – Пушкинским
пятистопным ямбом.

Она вспомнила, какое ласковое и виноватое выражение
лица бывает у него когда он поёт и играет на гитаре В

² Тебе нездоровится. Да перейдут на меня твои болезни.
Ну что же ты не идёшь обедать. Или ты решила пост
держат? Оденься пожалуйста, и не стой тут в одной
сорочке.

каждой строчке только точки после буквы «Л» Играл он на гитаре великолепно, его голос звучит без усилия и страстно - вспоминала Лиза - наверное он будет знаменитым артистом. А я буду его женой, - Лизонька вообразила, как она сама сопровождает его на гастроли. Ах, как это замечательно. Она скомкала письмо, сложила руки на столе, и склонилась на них голову. Мысль её расплывалась. За окном стоял глубокий вечер, пахло весенней зеленью. В комнату вошла бабушка.

- Девонька ты моя. Она помогла ей подняться, уложила её в кровать и укрыла одеялом.

- Скоро летние каникулы – думала Лизонька.

Будем загорать под солнцем и купаться в море, кушать инжир и виноград, а по вечерам на скамейке будем рассказывать друг другу невероятные, наполненные страхом и тайн истории. Она не знала, что ей делать с этой радостью. Она привстала и обняла бабушку.

- Бабуля, я так люблю тебя, посиди со мной. А всё – таки он какой - то прикольный,- шёпотом проговорила она. Немного погодя она улыбаясь уснула.

Торонто 1996

ЛЁВА и КАЩЕЙ или ЗЕМНОЕ ЧУДО

Мелих Хаимов, прозванный Кашеем, жил в большом колхозном дворе и держал голубей. Мало кто знал его по имени, и в городе закрепилось за ним прозвище Кашей – голубятник. Кашей человек среднего возраста, лет сорока пяти, беззубый и страшно худой. Ключицы и рёбра выпирали из тела так, что просматривались даже под рубашкой, а сама одежда висела на нём как на вешалке. Длинная шея, впалые виски, глаза неопределенного цвета и скудная тускло окрашенная растительность на голове, делали его намного старше, чем он был на самом деле.

Двор, в котором жил Кашей в прошлом принадлежал колхозу. Своей задней стороной, сквозь колючий ежевичный кустарник и канаву он глядел на железную дорогу. Сам кустарник за долгие годы давно почернел от пыли и грязи и от брызг масел исходящих от вагонных колесных пар движущихся составов и походил на темное и грязное пятно, а канава несла сточные воды и всевозможные пищевые отходы, которые гнили в ней, и издавали удушливый запах.

Своей передней стороной двор был обращён к военному городку (городскому военному гарнизону) отделявший его проезжей дорогой и невысоким серым забором, верх которого зацементирован битым стеклом остриями вверх, и канава и забор, и сам двор имели тот особый унылый и окаянный вид, какой бывает у построек на отшибе города.

Слева от дороги примыкавшей к стене военного городка находился открытый двор с хаотично разгруженным

строительным материалом и два кирпичных здания, на одном из которых висел плакат призывавший «Бороться за бесперебойное обслуживание населения», а чуть ниже, прямо у двери центрального входа конторы – два маленьких. Первый гласил «Стой, брось курить!» и тут же второй «Знай, что брошенный окурок приведет к пожару!».

Лёва часто недоумевал, что же делать с сигаретой в такой ситуации, но желание курить подсказывало ему докурить сигарету до конца. Это были производственные мастерские ВОГ(а) (Всесоюзное Общество Глухонемых), где работал ночным сторожем наш герой – Лёва Нисанов. Надо сказать, что Кашей был в дружбе и в каком – то родстве с Лёвой, очень часто по вечерам коротал с ним время за «чекушкой» спирта с закуской из овощных солений, сыра и свежего чурека.

Кашей рассказывал Лёве, уже в сотый раз, как однажды на майские праздники городской исполнительный комитет города попросил его по окончании праздничного митинга выпустить голубей с центральной площади города, где проходил праздник и, как сам председатель исполкома пожимая ему руку благодарил говоря: - Спасибо Вам дорогой товарищ Кашеев за ваших голубей, это знаете ли просто земное чудо. – Да, земное чудо – повторял захмелевший Кашей. – Это верно, верно – соглашался Лёва. Они допили «чекушку» и Кашей собрался уходить. Был уже одиннадцатый час, а для маленького города это поздно. – Как темно, ни зги не видно - сказал Лёва, провожая Кашея до гарнизонной стены, – не знаю, как ты дойдёшь? - Да тут рядом, да действительно ни черта не видать – сказал Кашей басом, останавливаясь и глядя на небо. - А звёзды то, звёзды, точно новые абасы¹, сейчас подыму голубей, пусть соберут их мне. Лёва это же чудо, чудо – кричал он во всё горло.

¹ Царские серебрянные 20 копеек

Навеселе он всегда был очень беспокоен и несносен. Он громко ругался, кричал, а иногда придирался к водителям такси и автобусов, кричал, что они загрязняют небо выхлопными газами, и что голубям негде летать и нечем дышать, пел и неистово хохотал. Скоро приятели освоились в потёмках и стали различать силуэты деревьев и телеграфных столбов. Неожиданно зажглись городские фонари и стало светло.

– Послушай Лёва – сказал Кащей – если ты меня уважаешь, то дай мне две дюймовые трубы, не мне, а моим голубям.

– Не понял – ответил Лёва

– Что же тут непонятного, я хочу к голубятнику провести линию водоснабжения, знаешь, надоело таскать воду вёдрами издалека.

– Как же я могу дать тебе трубы, ведь они не мои. Это имущество мастерских ВОГ(а) и находятся под моей охраной. – Ну нет, так и нет – сказал Кащей и пошёл домой выкрикивая что-то невнятное своим беззубым ртом. Приближалась длинная одинокая и скучная ночь. Лёва прошёлся по двору принадлежавшему мастерским, пересчитал сначала количество водосточных труб, потом водопроводных, кирпичи, арматуру, пиленный лес пересчитывать не стал, а просто устало вздохнув уселся на него и закурил. Думать о чём-нибудь ему не хотелось, ему хотелось говорить, и он тихо запел. Лёва любил чувствительные арии из музыкального спектакля «Лейли и Меджнун», но у него был грубый и необработанный голос и поэтому он пел чуть слышно одним лишь дыханием. И наслаждаясь звуками собственного голоса и от удовольствия прикрыв глаза, он мысленно превращался во влюбленного Меджнуна, а Лейли он рисовал в воображении не иначе, как в виде высокой полной и грудастой женщины, с походкой как у павы и почему-то непременно с длинной шалью на плечах. Вдруг он насторожился от услышанного металлического лязга

идущего с другого конца двора, где хранились водопроводные трубы. Он встал и увидел идущего человека согнувшегося под тяжестью труб, концы которых тащились по асфальту создавая отвратительный лязг и скрежет. – Стой! – крикнул Лёва, – стой стрелять буду, – вдруг вырвалось у него. Но вспомнив о том, что единственным оружием, которым он владел – это караульный свисток и выстрелить ему собственно не из чего, он побежал догонять «несуна».

Подбежав, он узнал Кащей. Кащей был одет в очень короткий поношенный пиджак и узкие брюки. Его маленькая голова от тяжести труб, которые он держал на плече, казалась приставленной к вытянутой и без того длинной шее и напоминала бахчевую тыкву. Кащей двигался тяжело, широко расставляя ноги, и от этого его длинная тень походила на раскрытые ножницы.

- Руки вверх! – уже спокойно повторил Лёва. Кащей поднял руки, трубы скатились с его плеча и падая одним концом на асфальт, а вторым как-то пружинисто подпрыгнув ударили Лёву по ноге.

- Ох, ух, у-у-у взвыл Лёва от боли – Руш бэбэйту сипи гердо² подпрыгивая на одной ноге кричал Лёва. – Ты мне сломал ногу (хотя до этого было далеко).

- Так тебе и надо - пожовывая губы, пробурчал Кащей и побуждаемый чувством похожим на жалость и на сочувствие поддерживал Лёву так, чтобы тот не упал.

- Ладно, успокойся – сказал Кащей, виновато улыбаясь – ты сам знаешь, я никогда ничего не крал. Я бы купил эти злосчастные трубы, да денег нет, семья у меня большая, поди прокорми-ка, да и голуби берут своё, корм, клетка для спаривания, да мало ли чего. Всего и не упомнишь. Да пойми, Лёва, голубям без воды ну никак нельзя. Когда я мечтаю, меня посещают мои голуби. Я слышу их грудные голоса, музыку и кажется

² Да что б твой отец стал седым от твоих делишек.

мне, что я гуляю по каким-то лесам, по берегу моря, и мне так страстно хочется заботиться о них – голос его дрогнул, и он тихо заплакал.

- Несчастный ты мой – вздохнул Лёва

- Ну что мне с тобой делать? Хватай за конец трубы и пошли. Подхватив трубы за оба конца, они медленно побрели в колхозный двор. Когда Лёва вернулся, уже светало и намечалась тихая и ясная погода. – Да- думал Лёва – обыкновенный человек всегда ждёт чего-то хорошего и оно случается, просто нужно понять дурной поступок и ничему не удивляться. Он дождался начала рабочего дня, зашёл в контору в бухотдел и попросил Шурочку оформить документально куплю-продажу труб, с вычетом стоимости из заработной платы. Он вышел на улицу, на душе у него было легко и свободно. Ему казалось, что прошедшая ночь и это утро навели порядок во всём. Он машинально взглянул на небо и ахнул от восторга и удивления. Стая разноцветных голубей, хлопая крыльями словно цирковые артисты, кувыркались в голубой синеве, то вдруг роняя пух стремительно взлетая в высь, превращаясь в точку, а затем, словно падающие звёзды, распределяясь на пары, медленно приближались к знакомой крыше и долго кружась над ней, вновь устремлялись в высь. Радость словно заволновалась в Лёвиной душе, и он даже остановился, чтобы перевести дух. Действительно чудо земли - сказал он вслух.

- Да чтоб ты был здоров Кашей.

Торонто 1995

МИШКА МУРДАЛОВ или ПЕСОЧНЫЙ ШАМАН

Мишканблузак Муркалов по прозвищу Мишка Мурдалов, что в переводе с горско – еврейского означает чумазый Мишка, работал кочегаром в городском промышленном комбинате и обладал одной особенностью, с ним постоянно что - то случалось.

Такое прозвище он получил от тяжёлого произношения его имени и долгого пребывания в кочегарке. И за долгие годы работы истопником, мазутные пары полностью изменили цвет его кожи и отражали жжено – умбристый цвет, который характерен жителям острова Цейлон.

Когда он улыбался, или сосредоточенно всматривался в одну точку, вспоминая что – то, его маленькие северные глаза исчезали в складках морщин и вместо глаз образовывались тоненькие прорези. Мишка был лет сорока пяти, худенький и маленького роста с чуточку «О» образными ногами. Одевался Мишка как демобилизованный солдат, который не успел приобрести гражданскую одежду. Военные брюки галифе, кирзовые сапоги и нижнее бельё он покупал за водку у хозяйственников – старшин местного военного гарнизона, которые разбазаривали казённое имущество. Военный гарнизон находился недалеко от комбината, прямо через железную дорогу и Мишке не доставляло больших хлопот приобрести одежду, тем более что хозяйственники – старшины знали Мишку.

В 50 – х годах, после срочной службы в этом же гарнизоне Мишка не вернулся к себе на север оленеводом, а остался жить и работать в Дербенте.

Ему нравилось Каспийское море, тёплый и влажный климат, да и сам город. Квартировался Мишка на еврейской улице им. Пугина у старушки Сары, которая в войну потеряла мужа и сына. В общении со старушкой Сарой, которая в свою очередь очень плохо говорила на русском языке, он применял два горско – еврейских слова, которые быстро запомнил – это «хуби»¹ и «зобуни»² Сам же Мишка, на русском языке говорил приблизительно, как Дерсу Узала от третьего лица.

- Э Мишке, Мишке, - звала его Сара

- Эри пилете хуьзум биёр*.³

- Хуби, хуби Сара, Мишке принести хуьзум

- отзывался он, хватая охапку дров и внося их в дом.

- Мишке нет «зобуни», Мишке «хуби», принести «хуьзум»

- весело наговаривал он. Со временем он познакомился с Николаем, жившим по соседству со старой матерью, который и привёл его на комбинат кочегаром. Николай был похож на киноактёра Бабочкина, который сыграл роль легендарного комдива Чапаева и надо полагать очень гордился этим, потому что постоянно подкручивал концы своих усов вверх.

Во время войны его мать эвакуировалась с маленьким сыном в Дербент и осталась жить в еврейской колонке.

Женщины приняли её с пониманием и каждая как и чем могла помогала ей. Кто подушками, кто одеялами, кто кухонной посудой. Николай рос с местными пацанами и довольно быстро заговорил на горско – еврейском языке. На комбинате его уважали, никто не знал кем он работает, но почему - то по всем вопросам по привычке обращались к нему, хотя на комбинате существовали: Отдел снабжения и сбыта, отдел главного механика, отдел технолога, гараж и.т.д. Вместо обыкновенных накладных квитанций, он отправлял записки

1. Хорошо.

2. Плохо (плохой)

3. Мишка, принеси дров для печки.

написанные им от руки: «Рафаил, - писал он зав. складу – отпусти два кг. олифы Семёну, для нужд трикотажного цеха». Или зав. гаража - ... Пётро, да хай тебя клопы кознят, когда ты успеешь сожрать все талоны на горючее».

Или: ... - Гриша, я договорился с Забудом, заберёшь у него 10-ть метров зелёного гобелена и обменяешь у Илюши на ящик гвоздей в 100мм...И всё это работало при полном комплекте офисной структуры комбината. Или всунув голову в окно кочегарки он кричал: - Мишка, щучий сын, подбрось жару, мазут стынет.

Мишка выпрыгнув из песочной кучи, которую просеивал, кричал: Николай, Мишка давать жару хорошо, всегда хорошо. “Много не хорошо не случилось...” А случались с Мишкой казусы частенько. Однажды сторговавшись со старшиной – хозяйственником и уплатив ему больше половины своей зарплаты за новые штаны галифе, он принёс их домой.

Старушка Сара убирая его комнату, когда он был на работе, обратила внимание на новые штаны аккуратно сложенные на табуретке. Отодвигая её, чтобы протереть пол она нечаянно уронила штаны. Складывая их обратно она обратила внимание, что штаны «имеют уши».

..... – Элле, и гуш вери шоволи ки⁴ - выговорила она.

.... - И лап биёбуре шоволи.⁵

Те Мишке оmore глуч сохум шоволе.⁶

Она отрезала на штанах выпячивающее галифе и вручную зашила отрезанные места.

Когда Мишка увидел свои штаны он сел на табуретку и тихо заплакал, причитая : - Сара твоя много «зобуни»,

4. Мама родная, да эти «штаны с ушами»

5. Не штаны, а стыд и срам.

6. К Мишкиному приходу надо перекроить и перешить штаны.

очень много. Однажды Мишка зашёл в магазин купить краснодарского чаю. Вытащив из кармана кошелек он достал из него «трёшку» и не заметил, как обронил двадцати пяти рублёвую купюру. Забирая сдачу в кошелек. Он вдруг увидел деньги у себя под ногами. Он подобрал с пола 25 –ть рублей и подняв вверх показывая всем присутствующим в магазине весело сказал: - Мишка найти деньги, но Мишка не хотеть чужие деньги - и так же весело положил их на прилавок.

Выйдя из магазина и пройдя некоторое расстояние, его как будто «ошпарило кипятком». - Мишка дурак - повторял он как попугай остальную дорогу, но возвращаться в магазин он уже не решался.

Даже был такой случай, когда Мишка чуть не лишился жизни. Мазут, который растапливал в кочегарке Мишка, нужен был «толевому цеху». Огромный рулон картона медленно, на малых оборотах, раскручивался на вертеле и попадал в канаву с растопленным горячим мазутом и пропитывался им. Дальше уже пропитанная лента двигалась к контейнеру с отсеянным чистым песком, который зависал сверху идущей ленты, равномерно осыпая её песком. И готовая толь длинною в двадцать метров сворачивалась в рулон уже на другом конце, отрезалась рабочим и укреплялась *(чтобы не развернуться обратно)* наклеенным «товарным ярлыком».

Дальше, как и вся продукция комбината толь отправлялась в магазин комбината, который находился на территории «верхнего базара» у автостанции.

В основном её покупателями были сельчане, приехавшие в город за всевозможным «хэпур чупуром».⁷

Пришедший утром на работу, подгулявший ночью на свадьбе Мишка чувствовал себя отвратительно. Растопив свой мазутный котёл Мишка не стал просеивать от

7. 1000 мелочей

ракушек и камешек песок, думая ... и так сойдёт, он налил себе чаю, сел на табуретку и прикрыл глаза. Он часто вспоминал свой север, дом, оленеводческую ферму, где он проработал оленеводом, своего любимого оленя «Звездочёта», которого он сам так прозвал, предполагая что олень - вожак ориентируясь по звездам привел табун из завьюженной тундры в посёлок.

Не успел он отхлебнуть глоток чаю, как в окне показалась голова Николая. -Мишка , - кричал Николай - контейнер с песком «заклинило». Нет подачи песка... - Мишка вскочил как ужаленный, подбежал к лестнице ведущей к контейнеру и стал взбираться по ней к створкам контейнера. Два небольших камешка (попавшие в створки из непросеянного песка) препятствовали их работе . Вооружившись небольшим металлическим крючком Мишка влез на стенки песочного ящика и стал тянуться рукой к створкам, чтобы выбить крючком злосчастные камешки. Рабочие цеха собравшиеся в кучу наблюдая за Мишкой указывали снизу что ему делать. Мишка терял силы и почувствовав головокружение не удержался и упал во внутрь контейнера на песок. Николай увидавший всё это побежал к лестнице на помощь Мишке.

Но вдруг створки контейнера распахнулись во всю ширь и огромная масса песка вместе с Мишкой рухнула вниз и накрыла его. А вместе с тем и мазутную канаву. Все стояли в ужасном потрясении, ещё не оценив случившегося. Николай схватив лопату стал энергично вести раскопки в поисках Мишки. Никто не надеялся уже увидеть его живым. Как вдруг на самом верху песочного бархана вздрогнула волна осыпавшегося песка и появилась рука, за ней голова до шеи, за ними вторая рука и половина тела. Затем будто какое –то внутреннее давление вверх выбросило из песка Мишкино тело. -Мать честная – еле проговорил Николай перекрестившись – Мишка! - Мишка стоял на гребне бархана, весь залепанный мазутом и прилипшим к нему с ног до головы песком и в одном

сапоге. И только появляющаяся дыра на голове говорила, что это рот и что Мишка что –то выкрикивал. Неожиданно он снова провалился в песок и также неожиданно вынырнул из него обратно выкрикивая: - Николай, Мишка не умирать - и снова проваливаясь в песок размахивая сапогом, который он нашёл в глубинах песка бархана. - Мишка «щучий сын» живой! - кричал Николай бросившийся спасать Мишку. Через час Мишку откопали, посадили в бочку с бензином и оттирали и отмывали его от мазута и от песка налипшего на мазут. Но от такой «ванны в бензине» Мишке стало плохо. Он чуть не задохнулся от паров исходящих из бочки и его госпитализировали в железнодорожную больницу.

- Ну как состояние госпитализированного - спросил Николай у главного врача,

- Будет жить, - улыбаясь ответил Виктор Львович.

- Как фамилия пострадавшего - спросили в регистратуре заполняя журнал. Николай призадумавшись, будто вспоминая что –то тихо ответил -Мишканблузак Муркалов.

- Ой, застеснялась регистратурная сестра, стараясь повторить имя - повторите пожалуйста, ну прямо язык можно обломать.

- ...Мишка Мурдалов - подкручивая усы- сказал Николай и добавил - хороший человек, вот так и запишите.

Торонто 1995

ЛЁВА и НАДЁЖНЫЙ СВИСТОК

Лёва Нисанов работал ночным сторожем производственных мастерских общества глухонемых и был доволен своим положением.

Пенсия и небольшой заработок ночного сторожа давали ему возможность заглянуть после работы в чайхану, выпить ароматного чаю, куда он и зашёл утром по окончании своей караульной службы. Расположившись поудобнее за небольшим столиком, ожидая пока Анвер-чайханщик принесёт ему чай, он достал из кармана свой караульный свисток (*надо сказать, что этот свисток был его единственным оружием на службе*) и принялся чистить его от табачинок, забравшихся во внутрь.

- Астаферлооо.¹ Ну что ты поделаешь с этим анафемским свистком? – сказал он досадным голосом, разводя руками – не свистит и всё тут.

- Отчего так? – вкрадчиво спросил Анвер подавая чай с крайне озабоченным видом и в очень странной спешке, и с таким выражением лица будто опоздай он хоть на минуту, всё погибло.

- Ох не знаю уважаемый, – сказал Лёва и засмеялся от мысли, что успел смахнуть со стола табачинки высыпавшиеся изнутри свистка.

- Да всё знать нельзя конечно..... как бы обширен ум не был, всего туда не поместишь – сказал Анвер, а сам подумал :

¹ Персидский яз. проявление неудовольствия

Эх принесла тебя нелёгкая под утро, в такой момент, вот-вот должен подъехать мотороллер с «левым сахаром, чаем и кондитерскими изделиями». Вдруг он прислушался и, сделав страшное лицо, побежал в сторону и вскоре исчез за дверью выходящую во двор чайханы.

На всё это не обратив ни малейшего внимания Лёва отложил свой недочищенный свисток, налил чай из заварного чайника в грушевидный стакан, взял кусочек колотого сахара, пристукнул его углом об стол, тем самым сбивая сахарную пыль и не спеша отправил его в рот, затем вдохнув аромат чая, сделал первый глоток. Он почувствовал как по всему телу разлилось приятное тепло. Он поднял глаза, чтобы взглянуть на свежую, ещё мокрую от росы листву на ветках деревьев, и ему казалось, что в нём каждая жилочка дрожит и играет от удовольствия. В такие моменты Лёва всегда любил о чём-нибудь подумать. Мысли к нему приходили неожиданно и очень разные. Зачем человеку нужны слух и речь, ведь он прекрасно обходится без них - размышлял Лёва отхлёбывая ароматный чай. Вот к примеру, взять Хаима Моисеева. У него бодрый, здоровый вид и роскошные седые волосы. Он добр и чувствителен, но вспыльчив как порох. Когда кто-нибудь из посетителей не соглашался с проделанной им работой, или начинал объяснять жестами, что ему нужны трубы другого диаметра с нарезанной резьбой Хаим багровел, трясся всем телом и своими звуками и причмокиваниями наводил страх и ужас на посетителей так, что за производственными мастерскими общества глухонемых давно уже установилась репутация учреждения в котором страшно бывать.

Но люди приходили по своим житейским надобностям, кому трубу, кому кран водопроводный заменить, кому постелить крышу кровельным железом или заменить газовую или электроплиту. Лёва почувствовал, что его клонит ко сну, он стал смотреть по сторонам.

Вот по улице прошли два милиционера, дежурившие на этом

участке, должно быть заканчивали своё дежурство. – Эх, поймать бы мне какого –нибудь жулика - продолжал думать Лёва, да где уж там.

Тишина вечера и потом ночи не нарушается ни одним звуком, и время кажется останавливается и замирает вместе с ночным дежурством. Его раздумья прервал вбежавший запыхавшийся Анвер с пахлавой, сыром и нарезанным чуреком в руках.

- Извини дорогой, угощайся – и поставив на стол перед Лёвой, снова исчез за дверью.

- Что это с ним – подумал Лёва – я вроде бы не заказывал всё это. С чего он так расщедрился. Он снова налил себе чай и, хотел было протянуть руку, чтобы взять кусочек пахлавы, но раздумал.

– Нет. Тут что-то не так. Как говорит старая поговорка «Если лиса виляет хвостом, то уж точно замечает следы» - и в сердцах отодвинул от себя принесенные Анвером сладости. От неподвижного взгляда на пахлаву выражение его лица стало тяжёлым, напряжённым, как у человека, который придерживает сильную боль.

Лёва вдруг вспомнил как однажды ещё в детстве (в первые годы становления Советской власти в Дагестане в начале 1920 годов) дети и женское население города Дербента от налётов банды полковника царской армии Бичерахова пряталось в здании городской мельницы и подолгу находилось в ней без пищи и воды, пока Бичерахов со своими нукерами бесчинствовал в городе, уводя скот и унося награбленные ценности. Как в один из таких налётов, от длительного пребывания в здании мельницы без воды, Лёва заплакал. Мать Лёвы как могла утешала его, но плач ребенка услышал сам Бичерахов находившийся в этот момент у здания мельницы.

Он остановился и приказал своим нукерам взломать ворота мельницы. Он въехал на коне во внутрь двора и увидел женщин и детей. Он слез с коня, подошёл к Лёвиной матери, снял с её руки браслет и кольца, а с ушей серьги, аккуратно

положил их в дорожную сумку – хурджин. Затем достал из неё кусочек пахлавы и протянул Лёве. Ограбив всех присутствующих женщин, он со своими нукерами скрылся в горах.

- Пахлава – повторял Лёва. Страшная картина прошлого рисовалась перед ним. Он видел себя маленького и слабенького среди бледных женщин с виноватыми лицами. На душе у Лёвы было тяжело. Хотелось сидеть неподвижно и думать. Вдруг он почувствовал потребность сделать что-нибудь.

Он снова взял свой свисток и дунул в него что было сил. Раздался пронзительный свист сторожевого свистка, шарик под напором воздуха выбрасывал наружу остатки табака находившегося внутри, освобождая себе пространство, создавая раздражающую трель, от которой и сам Лёва ушёл в плечи. От такой неожиданности Лёва вскочил на ноги и выбежал во двор, чтобы предупредить Анвера, что все произошло случайно. Но на свист сторожевого свистка во двор чайханы уже вбежали оба милиционера находившиеся ещё неподалёку.

Картина, которая предстала перед собравшимися зеваками, быстро развивала смену событий. Анвер с водителем грузового мотороллера (*пирожковоз*) с недоумением смотрели на милиционеров и Лёву, а те в свою очередь любопытно рассматривали содержимое в больших коробках.

- Каторжная работа – жаловался Анвер брезгливо морщась.

- Ты просто ненасытный. Тебя и черти не берут. Товар то твой “левый” без документов, - точно не слыша его ответил Лёва.

На лице у Лёвы было торжествующее выражение, как будто он что-то доказал и будто радовался, что вышло именно так, как он предполагал.

Несчастный и беспомощный вид чайханщика и водителя мотороллера по видимому доставляли ему удовольствие.

Он вернулся в зал допить свой чай, оставив милиционеров,

заполнявших следственные протоколы и Анвера в ту самую минуту, которая иногда снится во время кошмара. За его столом уже сидел ничего не подозревавший завсегдатай чайханы и его приятель, маляр по имени Ягдон, который терпеливо ждал Анвера с чаем.

Со двора слышались звуки, похожие на волчий вой.

- Что это? Кто там? – спросил Ягдон

- Это Анвер плачет – ответил Лёва.

И почему-то в этот момент, теперь вся эта чайханская роскошь, находящаяся на столе показалась ему скудной, воровскою, похожею на Анвера, имевшего самый жалкий и преступный вид Астаферло* - (тюрк). Возмущённое восклицание.

Торонто 1995

ОКУЛИСТ – АКУШЕР или ТВОИ ГЛАЗА и СДВИНУТЫЕ БРОВИ

Борис Израйлевич Новиков работал в дербентской городской больнице врачом – окулистом и собирався уйти на пенсию.

По выслуге лет и по возрасту он давно уже должен был «стучать в домино», или играть в шахматы на пенсионном дворике - в парке, вместе со своими сверстниками – пенсионерами. Да вот администрация больницы, ну никак не хотела расстаться с ним, предлагая ему право выбора либо продолжать работать, либо выйти на заслуженный отдых, да и он особо и не противился ни первому, ни второму подумывая – «куда выведет его жизненная кривая».

В молодости после окончания института, в начале 60 –х годов он приехал в Дербент по распределению и получил назначение на работу не в поликлинику, а в больницу, потому что в ближайшие двадцать пять лет в поликлиниках республики вакансий на врачей окулистов не предвиделось. В больнице кабинет врача окулиста соседствовал с родильным отделением и отделялся маленьким коридором, который заканчивался туалетом - это очень беспокоило Бориса Израйлевича. Роженицы, шедшие в туалет, тяжело раскачиваясь утиной походкой, глубоко вздыхая, с ненавистью рассматривая мужчин пациентов пришедших на приём к окулисту, выговаривали им обилие враждующих окриков и жестов. Пациенты мужчины молчали, виновато опустив головы, ожидая своей очереди к врачу, пришедшие по разным причинам, кому подписать направление на работу, кому – то проверить зрение, а кому ну хоть в надежде поправить

косоглазие. Борис Израйлевич после недолгих обдумываний своей будущей карьеры и самой жизни пришёл к выводу, что город Дербент подходит ему во всех отношениях. Горы, море, свежие овощи, фрукты, да и народ очень уважительный, и что его офтальмолога «упаковали» в больницу, так это тоже неплохо, так как высокий каменный забор больницы разделял западную сторону стадиона и поднявшись на лестницу можно было наблюдать за футбольным матчем, как говорится, «без отрыва от производства». - Может я тут не самый красивый парень, но я единственный в больнице окулист, кто сможет оказать помощь в зрении до и после родов - думал молодой врач - люди просто видят предметы, я же созерцаю их и сравниваю то, что вижу, с чем – то внутри себя, вполне серьёзно отбрасывая лишнее и поэтому мне легче проникнуть в зрение пациента и понять его и без традиционных таблиц. То есть я понимаю пациента, а он не понимает меня. Такой философский дуализм устраивал молодого специалиста и вообще – думал он, - в Дербенте я перестал «копаться в себе», обнаружив, что я – ПРОСТО НАСТОЯЩИЙ КЛАД! Борис Израйлевич и вправду был уникальным во всех своих проявлениях, причём льющихся через край.

За долгие годы работы в больнице, соседствуя с родильным отделением, он не только научился принимать роды, но и сами роженицы желали, чтобы роды у них принимал окулист. Однажды принимая роды у своей жены (она настояла на этом), и забыв о том, что роженица его жена, Борис Израйлевич заглядывая в раздвинутые ноги жены задумавшись спросил: – Скажите пожалуйста, а мы с вами прежде нигде не встречались?

Жена корчась от смеха, так и не нашла, что ответить мужу.

Акушерскую практику, он совершенно случайно, начал ещё в молодости, когда он ещё молодой специалист усаживался на заборе смотреть футбольный матч вместе с «ходячими больными», сняв белый халат, надев на голову пилотку из газеты, чтобы ничем не отличаться от них. Однажды на

самом интересном моменте, в матче «Урожай- Дербент» и «Даугава Рига» его позвал врач акушер Анатолий Семёнов, тоже молодой специалист, успевший уже подружиться с Борисом. Молодой окулист подумал, что главврач обнаружил его отсутствие на работе и разыскивает его. Он быстро спустился с забора по лестнице, давно установленной кем – то и взволнованно спросил:

- В чём дело Анатолий? Случилось что? Меня ищут?

- Да нет! Всё нормально Борис. Видишь ли, тут какое дело – начал Анатолий – Тут вопрос жизни и смерти можно сказать. Сегодня вечером я должен просить руки у родителей моей девушки и подарить кольцо, да и родители приготовили подарки.

- Это же здорово Анатолий! Я от души тебя поздравляю!

- Спасибо! Но дело в том, что меня вызвали на дежурство, напарник заболел.

- Да, это неприятно - поправляя очки на переносице, согласился Борис, - и что же ты намерен делать?

- Хочу тебя попросить, что бы ты на несколько часов заменил меня.

- Да ты брат спятил. В своём ли ты уме?

- А что тут такого? Один институт кончали. Да и в палате три женщины, им не скоро рожать,- Анатолий так вдохновенно уверял Бориса, что он вернётся очень быстро, и за это время ничего не произойдёт, что Борис согласился. Он сидел с медицинской сестрой в кабинете дежурного врача родильного отделения, по окончанию своей работы и пил чай дожидаясь Анатолия. В кабинет вошла санитарка и объявила, что одна из рожениц орёт трёхэтажным матом и кричит что рождает.

Когда её уложили и приготовили всё для принятия родов, Борис Израйлевич стоял над ней как вкопанный, молчал как в музее и смотрел на неё влюблёнными глазами. Он не знал что делать. Медсестра и санитарка уже немолодая женщина – Васильевна (так звали её все) умело справляясь

со своей работой, успокаивали роженицу приговаривая: ...
- У тебя принимает роды наш супер врач, у тебя всё будет хорошо, - они же и руководили Борисом Израйлевичем. Он беспрекословно выполнял все их указания. - Смотрите! Смотрите! – радостно выкрикивал он – уже родилась головка, и он уже хлопает глазами. А вот и он сам, подняв рученьку, говорит: Здравствуй! Дорогая мамочка! И показывая малыша матери, он весь светился счастьем. Весть о том, что врач окулист принимает роды и веселит рожениц при этом, очень скоро распространилась по всей больнице. Анатолий явился на работу через три дня, вскоре был уволен по «собственному желанию» в связи с переездом в другой город. Зав. родильного отделения всё уговаривал Бориса Израйлевича перейти к нему в отделение, но окулист только отнекивался обещая, что будет помогать в нужную минуту. Таким образом, если надо было найти Бориса Израйлевича, и его не было в кабинете окулиста, его находили в родильном отделении. Если его не было в родильном отделении, его находили в кабинете врача окулиста.

Он зашивал роженицу после родов и в это время в коридоре раздался крик медицинской сестры: ...

- Борис Израйлевич! Борис Израй – ле – вич!

Вы где-е-е?

- ... Где, где? Не заставляй меня отвечать в рифму – шуточно отозвался он.

- Ой, долго еще – умоляющий проговорила родившая женщина, тяжело вздыхая, что же вы там крестиком вышиваете?

- Да я вышиваю тебе картину «Кружевница»

Ну всё, закончил. Можешь отрачивать себе причёску.

Что произошло? – помыв руки, обратился он к медсестре.

- Борис Израйлевич, пациенты ждут у дверей кабинета и требуют вас.

- Ну, раз требуют, надо подчиниться, - проходя коридорчик, он неожиданно услышал песню доносившуюся из палаты

«для сохранения». Он остановился и прислушался.

Пел кавказский шансон Борис Давидян, по прозвищу Бока, на магнитофонной записи. Бориса Израйлевича привлекли не вокальные данные певца, а слова песни, которые напевал Бока, и от которых у него зачесалась переносица, а очки поползли вверх. Бока пел:

.... И ты ушла, быть может, от меня

Искать себе другой горячей крови

Мне всё равно, ведь я люблю тебя

ТВОИ ГЛАЗА И СДВИНУТЫЕ БРОВИ!

«Твои глаза и сдвинутые брови» – повторял Борис Израйлевич входя в свой кабинет. Чёрт знает что -

думал он. - Хе – хе это же надо так вляпаться, влюбиться чёрте в кого. Эта строчка из песни не давала ему покоя ни на работе, ни дома.

Ему вспомнилась старая французская песенка, которую напевал его дед, и тоже врач:

... - Сдвинутые брови беды накликают.

Храбрых возмущают, красоту пугают.

Песня эта французская, но мне кажется, что она русская и её нравоучение заимствовано у евреев, думал Борис Израйлевич, потому что ложная улыбка – это отличительная черта тех чьё чувство не в состоянии подтвердить то, чем угрожают «сдвинутые брови». Обычно у людей такого типа зигзагообразные брови и часто вызывают больше страх, нежели любовь. Он решил заглянуть в советскую энциклопедию. Найдя слово «БРОВИ», он с ужасом обнаружил объяснение. Короткая справка говорила: Сдвинутые брови переводится на узбекский язык СИНЖИГАН КОЖЛАР. - На кой хрен мне нужен этот перевод? - Вслух произнёс Борис Израйлевич. Он захлопнул книгу, положив её обратно на полку. Дома, в ванной комнате Борис Израйлевич подошёл к зеркалу. Он решил сам убедиться в правоте своих дум. Глядя в зеркало

он широко улыбнулся, глазное веко поползло вверх, а вместе с ним и брови. Нет это не то. Брови надо сдвинуть с места, продолжал думать он и нахмурив лицо продолжал корчить рожицы. Нет это совсем не то. И недовольный собой, он с варварским покушением на глаза всё пытался сдвинуть брови, пока зрачки его глаз не сошлись на переносице. Такое косоглазие испугало его, но вернуть зрачки на место никак не удавалось. Массажирюя глаза пальцами, он вывернул роговицу глаза, так что зрачки глаз оказались во внутренней стороне глаза. И снова вывернув роговицу глаза обратно он вернул зрачки на место. Первые несколько минут Борис Израйлевич ничего не видел, потом всё стало проглядываться, словно из тумана. Вдруг он почувствовал, что за ним кто – то наблюдает. Он повернулся и увидел жену, наблюдавшую за ним, глаза которой были наполнены страхом, ужасом и странностью.

- Боря, Боренька, что с тобой? - еле слышно спрашивала она.

Он подошёл к жене и внимательно стал всматриваться в её лицо. Внешне обеспокоенное выражение её взгляда, почти ничем не отличалось от обычного. Вот только брови её, как – то странно застыли зигзагом неприятных предчувствий. Страх тянул их назад, любопытство подталкивало их вперёд, радость изгибала их, гордость останавливала, и только здравый смысл топтался на месте, спрашивая все ли у тебя в порядке? Спроси у человека, что такое счастье и ты поймёшь, чего ему больше всего не хватает. Борис Изайлевич подошёл к холодильнику, достал бутылку водки, наполнил до краёв 70 – ти граммовый стаканчик и выпил его. Всё надоедает в этой жизни, и только холодильник можно открывать и закрывать до бесконечности, - вдруг промелькнула у него внезапно отвлечённая мысль.

- Да – а – а - многозначительно протянул он. Философы советуют принимать мир таким, какой он есть.

Он задумался глядя на дольку помидора, потом перевёл свой взгляд на жену и продолжая думать о своём тихо прочел строчки пришедшие ему на ум из стихотворения -

«Аля» - М.Цветаевой.

* * *

Прелесть двух огромных глаз.

Их угроза – их опасность -

Недоступность – гордость – страстность.

В первый раз!

- Да, «Сдвинутые брови» - это, наверное, можно увидеть в
очень редкие минуты -- думал Борис Израйлевич.

- Вполне возможно, что Бока таки был и прав -
произнёс он вслух, закусывая выпитую водочку малосольным
огурчиком.

Торонто 1996

ПИСЬМО или ПРИВЕТ ИЗ БЕРДИЧЕВА

Рядовой роты охраны отдельного караульного полка Рабо Рахмилов сидел в ленинской комнате своего подразделения и пытался вот уже битые полчаса написать письмо домой. Личное время солдата заканчивалось, а Рабо после недолгого обдумывания второй, или уже третьей строчки в досаде мял лист и бросал его в урну. Наконец он собрался с духом и начал новый лист:

Здравствуйте мои дорогие родители! Пишет вам ваш сын Рабо – рядовой отдельной караульной роты и «оператор наземного оборудования ракетной пусковой установки» ... Тут Рабо остановился и снова прочёл последнюю строчку: «оператор наземного оборудования ракетной пусковой установки» - повторял он, да это же военная тайна. От этой внезапной мысли пришедшей ему в голову Рабо внутренне засуетился. Он отвлечённо посмотрел по сторонам с подсознанием, как это здорово, что никто не увидел что он пишет что-то недопустимое. Его взгляд остановился на плакате висевшем на стене, на котором был нарисован военный в форме НКВД с остерегающим жестом руки и надписью «БОЛТУН НАХОДКА ДЛЯ ШПИОНА.» Рабо в волнении смял листок и хотел было выбросить в урну, но засунул в глубокий карман галифе.

В ленинскую комнату заглянул лейтенант, замполит роты и улыбаясь подошёл к Рабо. Ну Всё! Конец! – подумал Рабо. Он хотел привстать, но лейтенант по дружески положил ему руку на плечо и продолжая улыбаться сказал:

- Сидите сидите. Письмо домой, родителям или невесте. Да я вижу вы даже не начали. Поторопитесь, невесты и родные - ох как ждут от нас писем. Воодушевлённый таким оборотом дела Рабо подумал про себя:

- Эри чуй кор ме эчуй терсуьрум эхи? Дуль ме гурун бисто. Эдээ мере эрэгь шишири ки. Хуние серме эчуьнигеш гьэриши.¹

Он легко вздохнул, вырвал из общей тетради новый лист и начал писать. Здравствуйте мои дорогие родители и мой младший брат Офтум.

С солдатским и пламенным приветом к вам ваш сын и брат Рабо. Спешу сообщить, что я здоров, чего и вам желаю. Служба моя проходит хорошо, но я очень скучаю по вам всем. Передайте мой воинский привет: Холей Термо, дяде Году, дедушке Гъэднилу - погромче кричите ему в ухо. У эз дуй гуш кари,² нашим соседям: Дяде Андронику, его супруге тётё Ануш и её сестре тётё Сусане, их детям Азаду, Абрику, Рузанне и Армику. А также нашим соседям из другого двора: Дашдамиру, его супруге Арзу, её сестре Наташе и её брату Вагифу. С Вагифом я работал в горпромкомбинате в толевом цеху, а также и их детям: Касуму, Мамеду, Фариде и Серафиме.

Я очень рад передать свой крылатый привет: Гегей Мозол и лелей Рувину и их детям: Зоволу, Арону, Ириду, Абраму, Георгину, Розе, да кстати, почему Зоволу мне не пишет.

Я написал ему уже три письма, но не получил от него ответа. Передайте Георгину, чтобы он зашёл к вам домой и взял у вас мой адрес и передал мой адрес Зоволу, а также мой отдельный привет маленькой Сонечке. Да, кстати, она перешла в следующий класс, или осталась на повторный год обучения.

Она такая умная девочка. Одного не могу понять, от чего она вот уже третий год сидит в четвёртом классе.

¹ И чего я так испугался? Аж, «душа в пятки ушла».

Ух, я даже вспотел. У меня , кажется «крыша поехала»

² Он глухой на оба уха.

Офтумчик, братишка у меня к тебе просьба. Сходи на улицу Канделаки № 888, - это большой двор. Найди там людей по имени Ёвдо и Бурлиант и передай им привет от Соломона – это их сын, он служит со мной в одной роте. Он отличный парень, заканчивал школу № 7. Изучая алфавит, который по специальной программе, разделили на три части - ему достались шипящие буквы, так как гласные и согласные буквы были уже разобраны другими учащимися. Заучивая и повторяя их он невольно полюбил шипящие буквы, что резко отразилось на его лексике. Всё бы хорошо, да вот беда, при разговоре у него вылетают слюни. А недавно в общении с нашим лейтенантом - замполитом, он выстрелил слюной ему прямо в глаз. Лейтенант из вежливости не подал виду и продолжал слушать Соломона, но когда Соломон выплюнул слово со слюной во второй раз и в тот же глаз, лейтенант ладонью прикрыл ему рот и дал команду «кругом» и продолжал слушать его в спину, вытирая платочком глаз и переносицу. Соломон тоже передает вам свой привет. Дорогие мои, передайте мой сердечный привет моей невесте Пурим. Я тут стихотворение сочинил ей, пока только из двух строчек. Если ей понравится, то я могу продолжить это стихотворение. Вот оно:

...Имя твое вдруг сдавило мне грудь. Милая Пура! Меня не забудь! Твой Рябчик. Я думаю и вам понравились мои поэтические строчки. Или, вот что. Нет! Не делайте этого, не передавайте ей мой привет, я сам ей напишу и передам всё что нужно. Передайте мой огромный привет подполковнику Давиду Семёновичу Махнесу – нашему военкому. Я очень благодарен ему за то, что он отправил меня служить в город Бердичев, как в наказание за то, что я в детстве из рогатки разбивал ему на веранде стёкла. Однажды он поймал меня, схватил меня за ухо и обещал мне, что когда я достигну призывного возраста, он отправит меня на службу, охранять белых медведей. Но слава Б-гу всё обошлось.

Я и не предполагал, что в городе Бердичеве проживает так много евреев. Я уже успел здесь познакомиться со многими

из них, хоть они говорят совершенно на другом языке не похожий на наш, и они все передают вам свой привет. На этом разрешите мне закончить свое письмо, с любовью к вам, ваш сын и брат Рабо с приветом.

P/S. Да чуть было не забыл обязательно передайте мой пламенный привет Сесуну, брату Авшора – парталдух - Кук эн холей Тури, ве эн лелей Юношке, бирорзере эн Миши – «тириске», ве кухолу эн Гевриль – «бонке». Гевриль, комики э жигей «землетрясение в Ташкенте» мигуфти – «землетрусик э Ташкент» . Кук энду, Итом, пьён бире, киях мере эз сер(ме) векенде хэрой дешенд : Эй, бирору, денишид э кечеле сер Рабо. Оморенки эз салдати ме дондугьой энду хьэрэмзедере э шувьгэм ю не дешендуьмге, уре тубо нибу. Омбор согьбошит. Х-до хьэрмэхь эри ишму!³

Он шёл в гарнизонную почту, чтобы отправить письмо и мучительно думал, что же он ещё не дописал. И у самого почтового ящика его вдруг осенило. Он торопливо достал из кармана ручку и аккуратно вывел на обратной стороне конверта: « ПРИВЕТ ИЗ БЕРДИЧЕВА» и удовлетворённо опустил его в почтовый ящик.

Торонто 1996

³ Авшор портной . Сын тёти Тури и дяди Юношки, племянник Миши - «чекушки» (прозвище) и племянник Гевриля – « банки» (по материнской линии), который не мог выговорить слово « землетрясение в Ташкенте», а произносил « землетрусик в Ташкенте». Его сын Итом , напившись вина на моих проводах в армию, в пьяном виде сорвал с моей головы кепку и противно кричал: ... - Братья смотрите на лысую голову Рабо . Когда я вернусь из армии, я проучу этого « ишака» . Я повыбиваю ему все зубы и заставляю его проглотить их. Всего вам наилучшего. Помогай Вам Господь!

«ТЕРЕКЕМЕ»

Мунош Севиев по прозвищу “Мунош – стекольщик” ехал в магазин – фильмотеку, чтобы выполнить поручение дочки купить аудио кассету для магнитофона с записями кавказских танцевальных мелодий и песен. Прозвище «Мунош - стекольщик» он получил ещё проживая в Дербенте во времена незабвенного «Союза». Теперь же проживая в Торонто, он не изменил своей профессии, а можно сказать умело перестроился на рабочий лад местных мастеров этого дела и успешно включился в работу. Если в Дербенте его приглашали вставить разбитое стекло, и это не составляло ему физического труда, то в Канаде менялись не стёкла, а целые блоки оконных рам с влитыми в них стёклами в их пластиковые блоки окон и стеклянных дверей, тяжесть которых была невыносима и выматывала его забирая последние физические силы.

Следя за дорогой и остановившись на красный свет светофора, он вдруг вспомнил что – то и улыбнулся. Выполняя очередную работу за пределами Торонто уже немолодой женщине канадке, он от тяжести оконной рамы, которую поднял на грудь раскатисто пукнул, но продолжал работу, как ни в чём не бывало. Хозяйка дома, которая стояла в двух шагах от него, по своему восприняла это. Быстро удалившись с этого места и дождавшись пока Мунош установит раму и слезет с лестницы, подождав ещё некоторое время, пока он прикурит сигарету, она быстро подошла к нему, повернулась к нему спиной, и чуть пригнувши корпус тела громко пукнула. Мунош от неожиданности поперхнулся

дымом так, что глаза его повылазили из орбит. Он никак не мог объяснить себе её поступок. Он не видел в нём злого умысла, да и приятного было мало.

- Отомстила мне – смеялся Мунош. Сзади просигналили машины, и он продолжил движение на зелёный свет.

- Замучился как собака. Во всём теле такое ощущение как будто меня выжали как тряпку. Какой я отец семейства, я натуральный мученик. Всем что-то от меня надо думал, вот приду сейчас домой славно пообедаю, развалюсь у телевизора, прикорну часок другой. Да нет, откуда такое счастье! – продолжал думать он. Жена написала свой список покупок, внуку своё, дочке свое, да кстати зря не записал названия песен чёрт возьми, забыл. Ну да ладно на месте разберусь. Он припарковал машину и вошёл в магазин – фильмотеку. В магазине было пусто.

- Привет, Санёк ! Как жизнь? – бросил он с порога «держателю» магазина, который гладил на груди крохотную декоративную собачонку.

- Здравствуй Моня. Да вот «Цыгана» оставить было не с кем, пришлось взять с собой на работу. Ты что – то хотел?

- Да. Понимаешь тут такое дело. Ко мне должны приехать гости, жена написала список покупок - начал неуверенно Мунош, а дочка просила меня купить магнитофонную кассету с кавказскими танцевальными мелодиями и песнями, так как старая вышла из строя.

- А что именно она просила, как называются песни и кто их поёт?

- Я и сам не знаю - переваливаясь с ноги на ногу ответил Мунош - Может тебе напеть чтонибудь?

- Ну, не знаю, попробуй – пробурчал Санёк

Мунош приподнял голову, прищёлкивая пальцами, для ритма заголосил: Тирим – тирим – тиририм – най ни най. Рум – та – турум – румтарурум - рам – тутай. Зырт – зырт –зырт – та, Бам туру – ру – рай. Эээээййй.

Но тут Санёк остановил Муноша.

- Послушай Моня, у меня есть Бока, Ефрем Амиранов, а тут ещё новенький Асаф Ильясаев.

- Я понимаю- замялся Мунош- дочка просила, чёрт возьми вылетело из головы . А вот попробуй узнать эту Дзинь – дзинь – то. Тринь – тру – труба. Тах – тах – тру. Рах – дзинь трубах. Шах – шарах- хаш – раш – тах- шараш. Ээээийй. - То, что произносил Мунош было далеко до музыкальных звуков, но он не унимался. Собачка на руках Санька заволновалась и жалостливо заскулила.

- Я знаю, что тебе нужно – постарался перекричать Муноша Санёк – Вот,- показывая кассеты, - это Митя Юшваев, а это Данико.

- Ээээиййй. Аааа, эйеэ, ээйё ээээиййй. Тири – рам. Тирири-рам. Рам – там турирам – вошедший в экстаз, и уже ладонями отстукивая на прилавке ритм, продолжал голосить Мунош. Санёк прикрыл испуганного «Цыгана» рукой, дабы отгородить его от болезненного крика исходящего от Муноша. Я стоял за полками видеокассет выбирая себе фильм на выходные дни и еле сдерживал смех .

- Асафчик, братан. Туьре Х-до фирсори эри ме¹ – говорил обрадованный Мунош, увидев меня.

- Э жуьн туь, и хар(е) Санёк эже посово мунди эдэээ.

Гоф, нис варасире. Ме э куьнди се сэг1эт э зугьун уруси, э зугьун эни нимелит*(недоделанный)*э сер венгестенуьм уре, соки мере жуьр – бежуьр кавказский мэг1ни(гьо), ве овогьо*(танц.мелодии)* гереки, оммо и хар эгене наварасири мере. Э сегь хуьштеровоз мунди рафде.

- Сер сахибэ хурош туь² – обратился он к собаке.

¹ Асафчик, братишка, тебя сам Б-г послал

Чутам гьэл гюрди ге. Гьэл дедей дарово
э герден эни – продолжал он.
- Асафчик, бироика, э ёр туь биё бу и мэг1ни -
.. Дирим - Дирим – нанина – най –нинэ, Жирим – жирим –
диририм – даририрам.
- И мэг1ни э хисибовоз «терекеме(и)»³
- перебив Муноша – сказал я.
- Эл - леееее, Дузи! Дузи туь . Бебей туь муно. «терекеме
(и)» Ме данустуьм чуй гереки (ге) туьре – сказал я.
Э мошин ме дери ужире магнитофонный кассет, ме мидуьм
туьре.⁴ Я отдал ему кассету и мы распрощались. Я подобрал
себе несколько фильмов и поехал домой. По дороге, всё
вертелся у меня в голове рассказ А.П. Чехова – «Забл». .
Это надо же, думал я, прошло сто с лихою лет, а классик
и на сегодня современен. Нет, не меняет время человека.

Торонто 2005

² Да чтоб ты был здоров. Этот бестолковый Санёк, по -
моему мало что соображает. Вот уже битый час я стараюсь
ему объяснить на русском языке, что мне нужны записи
на кассете кавказских танцевальных мелодий и песен, а он
только хлопает ушами и занят своей собачкой. Нет же! Ты
посмотри, как он её обнял! «Цыган» будто попал в мамины
объятия. Да чтоб ты сожрал голову своего хозяина!

³ Асафчик, братишка, ты помнишь эту танцевальную
мелодию? Дирим Дирим....

Припоминаю – если не ошибаюсь - эта мелодия к танцу
«терекеме»

Дай Господь тебе сил и здоровья всегда помнить всё. Светлая
память твоему благородному отцу. Ты во сто крат прав - это
«терекеме»

⁴ Я понял что тебе нужно и эта запись на аудиокассете у меня
есть. Она в машине. Я сейчас принесу тебе её.

У ДЕРЕВА или ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Шурик Шулелиев вот уже неделю как демобилизовался из армии и, ну никак не мог найти время, чтобы пойти в Военкомат и стать на учёт. Узнав о его приезде, шумные родственники каждый день посещали семью Шулелиевых, засиживаясь с утра и до позднего вечера, празднуя возвращение Шурика из армии. И каждый раз задавая ему одни и те же вопросы, интересуясь одним и тем же, чем Шурик хочет заняться после армии, дорогие гости не дослушав ответа Шурика живо выпивали и закусывали за его светлое будущее. Отец Шурика, Лёва Шулелиев по прозвищу «Левас тормози» работал таксистом и начинал работу с 6-ти утра. И этот ежедневный тарарам, посиделки до позднего вечера весёлых родственников, приводили его в измотанную этикетом усталость. Пора и честь знать – думал таксист. - И на кой чёрт я купил этот огромный стол, ведь за этот стол могут сесть, НЕ ПРИВЕДИ ГОСПОДЬ! около сорока человек. Прости меня Господи за эту несуразную мысль, ты ведь всё слышишь, а это так ужасно, с такими мыслями лучше общаться с чужим богом, он быстрее поймёт - пронеслось у Лёвы в голове. Лёва начал неестественно широко зевать и томно прикрывать глаза, давая понять родственникам, что он очень хочет спать и пора закругляться, но никто из гостей на это не обращал должного внимания. - Но если рассуждать, то я почти не выхожу на работу, а семью надо кормить - продолжал думать Лёва. - Попросить у них денег взаймы – что ли? чтобы они в момент разбежались, как - то неудобно.- И чтобы закончить эти посиделки он решил в знак прощания высказать

тость, и тем самым дать понять, что бывшего солдата, а ныне обыкновенного гражданина, его сына Шурика Шулелиева ждут «Великие гражданские дела». И что в нашей жизни будет ещё много радостных встреч, а посему он хочет на прощание поблагодарить всех присутствующих родственников за тёплое отношение к нему. Все выпили и стали быстро доедать всё, что осталось на столе. Прощаясь с Шуриком, родственники пожимали ему руку и хлопая его по плечу говорили: «Смотри не подкачай!», или «Держи хвост пистолетом!», или «В случае чего – Мы рядом!» Что это всё значило было уже не важно. Наутро, почистив мундир ПШ (полушерстяной мундир), натерев золотистые пуговицы на нём, бляху ремня зубной пастой до сияния, и отполировав бархоткой свои сапоги, он явился в военкомат. В отделе регистрации вновь прибывших военнослужащих из работающего персонала никого не было, кроме молоденькой девушки сидящей в углу за служебным столом, которая заносила в отдельные папки анкетные данные из военного билета демобилизованных солдат. Получив пригласительный ответ, Шурик Шулелиев подошёл к столу и не смело начал говорить:

- Я хотел бы встать на учёт и - Вдруг он осёкся и в непонятном ему состоянии замолчал. Он не мог прервать своего взгляда от лица девушки. Она улыбалась ему.

- Ну, здравствуй Шурик, с приездом тебя – мягко произнесла она, принимая его военный билет.

Вся признательная взаимность, которая бурлила в Шурике в этот момент, только и высказалась тем, что оглядывая её он как в наваждении произнёс – Жанна?

- Да, Жанна – кокетливо произнесла она, и её маленькое личико стало похоже на пирожное.

В свежей памяти Шурика пронеслись последние годы школы и годы службы в армии в думах о ней, и как он искал даже косвенные выходы из той его любви к Жанне, о которой она подозревала и делалась недоступной для него. Его память

наступательно двигалась, оберегая ещё слабенькую надежду на взаимность.

Казалось бы, эта неожиданная встреча и была пространством к открытому, новому ответу пребывающих возможностей для новых отношений.

В свою очередь Жанна, заполняя анкеты, украдкой поглядывала на солдата. Это был уже не тот Шурик. Перед ней стоял античный силуэт - само девичье счастье.

- Ну, вот и всё – сказала Жанна, подавая Шурику его военный билет. Желаю жизненных удач! Шурик взял билет и двинулся к двери.

Любить лучшую девушку на свете и вот так просто уйти. Не-е-ет! Он резко обернулся и почти выкрикнул: – Жанна, давай вечером встретимся.

- И ты помнишь Шурик, где я живу? – вкрадчиво спросила она – Вот туда и приходи. Я выйду к 8-ми часам вечера.

Бодрый и краснощёкий, быть вечно праздным и счастливым и думать только о ней, он вышел из здания военкомата с желанием, чтобы поскорее настал час их встречи.

Дома включив телевизор, он машинально уставился в него. В новостях передавали встречу Индиры Ганди (*премьер министр Индии*) с Л. И. Брежневым. Сойдя с трапа самолёта в аэропорту, Леонид Ильич в честь радостной встречи пытался обнять и поцеловать индийского премьера, но она упорно не давалась ему. Оператор быстро перевёл камеру на сопровождающую правительственную делегацию.

Шурику показалось, что он неудобно лежит. Он поджал руку под голову и задрал левую ногу на спинку дивана. Стало удобней. Между тем окно стало заметно темнеть, но Шурик продолжал думать как он встретит её у дома, а она броситься ему на шею, или ещё лучше, он схитрит. Он спрячется за большим платаном, что стоит недалеко от её дома и неожиданно выйдет из-за него к ней навстречу. Жанна жила

почти за городом, у старой водокачки. Отец Жанны Шумрум Абрамов, по прозвищу “Шумик – танцор”, после окончания культпросвет училища в Дербенте, работал в «Доме пионеров» учил детей танцам. Мать Жанны – Роза Разиловна, так её называли все, работала в детском саду. Родители Жанны знали Шурика, потому как в детстве он ходил в этот же садик, а в отрочестве посещал кружок танцев, да и с Жанной он проучился все 10 –ть лет в одном классе. От лежания в мундире было нехорошо, тело изнемогало от скованности, а голова томилась всевозможными настроениями. Шурик встал и решил подобрать себе вещи из отцовского гардероба. У отца был единственный чёрный костюм и выходные чёрные туфли, в которых он венчался и хоронил жену после тяжёлых родов. - Эх, пойду на свидание в мундире и в сапогах – думал он. Портянки родные сменим на носки, и всё будет чудесно. Между прочим И.В.Сталин всю свою жизнь носил мундир. Хотя как грузин мог позволить себе дорогую черкеску и богатую каракулеву папаху - думал Шурик натягивая на ноги яловые сапоги. И стоя у зеркала, поправив на затылке фуражку Шурик, с поправкой на время, чтоб к 8-ми часам быть на месте, вышел из дома. Дорогу к дому Жанны он решил пройти пешком. Стояли первые июньские деньки. В надвигающихся сумерках он уже подходил к дому, как вдруг почувствовал, что он нестерпимо хочет в туалет – пописать. Он оглянулся. Кругом не было ни души. Лишь огромный в два обхвата платан погружался в поздний вечер. Да Нет! Нет же ! Нет! – возражал себе Шурик, улыбаясь внезапной мысли «помочиться» у платана. Лучше бы кажется сломать себе шею, обе ноги, чем стать посмешищем в её глазах, а вдруг она выйдет в этот момент, или того хуже, стоит у окна и ждёт моего прихода, ведь местность так хорошо просматривается из окна её дома. Шурик почувствовал, что это неожиданное туалетное желание «глубоко зашло» и своим напором вот вот прольётся услаждающей струёй, ему даже померещилось, что

огромный платан трижды пошатнулся от его неудержимого напряжения. Эх, была – не была! Шурик запрыгал на месте, будто ожидая команды – Бегом Марш!

- Пусть лопнет моя совесть, чем мой мочевого пузырь! – сквозь зубы проговорил Шурик, подбегая к платану.

Он опытными движениями сложенных из нескольких комбинаций отстегнул ремень и быстро сложив его в круг, одел на шею. Поспешно отстегнув пуговицы на брюках, опустив трусики, и задрав мундир и майку, он зажмурил глаза. Сокрушительная струя ударилась об ствол платана, разбиваясь и разбрасывая свои брызги по сторонам, падая на его сапоги и дальше, превращаясь в настоящую лужицу ищущую свой выход из маленькой ложбинки. И вот уже в освободившееся русло, в узенькую канавку хлынула моча своим весёлым журчанием, и устремляясь к маленькому бугорку к обратной стороне дерева двигалась всё ниже и ниже по течению. Он никогда не позволял себе такого вольно - отпущенного случая и почти уже освоился в своей беспризорной свободе, где было так хорошо и прекрасно как никогда, и пребывая в той же позиции, Шурик открыл глаза, чтобы посмотреть, что он тут натворил. Вдруг, его внимание остановилось на стволе дерева уходящего в землю, и образовавшуюся лужу в этом месте. От неожиданного увиденного Шурика будто «ошпарило кипятком». За деревом с обратной стороны от него выглядывали острые носики женских туфель, которые были модны в 60-х и назывались лодочки. Носики туфель, забрызганные грязью, потерявшие свой собственный цвет утопали в лужице и выглядели ужасно, создавая новое зрение, уготовленное для грядущих воспоминаний. Повреждённым рассудком, различавший только самое главное от проделанного и увиденного он смог уместить в своём воображении все вытекающие последствия различавшие лишь главный смысл, он «глухо обломался». Некоторое время Шурик стоял не зная как себя повести. Мысль о том, что именно сейчас она

стоит за платаном с испуганным лицом предостерегающий её выход, который она готовила ему как сюрприз, заставляла его молчать. Заправляя одежду, он смотрел на туфли так, будто бы хотел заглянуть дальше, пока не увидит её стройную фигурку. Пусть остаётся всё так как есть. И надо сделать вид будто я её не видел – продолжал думать он. Но как это сделать? Шурик отошёл от дерева.

- Чув хар(ум) ме эде-е-е.¹ Нашёл себе писсуар, в досаде говорил он, отходя всё дальше и дальше. Он шёл обратно домой, слыша только свой собственный голос не имевший никаких оправдательных нот. Какой же я дурной повторял он. Всё кончено, не видать мне больше Жанны. Он тащил свои расхлябанные ноги запрещая себе думать обо всём хорошем, которое могло бы произойти между ними. Придя домой, он успел подбежать к звонившему телефону.

- Алло – гулко произнёс он в трубку – Отец это ты?

- Здравствуй Шурик – голос плыл сладкий, как зефир - что ж ты заставляешь девушку так долго ждать себя?

- Жанна? Только и смог выговорить он. Голова его кружилась от радости и счастья.

Торонто 1996

¹ Ах, Какой же я дурак!

ТЕРЗАНИЯ СТУДЕНТА или БОЖЕСТВЕННАЯ СИЛА

Студент второго курса педагогического института Севи Юхананов шёл по широкому коридору своего факультета на лекцию по научному атеизму в аудиторию № 3. Он давно опоздал на первую пару и всё думал войти ли ему с извинениями за опоздание прервав лектора своим появлением, или дождаться звонка на перерыв и на перемене утрясти с преподавателем причину своего опоздания. Какое-то фальшивое ощущение овладело им при мысли, что он очень торопится на лекцию и этот треклятый понедельник начинается дикой усталостью после выходных. На улице май, понедельник, а на душе всё ещё вечер пятницы. Хотелось чего-то не связанного со словами конспекты, лекция, семинар, зачёты и совесть. Ничто так не приободряет студента, как навязчивая мысль - проспал, или поспать ещё. В пустой утренней голове вертелась только злость на себя и ничего больше. Проходя мимо туалета, он решил ополоснуть лицо холодной водой, да вообще привести себя в порядок. Надо сказать, что одна из кабинок туалета, в которую вошёл Севи, обладала особенностью, если её слишком плотно захлопнуть, то открыть потом было весьма проблематично и удавалось это только после увесистого пинка ногой. После утреннего туалета Севи Юхананов быстро заправил лёгкий батник в джинсы и после нескольких пинков ногой в дверь очутился опять в коридоре. Он не заметил, как от ударов по двери кабинки на джинсах отстегнулись пуговицы, и ширинка на них распахнулась во всю свою ширину и высоту показывая концы батника, скрутившегося и нахально выглядывающего

из укрытия и выпуклые части тела защищённые от наготы белой маечкой и трусиками. Ничего такого стыдливого не подозревая он продолжил свой путь. Ноги сами привели его к дверям аудитории № 3. Уж как не крутись, а войти надо. - А ведь врать как научился – подумал о себе Севи. Вдруг он увидел стоящую у окна Майю Абрамсон с четвёртого курса и тут же оторопел. Майя нравилась ему. До поступления в институт Севи не знал Майю, хотя она была из Дербента и жила в посёлке за «городскими воротами». Майя была красивой девушкой среднего роста, с модной стрижкой под французскую певицу Мирей Матье, на редкость большими зелёными глазами и красивыми ровными и белыми зубами. Майя смотрела на приближающего Севи и вдруг прыснув от смеха, прикрывая рот рукою отвернулась в сторону продолжая весело смеяться, будто вспомнила что-то очень смешное. Поначалу Севи не придавал этому значения и принял её такую насмешливую, как особое расположение к нему. Майя продолжала широко улыбаться уже не поворачиваясь к нему. Севи до стеснения ощущал свою нелепость и засуетился. Он хотел было подойти к ней и заговорить в вольной манере, мол «Стоишь тут, зубы сушишь!», или ещё противнее на одесский манер: «Майя, я Вас очень долго люблю и позвольте в это светлое утро ЛОБЫЗНУТЬ ВАС В ДЁСНЫ», но обычная дурацкая и надуманная трескотня отошла куда-то в сторону, он резко повернулся, открыл дверь и вошёл в аудиторию. Войдя в помещение Севи не сразу осознал, что попал на лекцию 4 – го курса по «теории механики».

- Вы кажется не к себе, не в свой курс попали – прервав свою лекцию и приветливо улыбаясь сказала преподаватель поглядывая на растерянное состояние Севи.

- Да. Конечно. Я глянул в расписание, а там третья аудитория, а тут – начал сбивчиво оправдываться Севи....

- Ваш курс находится в восьмой аудитории я сама чуть было не ошиблась глядя на расписание, тройка написана так, что трудно было не поверить, что это восьмёрка.

Наступил жуткий момент.

Скажите с вами всё в порядке? – глядя на распахнутую ширинку спросила преподаватель.

А что стало? – с ноткой обиды спросил Севи.

- Встало? – переспросила удивлённо преподаватель и продолжила – Нет, тут ничего не встало, да и навряд ли тут что – nibудь встанет!

Севи вышел из аудитории огорчённый и не глядя на Майю двинулся по коридору к восьмой аудитории.

Настроение было поганое. Он постучался в дверь и вошёл.

- Извините за опоздание – начал он и неожиданно замолчал, как если бы двух слов было достаточно для удовлетворительного итога этого события. Меж тем преподаватель, стоящий за кафедрой прервав чтение своей лекции удивлённо разглядывал студента с распахнутой ширинкой на джинсах с переменными выражениями на лице оценивающие ситуацию. Это был Ильяс Спартакович, младший научный сотрудник кафедры научного атеизма, низенький и толстенький добряк, который видел в своём предмете некоторые достоинства и был его ретивым послушником.

- А-а-аа! – протянул он – это вы, всё таки Вы явились значит! Ну, входите, входите товарищ БЕЗБОЖНИК. Он повернулся во фронт Севи и бочком к кафедре упираясь на неё локтем, чтобы продолжить своё великодушие, впуская опоздавшего студента на свою лекцию и продолжить своё освобождение от нудной и неприхотливой повинности в её чтении. - Ну и как погода на улице? Чувствуется ли БОЖЕСТВЕННАЯ СИЛА, чтобы отдаться ей полностью, раздеться, освободиться от тесной одежды или от пуговиц на ней – улыбаясь продолжал Ильяс Спартакович.

- Транспорт переполнен и - Севи неожиданно замолчал и уставился на ширинку брюк Ильяса Спартаковича. Она была безобразно распахнута и из неё выпадало волосатое пузо, упавшие вниз трусы и намёки ещё на какую – то часть тела.

Ильяс Спартакович улыбаясь заговорил, Севи ближе подходя к преподавателю, чтобы сообщить ему о распахнутой ширинке. – На счёт БОЖЕСТВЕННОЙ СИЛЫ это вы правы, пуговицы сами отстёгиваются на одежде с божественным ускорением невзирая на божественную массу и тут легко можно вычислить божественную силу месяца мая и любой персоны, если божественную массу умножить на божественное ускорение от которого замки на брюках отстёгиваются от возвышенной цели. Сокурсники, присутствующие на лекции проснулись и с любопытством наблюдали за происходящим с восклицаниями «Сева не зарывайся!» В аудитории стоял хохот.

Подойдя почти вплотную к преподавателю и невзирая на хохот аудитории, Севи затараторил: - Ильяс Спартакович, застегните ширинку!

- С какой это стати я должен застегивать тебе ширинку! Ты просто «полный идиот и нахал» И нашёл же путь для изъяснения прямого помысла – возмутился преподаватель. Не поняв о чём говорит Ильяс Спартакович Севи Юхананов продолжал:

- Ильяс Спартакович, я не из тех людей, кто сегодня говорит одно а завтра другое, чтобы называть меня идиотом и нахалом, ну разве за то, что я попросил вас застегнуть вашу же мотню - окончательно запутав себя и преподавателя Севи доверчиво смотрел на него, как на знак прощения и поощрения.

- Мою? - недоверчиво и тихо проговорил Ильяс Спартакович, и машинально опустил голову так, чтобы увидеть, что это действительно так. Его рука, как собачонка без поводка стала быстро погуливать вокруг гульфика брюк, но из-за нависшего на брюки пуза, он так и ничего увидеть не смог.

- Послушайте, любезный - взмолился Ильяс Спартакович, - свой обиходный костюм я сдал вчера в химчистку, а этот мне

очень тесноват, если бы не жена я б не в жизнь не одел бы его. Кстати вы женаты? - Пока нет – ответил Севи

- Ну и правильно! Не спешите! Вы не могли бы мне помочь застегнуть замок на ширинке? А я Вам взамен покажу что – то невероятное, произошедшее с вами, - и задумавшись сказал - хотя с каждым это может произойти. - Севи двумя пальцами отыскал бегунок замка и резко рванул его вверх, прихватив с бегунком приличный клочок волос ниже пупа, причинив несусветную боль Ильясу Спартаковичу, от которой он закатил глаза ухватившись обеими руками за кафедру. Наблюдая за всем этим, студенты ржали уже не прикрывая ртов.

- Ну вот так, пожалуй держится. А теперь говорите, что у меня не так?

- Вам надо выйти и снова заправиться, и снова войти,- Ильяс Спартакович глазами стал указывать на распахнутую ширинку на джинсах Севи. Севи не сразу понял, а увидав, опустил голову и вышел из аудитории. Он отстегнул верхнюю пуговицу на которой держались джинсы и хотел было заправиться заново, пока коридор был пустой, но как назло он увидел Майю, идущую из деканата, которая наверняка трепалась с секретаршей в отсутствие декана. Увидев Севи заправляющего одежду, Майя прикрыла рот от набежавшего смеха, отвернулась изменив направление, вышла во двор факультета.

Ну подожди Майка, я тебя достану. Севи не стал заходить в аудиторию. Он вышел из факультета, сел в автобус идущий до общежития, прикрыл глаза и в сердцах вымолвил – Да чёрт с ней! - Из всей этой утренней тесноты дурацких событий счастлива складывалась лишь мысль вернуться в общагу и упасть на ещё не заправленную кровать и выспаться от души, понимая, что ему не скоро предстояло увидеться с Ильясом Спартаковичем. И время шло, Севи почти стал забывать этот случай произошедший на лекции. С Майей у него наладились

дружеские отношения. Однажды его вызвали в деканат и поручили написать сценарий «капустника» на праздник «Студенческая весна».

- Вам, мой друг поручается ответственное задание, которое проводится в масштабе института и вы как редактор факультетской газеты, я думаю легко справитесь с этим. А вот ваш помощник из комсомольского актива и декан подозвал Майю Абрамсон. - Теперь они вместе смеялись над тем запечатлевшимся мгновением того дня безутешных переживаний. Началась сессия. Ильяс Спартакович принимая зачёт у Севи, и даже не дал ему ответить на первый вопрос билета. Он открыл его зачётку и написал «зачёт» приговаривая - Я навсегда запомнил, как Вы физическим уравнением вычисляли «Божественную силу».

Торонто 1996

ДЯДЯ ХАНАНЬЯ или БАКИНСКОЕ ВРЕМЯ

Дядя Хананья Нисимов, обыкновенный шестидесятипятилетний старичок (на то время, которое описывается) из Баку, среднего роста, худощавый, в двубортном костюме с галстучком под однотонную рубашку и в соломенной шляпе, всегда гладко выбрит, и ну с очень добрым и милым лицом и тихой спокойной речью, приехал в Дербент со скорбным визитом на похороны моего отца в октябре 1974 года. Надо сказать, что Дядя Хананья считался маминим дядей, но поскольку по возрасту он как-то недалеко от неё ушёл, что не характерно для дяди и племянницы, то вся наша семья называла его «лелей Хэненьё» что в переводе с горско-еврейского звучит «Дядя Хананья». Мы все очень любили его и всегда старались оказать ему приятную услугу. Когда и как он попал в Баку на постоянное место жительства об этом наверное знали только близкие родственники, те кто был постарше, мы, молодёжь любили слушать его стихи, посвящённые овощам и фруктам, рассказы из его далёкой юности исполненные грустью и своеобразным юмором, в эпоху становления в Дербенте еврейских колхозов.

- Мне исполнилось четырнадцать лет - рассказывал дядя Хананья - и я стал стесняться своих заплатанных штанов и рванных сапог, которые мы носили по очереди с братом и отцом. Носил их тот, кто раньше вставал, тем более я был влюблён в Сенем племянницу вашей бабушки и решил заработать денег в колхозе на новые ботинки и брюки. Председатель колхоза, несмотря на мою худощавую внешность, отправил меня в звено знаменитых колхозников. Целый год я

выполнял работу по уходу за виноградниками: обрабатывал ряды от сорняков, вовремя подвязывал молодые побеги, наравне со взрослыми купоросил кусты, которым казалось нет ни конца ни края и очень много разных работ по уходу, а позже и по сбору урожая. Таким образом заработав немало трудодней, я наконец – то стал обладателем собственных денег.

Я так долго и тщательно выбирал себе костюм и ботинки, заходя из одного магазина в другой, что когда уже в одном из магазинов, после примерки собирался уже заплатить, то денег в кармане не оказалось. Их вытащил из моего кармана какой – то ворюшка. Удивительная вещь деньги, то их нет, то их совсем нет! И самое главное, когда исчезают деньги, тогда появляется чувство юмора – шутил улыбаясь дядя Хананья.

Он часто посматривал на часы, то ли по привычке, потому что работал часовщиком, то ли убеждался в том, что часы не украдены и находятся на месте на его запястье, то ли куда – то торопился, хотя идти ему было некуда. Затем призадумывался вычисляя что -то и спрашивал у нас уже в который раз:

- Ребята, а в Дербенте местное время или московское?
- Московское – подтверждали мы ему.

Тогда он прикасался к заводному винтику часов, будто собирался перевести стрелки часов на два часа назад убирая разницу между московским и бакинским временем и делая утомлённое лицо в досаде махнув кистью руки, тем самым говоря, что жить даже временно по московскому времени бессмысленное занятие, оставлял всё по - прежнему.

Так уж повелось, что в жизни старшие всегда стараются руководить младшими, тем самым показывая свою двуединую целостность в случившемся событии. Но всё по порядку. Стояла теплая октябрьская ночь. В доме на ночлег расположились женщины -родственницы прибывшие на соборезнование из других городов и женщины – плакальщицы. Мы мужчины - дядя Хананья, мои братья Мушаил и Александр,

и несколько мужчин из родственников, расположились разбросив раскладушки и используя кушетку и диванчик в комнате у веранды и на самой веранде, уснули после тяжёлого дня похорон. Я слышал, как дядя Хананья бесшумно ходил по веранде. Затем выходил во двор, долго сидел на скамейке в виноградной беседке, думая и тяжело вздыхая, затем скрепя пружинами старого дивана, устроившись на нём тихо уснул.

Я проснулся от голоса дяди Хананьи, который легонько трепал мне плечо и приговаривал:

- Асафчик просыпайся родной, твои братья давно уже на ногах, нам надо торопиться в синагогу читать «Кадиш».

А начинают читать в синагоге очень рано в шесть утра. -Вот и петух в курятнике уже прокукарекал – говорил он. Разбудив меня таким образом, он подошёл к спящим Мушаилу и Александру и наговорил им тоже самое, что и мне. Мы тянулись в синагогу с полужакрытыми глазами, продолжая оставаться в личном участии в любезном противоборстве с дядей Хананьей.

По дороге в синагогу я видел, как чайханщик Анвер открывал свою чайную, и я почему то подумал в полудрёме, что это он так припозднился? Ведь к шести часам утра его чайхана полна малярами и шабашниками работающих в дальних селениях Дербента.

- Святое дело читать «Кадиш» - приободрял нас дядя Хананья. Ваш отец, светлая память ему, был отцом и нам и всем горским евреям и всем всем

- Потрясённый тем, что он путается в русском языке, он переходил на горско – еврейский язык.

- ¹Меш хьозурум э гьурлугь ишму, бирор(ойме), дугьгэдешь

¹ Я, положив руку на сердце, хоть и давно гнусь под тяжестью лет клянусь вам братья мои, что вместе с вами скорблю по поводу преждевременной смерти вашего отца. Вспоминая вашего деда и отца, да благословенны будут их имена – это были прекрасные люди своего времени.

биренуым(ге) дес ме э синей мени. Борухо гердо нум бебешму, ве келебебешму – лап хубе одомигьо бируйт. Эз и кор бире (Муърдеи эн Хьэнух) сер ме гиже хунои гуйге. Бирем э хуышде недерире хуно.¹ Опасаясь за его ранимое сердце мы успокаивали его обретая маловероятное благоденствие в этой непонятной продолжительности ночи. Мы, оглядываясь на пустые улицы тихо прозревали, что тут что –то напутано со временем и окончательно убедились в этом, когда присели на каменные ступени синагоги, у её парадного подъезда. Ворота синагоги были закрыты, да и двери подъезда тоже.

- Как же так - недоумевал дядя Хананья, прикладывая ухо к дверям подъезда, - ничего не слышать, да и света нет в окнах, а по времени они давно должны начать чтение. Мушаил молча улыбался.

Александр прикрыл глаза стараясь вернуться в состояние сна, но не смог превозмочь себя, и тоже улыбался.

- А который сейчас час? - спросил я, обращаясь ко всем. Дядя Хананья первый посмотрел на часы и как будто ни в чём не бывало, но недрами глубокой воли спросил.

- Мальчики, а в Дербенте местное время или московское?

Прошло много лет. И давно уже нет в живых дяди Хананьи (светлая память ему), но в семейном кругу, в веселье, Мушаил часто вспоминал его, рассказывая этот случай на свой весёлый лад:

- Лелей Хьэненъё, жингире хурузе хуно, уыгуь - уыуь*(кукарекать)* зеренигьо сэбэхь очмишь не оморе. Хуруз, комики вир сохди мэхьхэль уыгуь – уыгуь зерей хуыштере.

Вахизунд имуре эз хов шев шимешев, ве берди имуре э нумаз эри кадиш хунде. Те нумаз вокурде бире, иму согье дуь сэ1гэт*(целых два часа)* нуышдейм э сер пилеконгьо э

пушой сахде дер нумаз, те шомош оmore, те хьэлг кура бире
эри хунде сэбэхьмундеи нумаза.²

Все весело смеялись, вспоминая нежелание дяди Хананьи,
хоть временно перевести часы с бакинского на московское
время, разница часового пояса которого составляла два часа.

Торонто 1995

² Дядя Хананья, как тот петушок, который прокукарекал
среди глубокой ночи потерявшись во времени предвещая
наступление утра, разбудил нас среди ночи для похода в
синагогу читать «кадиш». И мы целых два часа просидели на
каменных ступеньках у закрытых ворот синагоги в ожидании
прихода распорядителя синагоги и молившегося люда.

КОЕ ЧТО О ЛЮБВИ или А ЗОИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ

Зоя Марковна Лисянская, косметолог, женщина, возраст которой не определяется годами, а количеством утраченных иллюзий и грёз, сидела у окна своего кабинета и думала о своём, совершенно забыв, что у неё сидит её постоянная клиентка, которая пришла на назначенную встречу и что – то рассказывает ей.

А думала Зоя Марковна о том, что: - Ну почему же её дочь, доченька Люсенька полюбила это мурло повара Фиму Заславского. На вид человека невзрачного, с пухлым лицом, среднего роста, с начинающей залысиной на макушке и на вид с общипанными рыжими усами, как бы он их не подбривал. Неужели она не чувствует своего глупого положения среди уровня своих подруг.

- Так что же помогает для похудения? – Спрашивала её полная клиентка Зоя Сигизмундовна Пачковская, которая с ямочками на пухленьких щёчках, вот уже как полчаса рассказывала ей о своей новой диете. - А с другой стороны --говорила она – Вы знаете Зоинька Марковна, вот иду вчера с работы домой ветер жуткий, деревья раскачиваются, всё летит.... . Первый раз в жизни поблагодарила Б – га за то, что вешу сто двадцать килограммов. Милая Зоинька Марковна, теперь я ем всё и почти каждую ночь провожу с моим Владимиром – щебетала она - Я только хотела узнать, что лучше помогает для похудения... зелёный чай, или зелёный кофе?

Зоя Марковна оторвавшись от своих дум, отвернулась от окна

и глядя на домовитую и хозяйственную Зою Сигизмундовну, которая «несла» милый вздор и смеялась над собой, подумала:

- Очень жаль, что в жизни существует такая нелепость, как «пофигизм», которая не даёт никакой цены своему собственному мнению, даже если оно умно и всё таки заставила себя сказать:

- Милочка - обратилась она к Зое Сигизмундовне – то, что вы и по сей день едите по ночам это понятно. Но давать имя Владимир холодильнику – это уже слишком, за пределами любой фантазии и я не желаю вам такого счастья с ним. Ни зелёный чай, ни зелёный кофе не помогут вам, вот если только позеленевшая колбаса, от которой вы сможете сбросить сразу три килограмма за один день, и перестаньте демонстрировать Владимиру по ночам своё счастье. - Какая бы дурь не пришла в голову, всегда найдутся единомышленники - думала Зоя Марковна.

- Вам, милочка необходим не холодильник «Владимир», а мальчик Владимир возраста ... этак лет тридцати пяти и держать его при себе в тепле и при денежных расходах, потому что мужчины, как комнатные растения и без особенного ухода либо чахнут, либо перебираются на чужие подоконники.

Зоя Сигизмундовна слушала косметолога вспрысками глаз и робко улыбающимся взглядом, от которого неожиданно её ямочки на пухленьких щёчках прыгали соловьиными пульсами, перемещаясь ближе ко рту от приятной дрожи во всём теле.

- Да! Да! и ещё раз Да! Вы совершенно правы! Выходя замуж, нам самим необходимо мужаться! Вот я заметила, Зоинька Марковна – продолжала Зоя Сигизмундовна,- чем больше мы заняты собой, тем больше растёт ненависть к мужчинам. Ой, не подумайте только, что я такая глупенькая.... ну вы же всё видите? – добавила она когда увидела, что косметолог смотрит на неё с припёком узкоглазья.

- Сделаем так, милочка. С вашим милым личиком сегодня мы делать ничего не будем, достаточно было прошлого визита. А вот для похудения попробуйте вот этот препарат «Стюардесса» - Зоя Марковна обладала уникальными видами взглядов говорящих о прошлом и будущем, на которые практически нельзя было ответить ни взглядом, ни словом, даже обладая общедоступными правилами различать их. Вокруг её взгляда всегда витала тайная путаница. Она аккуратно положила препарат перед Зоей Сигизмундовной прояснявшего дальнейшую конкретность её взгляда и молча вывила авторучкой цифру на листке бумаги, которая говорила о цене препарата.

Зоя Сигизмундовна глядя на листок бумаги, живо заморгала глазами. Затем ужаснувшись первому подозрению, она ещё раз проверила очертания цифр и виновато улыбнулась. Зоя Сигизмундовна достала из сумочки деньги и положила их на стол перед косметологом, затем поспешно встала, чтобы забыть о них, вспоминая слова Остапа Бендера говорившего Александру Ивановичу Корейко, что «с деньгами надо расставаться легко», и прощаясь с косметологом она чувствительно ущипнула себя в бок, чтобы не заплакать от корысти.

- Ой! Милочка Зоя Сигизмундовна! Приходите ещё через месяц! - прощаясь говорила Зоя Марковна – А без Вас, потом так хорошо! – пронеслось у неё в голове.

Да, любовь - продолжала думать о дочке Зоя Марковна. Любовь возникает где – то между сердцем и дыханием – это настоящая боль, бедная девочка. Надо что – то предпринять. Я не отдам свою единственную дочь этому поварёнку. Она вдруг вспомнила свою первую любовь – выпускника милицейского училища лейтенанта Георгия Семёнова, который после окончания училища в Волгограде, был направлен на работу в Дербент в местное РОВД. Теперь он наверное дослужился до высших чинов – продолжала думать она. Неожиданно

ей в голову пришла, можно сказать, талантливая мысль. У зеркала она поправила на себе всё, что необходимо поправить женщине для выхода в город, заперла дверь салона и красивым движением руки остановила такси.

- В кафе «Восток» - приказала она таксисту. Таксист подъехал и остановился у входа к директору кафе со стороны двора. Зоя Марковна рассчиталась с водителем, мило улыбнувшись ему забрала сдачу и вышла из такси.

- Ух! Какая «высшая» мадам! - Восторгался в душе таксист, осматривая её своими чёрными зрачками, видевших только его мысль и которую трудно было не выразить без промедления.

- Я могу подождать вас,- хлопотавший о близкой удаче подмигнув Зое Марковне сказал таксист.

Всю жизнь женщина разгадывает значение наплывающей, даже кристальной связи и лишь в мгновение осеняет её ослепительный ответ – Ты промахнулся! Неудачник! - но вслух, она просто произнесла – Жди - окаймляя слово вишнёвыми губами.

В прихожей она хотела было войти в кабинет директора кафе и поговорить с ним о его шеф – поваре Фиме Заславском, чтоб узнать о нём как можно больше, как вдруг услышала сквозь приоткрытую дверь разговор директора с Фимой:

- Послушай Ефим, если ты будешь отправлять сосиски и все колбасные изделия обратно на мясокомбинат, то нам нечем будет кормить людей – возмущался директор - а ежемесячный план надо выполнять, хотим мы этого или не хотим.

- Роберт Евгеньевич – несмело начал Фима, - я проверил сосиски прибором тестирующим продукт на мясо - отвечал Фима - и прибор показал, что в сосисках всего 4% говяжьего мяса, а остальной состав ингредиентов прибору не известен.

- Фима, до тебя работавший шеф – повар выходил из положения.

Он отваривал сосиски с кубиком говяжьего бульона и сосиски пахли мясом. Я тебе обещал выписать премию в размере месячного оклада, я держу слово. Ты можешь получить её в кассе хоть сейчас – волнуясь, продолжал директор.

Фима, в раздумье гладил свои рыжие на вид ошипанные усы и решительно ответил – Нет

– Нет? С сегодняшнего дня ты уволен Фима - выкрикнул Роберт Евгеньевич.

Фима как и всякий еврей имел свои традиционные еврейские убеждения.

- Да поймите же вы, Роберт Евгеньевич – говорил он – Нельзя так жить! Нельзя! Это безумие, преступление так жить.

- Всё! У меня с тобой разговор короткий Фима - в сердцах прохрипел директор.

Фима смотрел на директора, как раненый в живот и преодолевающий боль, вдруг он неожиданно засмеялся и продолжал смеяться так, будто смех стал содержанием его новой жизни.

Зоя Марковна Лисянская услышав весь этот разговор заторопилась обратно в такси ожидавшее её. Таксист хотел было ей что - то сказать, начав свои первые ухаживания, но она повелительно и коротко сказала – в РОВД. Услышав название злосчастного заведения, таксист осёкся и уже с тайным подозрением осматривал свою пассажирку.

Зоя Марковна вспомнила разговор с дочерью произошедший дома, на кухне.

- Ах, мамочка – говорила Люсенька – он такой замечательный. А какие знаменитые и вкусные салаты он готовит, вкуснющие –е-е е, на сто пуз! Он не хочет жить без брака и требует, чтобы я вышла за него замуж. Выйти замуж за него что ли? А я ведь кроме того, что чайник поставить на плиту больше ничего не умею. Недавно, от большой нагрузки на работе и дома, он посетил психолога. Видать психолог ему ничем не помог, так

он посетил психиатра и до сих пор смеётся.

- Люсенька, доченька – говорила ей Зоя Марковна – мужчины смеются над собой лишь тогда, когда им отведена роль домохозяйки. Мужчины, они как куры, в двадцати метрах от дома они уже считаются ничьи.

- Нет! - Думала косметолог в такси, - а я и не подозревала, что Фима имеет такие прекрасные принципы. Ему определённо надо помочь. Моей Люсеньке просто повезло. Таксист, не то с испуга, не то с симпатии к Зое Марковне отказался взять денег за обратный проезд и не предлагал больше своих услуг. Зоя Марковна вошла в здание РОВД и обратилась к дежурившему у входа молодому лейтенанту.

- Будьте так любезны молодой человек, могу я повидать Семёнова Георгия.... - Она неожиданно остановилась вспоминая отчество своего первого возлюбленного из невозвратной молодости, но ей помог лейтенант -Полковника Семёнова Георгия Аркадиевича? - Да мой друг, его - тихо ответила она, услышав слово полковник.

А вот и он входит! Зоя Марковна приподняла ресницы, проведя рукой по волосам, и поразительно бледно задышала первой любовью.

- Настоящий полковник – прошептала она.

- Товарищ полковник! – обратился дежурный лейтенант к Семёнову, тут к вам с визитом - и покачиваясь с ноги на ногу, не зная как сказать, добавил – дама.

Георгий Аркадиевич обернулся и у него ёкнуло в сердце.

- Зоюшка - прошептал он. Неужто ты, какими судьбами!

- Не всё так сразу. Нам есть где поговорить?

- Обижаешь – улыбался полковник, предлагая ей кресло в своём кабинете.

Зоя Марковна не сомневалась, что Георгий поможет ей. Она рассказала ему услышанное ею у приоткрытой двери кабинета директора кафе «Восток» и с беспокойством посмотрела на полковника. Её очаровательный взгляд напомнил ему всё, но

он деловито набрал номер телефона и приказал: - Капитана Курбанова ко мне. Капитан Курбанов явился незамедлительно. - Ахмед Мамедович - обратился к нему полковник, - свяжитесь с органами ОБХСС, я им уже звонил, и разберитесь с директором кафе «Восток» он давно у них в разработке. Да и пусть восстановят на работу шеф повара Ефима Заславского уволенного незаконно. - Георгий Аркадиевич провожал Зою Марковну к выходу, что - то ласково нащёптывая ей.

- Полковник - вдруг обратилась к нему она - не могли бы вы подарить мне эти ужасные рожи висящие на стенде «Всесоюзный розыск» и немного канцелярских кнопок, и пожалуйста, не спрашивайте на что мне они. Полковник хитро улыбнулся и попросил дежурного сделать копии фотороботов со стенда «Они разыскиваются милицией» и вручил их Зое Марковне с коробочкой кнопок. Снова подъехав к дверям директора кафе «Восток» Зоя Марковна прочла объявление, наспех написанное директором и вывешенное на дверях:

СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ ШЕФ – ПОВАР И РАБОЧИЕ НА КУХНЮ. Она не спеша, аккуратно прикрепляя кнопками фотороботы разыскиваемых уголовников к низу от текста объявления загадочно улыбалась, затем достала чёрный косметический карандаш приписала к объявлению: **ФОТОГРАФИИ ПРИЛАГАЮТСЯ.** Она приподняла голову и все образы прошлого и туманные мысли будущего вдруг слились в одно ясное и женское пророчество – Справедливость восторжествует!

Торонто. 1995г.

ГОЛОД НЕ ТЁТКА или МУКИ ТАНТАЛА¹

Осип Абрамович Веняминов торопился сесть на поезд летнего дополнительного расписания Одесса - Дербент в свой 13 вагон, который находился как ни странно во главе поезда. - Неслыханная нумерация вагонов, - возмущался Осип Абрамович выходя из последнего 12-го вагона, в который он влез по ошибке, думая, что это тринадцатый.

- Гражданин! Граждани - и-ин! Да! Да! Вы, в соломенной шляпе, - поправляя лифчик, подхватив его снизу и дёргая его обеими руками то влево то вправо, вниз и вверх, сажая груди на место и поправляя курточку, обращалась к нему плотненькая и грудастая проводница 12-го вагона. - Забирайте ваши пожитки, сумки и поспешайте в обратную сторону.

- Господи! Ну что за порядки, и чего их нумеровать, когда они все одинаково зелёные.

Осип Абрамович торопливо собирая свои вещи и стараясь

¹ Из древнегреческой мифологии. Тантал царь Фригии был наказан Зевсом за попытку принести людям НЕКТАР И АМБРОЗИЮ - пищу богов. Эликсиры вечной красоты и молодости. В наказание он стоял по горло в воде, а над ним свисали ветви с разнообразными плодами. Как только он наклонялся к воде чтобы напиться – вода отступала от него. И как только он протягивал руку к ветвям с плодами – они подымались вверх. Тантал был навечно обречён испытывать муки голода и жажды.

пропихнутся сквозь двигающуюся на него толпу пассажиров, ищущих свои места и устраиваясь поудобнее, толкая его и больно задевая своими чемоданами выговаривая ему: -Идиот, нашёл время для туалета,- в ответ только тяжело вздыхал и молчал.

- Простите. Извините. Мне обратно - обращался он к ним.

- Гражданин хороший, - обратился он к огромному мужчине похожему на египетский сфинкс – Не могли бы вы повернуться как то бочком? Чтобы можно было пройти к выходу.

- Бочком я шире – пробасил верзила и развернув Осипа Абрамовича в профиль, он надавил на очередь его телом так, что Осип Абрамович неожиданно очутился в тамбуре вагона, а пассажиры прижаты к окнам вагона с приплюснутыми носами выглядели с улицы со смешной гримасой на лице.

Наконец выбравшись из двенадцатого вагона, прихрамывая от ушибов, Осип Абрамович поспешил к головному вагону. Неожиданно к нему подбежала молодая цыганка с ребёнком на руках. Ребёнок с профессиональной хваткой протянул руку к нему с просьбой вознаградить её.

- Остановись! Не беги от своего счастья! Всю правду расскажу о тебе! Я вижу твоё будущее! Оно прекрасно. Брильянтовый ты мой!

- Нет! Ты ошибаешься женщина у меня уже нет будущего после сегодняшнего вечера, - продолжая прихрамывать на бегу говорил Осип Абрамович и вдруг глядя на ребёнка неожиданно запел на цыганском языке на что ребёнок широко улыбнулся ему: «Маладилэм бахталэ ромэнса.

Кай путайлэ лэ романэ дрома.

Ай ромалэ. Ай чявалэ²

² Слова из цыганской песни:

Я встречал счастливых цыган.

Открыты цыганские дороги.

Ай да цыгане! Ай да ребята!

Эту песню он выучил у своего приятеля цыгана по имени Перхане, который работал сантехником в ЖКХ и пытался начать оседлую жизнь, но ушёл из Дербента с табором в 1961 году. Кочевой табор пришедший из Бессарабии располагался на берегу моря недалеко от городского пляжа. Но городские власти не разрешили табору пробить у города и пяти дней. Табор свернул свои шатры и двинулся дальше на юг в сторону Азербайджана.

- Ты цыган? Эй! Подожди! Сетку уронил, кричала ему в след гадалка, но он уже не слышал её из-за гудка локомотива. Он почти было добежал до своего вагона, когда проводница уже хотела убрать ступени и закрыть дверь.

- Не убирайте ступени! Не закрывайте дверь! - запыхавшись кричал Осип Абрамович.

Услышав и увидев хромающего бегущего, она вернула назад ступени и помогла ему впихнуться в вагон уже тронувшегося состава. - Спасибо - истощённо выговорил он.

Ничто так не убеждает в правоте вещей, как собственный затылок, которым принимаешь всё выговоренное тебе в след. Осип Абрамович был мужчина средних лет, тихий, не заносчивый со среднетехническим образованием, с дипломом кооперативного техникума и отец двоих детей, сына и дочки. Сын заканчивал 10 класс средней Дербентской школы, дочка же, закончив сельскохозяйственный институт в Одессе, вышла замуж за сокурсника Наума Бельского и осталась жить в семье Бельских. К ней то в гости и собирался Осип Абрамович. Устраивая свою жизнь и оказавшись по воле судьбы в отделе банно – прачечного комбината ЖКХ(а) с окладом предписанным штатным расписанием заведующего хозяйством он понял, что жизнь устраивает его и устраивать её далее нет смысла.

- Да – а-а-а, - думал Осип Абрамович рассматривая проводницу, - стоит только человеку увидеть глазами, то ему уже трудно будет закрыть рот. Людям свойственно ошибаться, и очень жаль, что в жизни получается это очень часто и надо

сказать, к удовольствию самого случая. Всё больше начинаешь убеждаться, что нет ни братьев по разуму, ни сестёр. Найдя свой отсек и 25 место, на верхнем спальном лежаке, Осип Абрамович поздоровавшись с присутствующими стал раскладывать свой багаж на самой верхней полке. Вдруг он обнаружил, что среди его вещей не оказалось сетки с едой, уготовленной его супругой в дорогу. Осип Абрамович ещё раз проверил наличие всех вещей, но сетки с едой не нашёл.

- Вот растяпа, - с досадой думал он, - а ехать мне почти двое суток. Когда нечего делать то берутся за великие дела - продолжал думать он и посмотрел на часы.

- Так, ресторан пожалуй уже закрыт, да и денег жалко, да и доставать их нелегко из укромного места, а ведь я сегодня не успел даже позавтракать, - Он посмотрел на оседлых соседей, которые уже расположились и внимательно разглядывали его. В этих взглядах внятно прочитывалась какая – то глупая преднамеренность опрометчивым выбором выговорить Осипу Абрамовичу всё то, что мешает их комфорту.

Ничто так не приободряет, как личный опыт продолжал думать заведующий ЖКХ(а). Он вдруг вспомнил, как занимаясь всякой ерундой на рабочем месте, решая кроссворды или устраивая личные дела, прекрасно развил у Осипа Абрамовича боковое зрение и слух, а также бдительность в целом. Он, недолго обдумывая своё положение, аккуратно развернул матрац и забравшись на своё место тем же «боковым зрением» стал рассматривать своих соседей по купе.

Один из них, которого звали Анатолий, был с удлинённым флегматичным лицом, лет тридцати пяти, постоянно вздрагивал и подёргивал плечами, будто его щипал мороз, и наверное был явно недоволен собой, в поисках личного счастья в жизни.

Второй, много старше Анатолия, который просил называть себя Гамлетом Аршаковичем, был толстым с оспинками на лице, тяжело дышал и при этом чмокал шевеля губами

будто проглатывал этот звук после каждого выдоха. Гамлет Аршакович напоминал старого французского бульдожку. Третий пассажир, которого звали просто Сашок, со сладким выражением на лице и которому на вид не дашь более сорока лет, был гладко выбрит, пах одеколоном «Шипр» и был аккуратно причёсан поблёскивая бриолином. Он, обращаясь к толстяку произносил его имя и отчество так быстро, что слышалось не Гамлет Аршакович, а Амлет Ишакович, но видя дёрганье Анатолия и недовольное лицо толстяка, Сашок продолжал:

- Не -е -ет! Гамлет – джан! Настоящий аппетит приходит в дороге, когда человек в кругу своих друзей и спешить ему некуда - Он открыл чемоданчик «фабрики Кожгалантерея СССР» и выложил из него на столик бутылку Московской водки, палочку охотничьей колбасы, нарезанные дольки голландского сыра, половину домашнего чурека и свежие помидоры.

Осип Абрамович увидев еду и водочку неожиданно зашевелился и закашлял, тем самым напоминая о себе и ожидая приглашения к столу. Но никто на его кашель не обратил должного внимания, а Гамлет Аршакович приложив указательный палец к губам тихо произнёс:

- Тише друзья мои. Мы мешаем отдыху нашего товарища.

- Ах Сашок! Сашо –о-ок! Вы молоды и быстры - произнёс толстяк тяжело дыша, вытаскивая из своего саквояжа марочный армянский коньяк «Ахтамар» и упаковку бараньих рёбрышек, запечённых на вертеле напичканных душистой зеленью. Осип Абрамович, всё тем же боковым зрением почувствовал, что у него от голода и от увиденного на столе начнётся истерика. Он отвернулся к стенке, глотая набежавшую слюну.

- Ах не говорите уважаемый Сашок - вмешался Анатолий, подёргивая худые плечики, - ну, а под водочку лучше селедочки с мелко нашинкованным лучком и капелькой постного масла

... Ну ни в жизнь не озадачишься! - Открывая консервную банку с названием «Каспийский залом» и наливая водочки продолжал

- Ах Сашок, а как он искрится внутри нас, заломчик то, после первой стопочки, беспризорник этакий морской. Ой, да вы наливайте вторую, как говоритья между первой и второй перерыв небольшой, Сашок одобрительно улыбаясь разлил водочки в стаканы и добавил – и даёт надежду на третью. Ха – ха-ха. - И все, втроём громко засмеялись. На верхней полке послышалась возня и что –то вроде болезненных стонов. Гамлет Аршакович снова приложил к губам указательный палец.

- Ах друзья мои - снова подхватил разговор быстрый Сашок и изобразив на своём лице сладкое блаженство почти пропел - бара- а-а-ашек, рёбрышки, шашлычок под коньячок – это просто великолепно, -и разливая коньяк в стаканы он дисциплинированно смотрел, чтобы у всех было наливо поровну.

Осип Абрамович заткнув уши указательными пальцами с зажмуренными глазами вспоминал потерянную сетку с едой, в которую его супруга уложила завёрнутую в кухонное полотенце ещё дышащую паром отваренную курочку с хреном, шесть яиц отваренных вкрутую, свежие помидоры, огурцы, серый батон хлеба и бутылочку минеральной воды «Каспий».

- Всё помещается в моей путанице, и даже чрезмерная память о потерянной еде, которую я выронил, или оставил в 12-ом вагоне, кроме сомнительного ужина, мечтательного обеда и недостижимого завтрака. Пора бы и успокоиться, - продолжал рассуждать он.

- Но чёрт побери! Всегда хотел посмотреть на человека, который после фразы «успокойся» действительно успокаивался.

- Дорогой Анатолий! Гамлет –джан ! - продолжал захмелевший

Сашок, - я хочу поднять тост за русские умы и армянскую деловитость.

Он одним взмахом выпил душистый коньячок и только после выпитого коньяка заметил, что Гамлет, вытянув свои коротенькие ноги доверчиво во сне что –то тихо говорил, надувал губы и размыкая их при каждом выдохе издавал басовые звуки, от которых Анатолий вздрагивал во сне прижавшись к углу и крепко прижимал к себе подушку. Захмелевший Сашок глянул вверх, осматривая своё спальное место по соседству с Осипом Абрамовичем понял, что не сможет туда забраться, и устроился, поджав под себя ноги в противоположном углу от Анатолия.

Была глубокая ночь. Поезд мчался на всех парах приближаясь к Минеральным Водам. В открытую длинную форточку над окном врывалась ночная прохлада.

Осип Абрамович не спал. Его мучил голод. Он будто повелительно повернулся к захмелевшим и уснувшим соседям чуть свесив голову и стал внимательно рассматривать содержимое стола. Но вот острое желание протянуть руку к столу и подхватить со стола кусок чурека и палку охотничьей колбаски лёгкой молнией стало пробивать сквозь тусклый свет егодвигающуюся руку, а с ней и тело. Неожиданно локомотив издав протяжный гудок и застучав колёсами изогнулся дугой, будто бы начал свой окольный путь, чиня себе препятствия, начал удлинять зигзаги, от которых Осип Абрамович чуть было не скатился вниз со своего места, не будь сетчатой вешалки, на стене, за которую он вовремя ухватился. Он откинулся назад. Гамлет Аршакович, во сне, не утратив вольно откинувшее изголовье и не уступая локомотиву, протяжно и с бульканьем выпустил накопившиеся газы из организма, которые стали заполнять своей удушливой вонью верхнее пространство купе. Осип Абрамович всем телом и головой стал двигаться к открытой форточке, жадно глотая свежий воздух. Среди этой маленькой непрочной тишины наступившей ночи Анатолий

и Сашок были смешны и имели лица беспокойных людей всё ближе двигаясь к друг другу.

**СЛОВО НЕ ВОРОБЕЙ! РАБОТА НЕ ВОЛК!
ГОЛОД НЕ ТЁТКА! – КРУГОМ ОБМАН!**

Голод – это психологический признак нормального организма и вероятность того, что пора добыть себе пищу воодушевляла себя заведующий ЖКХ(а). Надо отбросить всё и войти в своё положение.

Вторая лёгкая молния стала пробивать руку Осипа Абрамовича. Он уже было дотянулся до ломтиков сыра, как неожиданно зашевелился Анатолий и нервно стал расстёгивать на рубашке верхние пуговицы. Осип Абрамович застыл со своей нависшей рукою, читая нахальную татуировку с безграмотными выражениями на груди Анатолия, который со сна, еще не понимая в чём дело, увидев перед собой повисшую руку Осипа Абрамовича, неожиданно пожал её, как при знакомстве и тихо произнёс - Анатолий,но можно просто Толик.

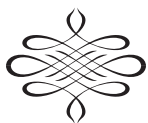
От неожиданного рукопожатия, Осип Абрамович чуть не помер от страха. Вырвав руку и страшно волнуясь в преодолении ненужных ему символов, он опять отвернулся к стене успокаивая себя тем, что нет лучше места при отдыхе, чем на бедре, снова зажмурился и сам не заметил как крепко уснул.

И приснилось Осипу Абрамовичу, что он стоит по горло в воде большого озера. И что над ним свисают ветви спелых плодов хурмы и мандаринов, а на берегу дымится мангал и жарятся шашлыки, а грудастая проводница приветливо протягивает ему горячий чай и внятно кричит:
«БЛИЗОК ЛОКОТОК, ДА НЕ УКУСИШЬ»

Он пытался сделать шаг, но ватные ноги не слушались его изворотливого воображения, подкашивались, нуждаясь в высшей радости - сытного обеда, без которого отказывались сделать и шага к желанному берегу. Деваться было некуда.

Он стоял по горло в воде, на лице его блуждала рассеянная
улыбка мечты и тревоги.

Торонто. 1996.

УЧИТЕЛЬ или НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УРОКА

Лазарь Гаврилович Давидов преподаватель средней школы имени Лазаря Когановича давно был уже на пенсии, но продолжал работать. То ли, чтобы не оставаться одному в пустом доме, после смерти супруги и сына не вернувшегося с войны, то ли любовь к своей профессии, где главным считал обучить учащихся разбираться в чтении и черчении контурных карт на уроках географии, а на уроках истории знание важных исторических событий и умение пересказать «Слово о полку Игореве», то ли поздняя любовь к учительнице по литературе, его сверстнице Тамаре Соломоновне, которая была вдовой и также была одинока, как и он, никто об этом у него не спрашивал, да и он сам об этом никому не рассказывал. В свои юношеские годы Лазарь Гаврилович, как и все его друзья подростки помогал семье работая в колхозе, затем закончил РАБФАК¹ и был направлен в школу обучать детишек нового времени. Но время шло, Лазарь Гаврилович старел, а в средних школах мало что менялось в системе образования. По коридорам школы Лазарь Гаврилович ходил медленно, чутьсутулясь, разглядывая объявления вывешенные на доске объявлений. Читая их уже по несколько раз, он одинаково сосредотачивал свой взгляд на некоторых моментах прочитанного и тогда на грубом и неинтеллигентном, как у мастерового, но добродушном лице, появлялась ироническая улыбка на некоторые неожиданные новости, которые из –за

¹ Рабочие факультеты. 1919 – 1940 гг. учебное заведение для подготовки рабочей и крестьянской молодежи к обучению в ВУЗах страны.

прошедшего времени теряли свою смысловую значимость ещё на прошлой неделе. И не удивляясь ничему он своей натруженной кистью руки срывал этот листок, продолжая свой путь. Читая одно из таких объявлений Лазарь Гаврилович вдруг почувствовал, что нет настолько плохой ситуации, которая могла бы стать ещё хуже. Объявление на дверях учительской уведомляло :

Уважаемые учителя с 1- го октября 1965 года в школе начинает свою работу комиссия из ГОРОНО. Цель работы индивидуальный подход учителя на уроке к учащемуся оставленному на повторный год обучения.

Он зашел в учительскую, шло короткое совещание. Он тихо присел. На него никто уже из вежливости к возрасту не обращал административного, требовательного, педагогического внимания и его часто использовали на замещениях, при ситуации если предметник не вышел на работу, чтобы учащиеся не болтались по коридорам школы. После окончания совещания к нему подошел завуч школы и попросил заменить заболевшего учителя истории на всю неделю, в пятых классах. И попросил занять детей чем то полезным, чтобы они не носились как бешенные по школе, хотя бы в период инспекторской проверки. Лазарь Гаврилович выслушал завуча и пошел на урок истории в 5 «Г». Надо сказать, что класс 5 «Г» считался одним из труднодающихся в успеваемости и дисциплине, и большая половина учащихся давно переросла свой подростковый возраст и просиживала штаны уже третий год в одном и том же классе. Лазарь Гаврилович прекрасно знал родителей этих учащихся. Их отцы, а некоторые из них его сверстники, чтобы заработать для семьи с утра и до глубокого вечера трудились в колхозах и на предприятиях промышленности. На уроках Лазарь Гаврилович часто применял кавказские языки. Потому что, как ему казалось, понимал особенности индивидуального подхода. Даже если объяснение учителя настолько просто и понятно,

что исключает любое возможное неверное толкование, всё равно найдётся учащийся который поймёт его неправильно. И поэтому, чтобы приблизить полноту добрых и понятных отношений, Лазарь Гаврилович дополнял свои объяснения – армянам на армянском языке, горским евреям – на горском еврейском, азербайджанцам – на азербайджанском. И вот сейчас придя на урок в 5 «Г», и глядя на учащихся, ему вдруг показалось, что он сможет удивить комиссию ГОРОНО своим индивидуальным подходом и в целом принести пользу делу народного образования.

- Дорогие учащиеся, - начал он на русском языке, - с понедельника в нашей школе, начнёт работать комиссия городского отдела народного образования, комиссия будет проверять ваши знания по предмету, и я хочу предложить вам быть готовыми заранее, выучив наизусть небольшой отрывок из произведения «Слово о полку Игореве», который я задам некоторым из вас и мы покажем всем проверяющим на что мы способны.

Эдик Геворкян – обратился он к одному из учащихся – Ес ми хндранк унем.

- Лав ен - ответил Эдик.

Тхос ! Тангакин! Хндрум ем чушанал. – продолжал Лазарь Гаврилович – Вачини, амен инч лав клини?

- Хангстацир! Лав ен² - отвечал Эдик выплёвывая жёваную спичку.

- Я хочу дать тебе небольшой отрывок и подготовить его выучив наизусть к следующему уроку. - Эдик недовольно молчал и думал о своём. Лазарь Гаврилович пометил в его

² Эдик Геворкян у меня к тебе просьба.

- Хорошо! Слушаю Вас Лазарь Гаврилович.

- Сынок! Дорогой! Прошу тебя.

Не опаздывай на урок. Всё будет хорошо?- Не волнуйтесь!

Всё будет – хорошо! (перевод с армянского).

книге карандашом небольшой абзац. - Та-ак, протяжно сказал учитель, следующим отвечающим будет у нас Авдалимов Авшор. Авшор, долговязый верзила – переросток, который без всякого стыда перед присутствующими мог почесать себя в любом месте на теле, неуклюже встал и сразу ответил –Э лелей Лазырь! Мере герегь нист. Надо сказать, что отец Авшора – Хаим Авдалимов был ещё с детства давним другом Лазаря Гавриловича и они по стариковски коротали вечера за нардами, а бывало и так, что Лазарь Гаврилович оставался ужинать у Авдалимовых.

- Туь чуь гуфтире фагьир! Чуьтам герегь нисти туьре! – возмущался Лазарь Гаврилович.

- Комиссия эдей оморе эри денишире, чуьтам хундениге туь.³

Отвесив Авшору чувствительный подзатыльник за категорический отказ, он дал Авшору свой учебник заранее зная, что у Авшора нет своего с уже помеченным текстом, который Авшор должен был подготовить к следующему уроку выучив его наизусть.

- И наконец следующий, последний отвечающий у нас будет – Касумов Касум.

Это был с заплывшими глазками откормленный, румяный подросток с тоненьким голоском и узким лобиком и борцовской шеей, всегда при деньгах на покупку в школьном буфете чего - то съестного. Касуму было даже лень привстать, когда он услышал свою фамилию. Он только приподнял голову с отвисшей челюстью и испуганно заморгал глазами.

3 Авшор Авдалимов встал и сказал: - Не давайте мне текста. Мне это не нужно!

- Ты что говоришь, несчастный! Как это не нужно! Комиссия из ГОРОНО будет присутствовать на уроке и наблюдать за тобой, как активно ты работаешь на уроке – возмущался учитель.

- Нарахатлинг багишлаин Касум - начал Лазарь Гаврилович на азербайджанском языке – Нэ вар, нэ йох?*

- Мэн лазим дегуил!* - засуетился Касум.

Йаман чох билемишен* - Хитрец! - улыбаясь продолжал учитель. - Я решил, что и ты покажешь комиссии свои прекрасные знания по предмету. А этот отрывок наизусть перескажешь ты - и Лазарь Гаврилович подчеркнул в книге Касума абзац финала произведения говоря ему – Эр шей гюзел оладжагь!⁴

На следующий день Лазарь Гаврилович уведомил администрацию школы, что его учащиеся 5 –го «Г» готовы при комиссии показать свои знания.

- Вполне возможно, что первым уроком два инспектора посетят ваш класс, - уже по звонку предупредил Лазаря Гавриловича завуч. Инспектора расположились на последней парте раскладывая папки с бумагами недалеко от Авшора, который искоса поглядывал на них. Войдя в класс Лазарь Гаврилович сразу заметил отсутствие Эдика Геворкяна и Касумова Касума, - это плохо – подумал учитель, но ситуации ухудшаются и улучшаются. Но перед тем как улучшится, ситуация как видно всегда ухудшается и даже если она ухудшается – это совсем не гарантирует, что ситуация может улучшится. Какой – то странный бред промелькнул в голове учителя, спасибо Авшору, он хоть присутствует в классе. Поприветствовав и посадив учащихся Лазарь Гаврилович не спеша вытер классную доску, затем в верхнем углу мелом написал число, месяц и год, а на середине доски тему урока, выводя своим отработанным каллиграфическим почерком

⁴ Извините за беспокойство уважаемый Касумов Касум.
Как Ваши дела?

- Учитель, не задавайте мне заданий. Мне это не надо!

- Нет причин для волнения – дорогой Касум . Всё будет хорошо! (перевод с азербайджанского)

«Слово о полку Игореве», сел за учительский стол. Если первую половину урока проведёшь так как хочется, то вторую половину, наверное, как придётся, рассуждал молча учитель глядя на Авшора, и открывая классный журнал. А бывает и так, стоит только замолчать, а тебя уже неправильно поняли со стороны комиссии. Лазарь Гаврилович незамедлительно встал, продолжая всматриваться в журнал, тем самым показывая, что он ищет нужного ему учащегося и наконец произнёс: - К доске пойдёт Авдалимов Авшор - а Авшор развалившись за партой и не думал выходить к доске. Он пересчитывал денежную мелочь, которую выиграл вчера вечером на своей улице у пацанов в игру «пятак об стенку».

- Ого! Вот уже и три рублика - восторгался Авшор пересчитывая монеты, заворачивая их в кулёчек из тетрадного листка вырванного из тетради соседа – Мишиева Рахмана.

- Э Рэхьмон, эй! - толкая соседа по парте и восторженно показывая ему деньги – Игьоре шову бердем – веселясь говорил он, не обращая ни малейшего внимания на то, что учитель вызывает его к доске уже в третий раз.

- Авшор нам расскажет отрывок из повести о князе Игоре,- терпеливо продолжал звать Авшора к доске учитель - который повёл свои храбрые полки на половцев за реку Дон защищая землю Русскую.

- Э Рэхьмон – не унимался Авшор - толкая локтем маленького Рахмана – Ингаде пуле дирей туь э зиндегуний хуьшде? Хэре кулис.⁵

Лазарь Гаврилович видя, что Авшор не собирается выходить к доске, а положение надо спасать, ведь на его ошибках проверяющие будут делать свою инспекторскую карьеру он сам того не замечая, вдруг заговорил с Авшором на горско –

⁵ Эй, Рахман! Эти деньги я выиграл вчера. Ты когда – ни будь, в своей жизни держал столько денег? Дурачок, недоумок.

еврейском языке.

- Э Авшор – взмолился учитель – ведиро э миглей эн класс. Сер ме пойту минет! Э биёбури венгести мере туь, э пушой эн и хьэлг – комиссия эз ГОРОНО. Суьфет мере жиге не мунди эз хижолоти эни кор э же чарунум гуфтире. Бебей(туь) муно, эри г1эйб кешире е кориш нисти э инжо. Ведиро э мигле, эри ихтилот сох эриму, чутам парчо Игорь довг1о сохде,(мелих Довидо хуно), омбаре мол девлет суьрхи вечире эз половецкий хон Кончак, ве овурди э ватан хуьшде. Гу ихтилоте э товун хов Святослав – бебе эн парчо Игорь, ве бирор(юре) Всеволод. Чутам хон(гьо) – бироргьо Гза ве Кончак, венгестуь лешгерчигьоре (воинов)*эн Игор, ве Всеволод, ве вегюрдет угьоре э есири (плен). Чутам чуьшме торик биребу, чутам каргьогьо гаргь зерембу . Ведиро Авшор э миглей эн класс. Ние ведиройге, ме э и указкеровоз ахир(туьре) мидуьм⁶ и он в сердцах рубанул указкой воздух.

Авшор выслушав Лазаря Гавриловича, неуклюже приподнялся и тоже продолжил на горско – еврейском языке

- Э лелей Лазырь мама мугу имбуруз – руз орине, эри шобот

⁶ Учитель обращается к Авшору.

- Авшор, Ну выходи уже к доске. Я умоляю тебя. Весь класс ждёт тебя. Не позорь мои седины перед комиссией.

Мне от моего стыда некуда спрятать своё лицо. Да продлит Господь жизнь твоего отца – моего друга на долгие годы, он бы гордился тобой. Выходи, не стесняйся. Расскажи нам, как князь Игорь ходил со своими полками на войну (как царь Давид) с половецкими ханами Канчака и Гзы. И как потом Канчак и Гза пленили Игоря. Не забудь упомянуть о «сне Святослава» - отца князей братьев Игоря и Всеволод(а). Как день клонился к закату и как чёрные вороны каркая кружились над полем предвещая беду.

Если ты сейчас же не выйдешь к доске я этой указкой сломаю тебе хребет и Господь мне судья! -Дядя Лазарь мама на шабат готовит пельмени, просила чтобы вы пришли.

эдей дуьшпере допчунде, имишев эри шобот зу бошит э хуне(й) му. Услышав такое, Лазарь Гаврилович так и сел с отвисшей челюстью.

Авшор видя состояние учителя, понял, что ему пора бежать из класса, туда, где его ждут Эдик Геворкян и Касум Касумов. Он успел выскочить из класса именно в тот момент, когда тяжёлая деревянная указка выпущенная, как из лука стрела, из рук Лазаря Гавриловича ударилась об закрытую классную дверь и раскололась в своей верхней части.

- Каков мерзавец – шептал учитель. Инспектора повскакали со своих мест и принялись утешать старого учителя.

Через некоторое время приоткрылась классная дверь и в проёме между косяком и дверью появилась голова Авшора, который глазами искал Лазаря Гавриловича.

Наконец увидев учителя, который ещё не пришёл в себя от случившегося, Авшор открыл широко двери и крикнул:

- Э лелей Лазырь Туь э беберово мирош!⁷ - и быстро убежал. Лазарь Гаврилович, хотел было погнаться за ним, но понял, что Авшора ему не догнать, дождался пока он окажется на школьном дворе, широко открыв окно крикнул ему: - Э Авшор, Туьре зендигьо делине, миест э жигейтуь е сэнгь зенде!⁸

Торонто. 1995г.

⁷ Заглянув в класс Авшор громко крикнул:

Дядя Лазерь , Да чтоб ты сдох со своим отцом ! (перевод с гор. еврейского).

⁸ Открыв окно Лазарь Гаврилович крикнул: - Эй Авшор, женщине, которая тебя родила было бы гораздо полезней, если б она вместо тебя, родила обыкновенный камень.

СЛУЧАЙ НА КЛАДБИЩЕ или СНОВА ПО ЧЕХОВУ

*(Светлой памяти моим институт-
ским педагогам посвящается)*

В нашей жизни встречается всякое и смешное и грустное. Наверное - это чаще всего происходит от нашей чрезвычайной сообразительности, но самым смешным чаще всего оказывается именно самое грустное.

Прежде чем приступить к изложению рассказа, хочу предложить и напомнить вам, мой дорогой читатель, маленькую выдержку из рассказа Антона Павловича Чехова «Оратор», которая очень кстати характеризует тот случай, который на самом деле произошёл в начале семидесятых прошлого столетия в мои студенческие годы на кладбище, когда хоронили моего преподавателя Василия Фёдоровича Кудрявцева и что человеческие эмоции и чувства живут в нас и передаются другому поколению в пространстве и во времени. Итак по А.П. Чехову:

Хоронили коллежского асессора Кирила Ивановича Вавилонова, который умер от двух болезней - от злой жены и алкоголизма. Приглашённый на погребальную процессию оратор по фамилии Запойкин, говорил свою прощальную речь покойному Кирилу Ивановичу, почему -то называя его Прокофием Осиповичем, что создало недоумение и лёгкие смешки среди присутствующих на погребении.

- Прощай дорогой наш Прокофий Осипович! – говорил оратор
- Твоё лицо было некрасивым и даже безобразным, ты был угрюм и суров, но мы все знали, что под сей видимой оболочкой

бьётся честное и дружественное сердце – продолжал оратор Запойкин. Вдруг он беспокойно задвигался, увидев Прокофия Осиповича среди присутствующих и стоящего около могилы. Он закончил свою речь и хотел было идти, но к нему подошёл Прокофий Осипович и сердито проговорил:

- Никто вас не просил распространяться про моё лицо. Некрасив, даже безобразен, так тому и быть, но зачем всенародно мою физиономию на вид выставлять. Обидно – с.

Этот уникальный случай поразительно, почти точь в точь совпал через сто с лишним лет, и именно поэтому я с лёгкостью рассказываю о нём среди друзей за дружеской беседой с доброй памятью о моих институтских педагогах, горжусь ими даже похваляюсь. Но всё по порядку.

Василий Фёдорович Кудрявцев, член союза художников СССР и преподаватель художественно – графического факультета Дагестанского педагогического института – ДГПИ, приехавший из России в Дагестан и получив работу в институте на конкурсной основе вёл, вот уже второй год, занятия у себя в институтской мастерской группе студентов – нам из семи человек, преподавая живопись, рисунок и композицию. Однажды выяснилось, что он заболел злокачественной опухолью желудка. Полгода лечился в Москве и более всего ужасно поняв, что лечение бесполезно приехал домой в Махачкала, пожил ещё пару месяцев и тихо умер. Дом педагогов в котором жил Василий Фёдорович находился недалеко от института и почти весь состав педагогов института, разных факультетов собрался во дворе пятиэтажного дома, чтобы провести Василия Фёдоровича в последний путь. Мы студенты, его группа из семи человек, «скинулись кто поскольку мог» купили похоронный венок с надписью на черной ленте «От группы студентов – любимому учителю» тоже приехали к дому педагогов. Руководитель по организации похорон – заместитель ректора института по хозяйственной части, кстати «наш человек» - Иосиф

Абрамович Данилов уже с утра хлопотал по торжественному проведению их, давая всевозможные распоряжения водителям катафалка и автобусов, родственникам усопшего, соседям по квартирной площадке на четвёртом, а также на третьем, втором и первом этажах, и на каждом этаже назначая ответственного на предстоящем отрезке пути, чтобы никто не высовывался из квартир, открыв двери любопытствуя и своим присутствием на площадке не мешали выносу гроба. Проверив крышку гроба, и сам гроб на прочность, поправив галстук свой и покойному, со словами утешения жене и дочке быстро и не дожидаясь погребения проговорил:

- Пусть земля будет ему пухом,- и отвернувшись тихо добавил, - хотя на пух у него всегда была аллергия. - Затем быстро спустился во двор и отвечая на вопросы надоедливых преподавателей от чего скончался Василий Фёдорович говорил:

- Сейчас всё стоит очень дорого особенно похороны, не говоря уже о рождении, а образование? И примите во внимание ещё лечение. И всё это для того, чтоб однажды доктор констатировал факт нашей смерти, - так и не ответив на вопрос от чего умер Василий Фёдорович, очевидно, что он и сам не знал отчего, Иосиф Абрамович подошёл к духовому оркестру, который удобно расположился под детскими грибочками, давая последние указания и также суетливо подошёл к нам.

- Студенты! - обратился он к нам, значит так. Все принесённые венки занесите в автобус и все за мной, на четвёртый этаж, будем выносить гроб. - Лифта в пятиэтажном доме нет, гроб предстояло нести нам спускаясь по лестнице, разворачиваясь на площадках узких лестничных клеток. Иосиф Абрамович спускался первым и корректировал наш спуск с гробом. Мы нормально прошли четвёртый этаж, как вдруг, на лестничной площадке третьего этажа открылась боковая квартирная дверь и из неё торопливо вышел Залмон Наумович Френкель

– доцент кафедры педагогики. Он засуетился, но успел крикнуть в открытую дверь жене – Фрида поторопись уже выносят, - и хотел было закрыть дверь, но было уже поздно. Он пытался назад, к себе в квартиру, потому что два студента разворачиваясь на площадке для удобства внесли головную часть гроба в прихожую квартиры Залмана Наумовича, а открывшаяся дверь квартиры сильно ударила проректора по хозяйственной части – руководителя похорон, который очутился в углу, и прижатый огромной старомодной ручкой с замком прямо в почку, причинившая ему ужасную боль, от которой, он вдруг запричитал на горско – еврейском языке. - Муьрауьм жон дедей! Эле –е – ее, э гьул дедей варавош туь, хэре Залмон(лей) дедей . Дугьуо(ймере)* (мои почки) зери ведешенди.¹

Не замечая Иосифа Абрамовича за дверью, которую невозможно было закрыть и освободить проректора из-за гроба внесённого в прихожую, Залмон Наумович от возмущения с отвисшей челюстью выбрасывал кисть правой руки, будто выкидывал зари при игре в нарды, тем самым подавая знак, чтобы гроб вынесли обратно, и отступал шаг за шагом в глубь квартиры . Его маленькое тело старалось противиться этому вторжению, и темперамент его от не выравненного дыхания не мог вымолвить ни слова и был не больше чем у покойника. Пока он думал, вокруг всего этого хлопотливой мухой кружила его сорокапятiletняя супруга Фрида, которой вдруг очень захотелось узнать от чего её супруг вдруг тронулся умом и лишился речи. Фрида была существом злым, но забавным. В молодости, защитив диссертацию, Залмон

¹ Вдруг запричитал на горско – еврейском - * Мама родная! Умираю! Ух –хххх, как больно! Залмон, Да чтоб ты от сюда попал прямо в мамины объятия! Дурачок ты мамин! Ты своей дверью и дверной ручкой «отбил мне почки»

Наумович женился, считая Фриду девушкой своей мечты, но только до тех пор, пока он не узнал мечты своей любимой Фриды. Любовь помогает прожить время, но к сожалению время убивает любовь превращая её в доминошную костяшку «пусто - пусто». Фрида, подперев бока руками молча стала посреди прихожей, злобно говоря своею стойкой «ни шагу назад». Залмон Наумович решил про себя, что если Фрида молчит, то лучше её не перебивать. Непонимание причин женской обиды не освобождает мужчину от ответственности и Залмон Наумович бросился помогать выносу тела из своей квартиры. Остальной путь прошли благополучно. Загрузили гроб в катафалк, расселись по автобусам и приехали на кладбище. Рассредоточившись у вырытой могилы и гробом рядом с ней, среди присутствующих образовался полукруг. Бывает, что человек после смерти, внезапно становится всеобщим лучшим другом и те, кто даже не знал его толком при жизни, выжимают из себя фальшивые слёзы и ведут разговоры о нём, якобы вспоминая. Со стороны было видно, как присутствующие тихо общались и многозначительно кивали головами.

Проректор Иосиф Абрамович сделал шаг вперёд, обвёл глазами всех присутствующих и спокойно произнёс:
- Слово имеет архитектор и зав. кафедрой прикладных архитектурных малых форм проф. Колонов Валентин Фёдорович.

Надо сказать, что на то время, пятидесятипятилетний архитектор был почти двухметрового роста и около двухсот килограммов на вид грузный и угрюмый, но с очень тонкой и ранимой душой и очень трогательно переживал кончину Василия Фёдоровича. Услышав своё имя он сделал шаг вперёд и в его просторном взгляде, образно говоря виделся свет, в доме котором никого нет, но он ЧУВСТВТЕЛЬНО ПРОИЗНЁС:

- Нет, я не хочу верить глазам! У меня просто нет слов! А

сам продолжал – Дорогой наш Василий Фёдорович, всякое разумное дело всегда имеет свое завершение. Жизнь твоя – это не чтение еженедельных гороскопов, где единственное место, когда у тебя есть деньги, слава, путешествия и идеальные отношения. - Он сделал короткую паузу и встретился взглядом со скорбящей супругой покойника.

Она всхлипнула и сквозь слёзы произнесла:

- Да! Василий был прекрасным отцом и мужем .

- Вся твоя жизнь – продолжал профессор – архитектор, это трудный творческий путь художника живописца и педагога, где живут только признания и уважения. И за каждым великим мужчиной всегда стоит великая женщина и он опять взглянул на супругу покойного, которая пришла в себя и ей снова стало не по себе.

- И этот кладбищенский простор созвучен с твоим многогранным и широким образом души художника – продолжал архитектор – память о тебе будет жить в наших сердцах пока мы живы.

Нависла гробовая пауза.

А вообще педагоги народ весёлый. Дружно и трудолюбиво бегают они на перекуры и обеды, а в другое время они могут часами рассказывать анекдоты и факультетские сплетни. Но всё равно люди помимо всего прочего отличаются друг от друга ещё и тем, что некоторые сперва думают, а потом открывают рот, в то время, как другие несут без разбору, что в голову взбрёт, вполне возможно и от волнения.

Даже если вы знаете пятнадцать иностранных языков, русский вам всё равно необходим на случай если вы упадёте, или уроните на ногу что – то тяжёлое. И чтобы нарушить паузу, пока проректор смотрел на список, кому следующему дать прощальное слово, Залмон Наумович сделал два торопливых шага вперёд, и второпях, нечаянно наступил на лежащую в стороне лопату. Неожиданно почувствовав удар по затылку её весомого черенка, от удара и боли которой он, страдая

агорафобией по привычке замахал кистью руки, будто выбрасывая зари, как в игре - в нарды, что –то тихо произносил с ужасной гримасой на лице. Толи от сильного удара по затылку, толи от нервного волнения он неожиданно для всех, и для себя спутал имя покойника с именем архитектора помня, что отчество у них одинаковое. Он гордо поднял голову и заговорил:

- Да, дорогой Валентин Фёдорович, не думал я, что сегодня мы будем прощаться с тобой навсегда. Какой замечательный человек был покойный. Какой прекрасный сосед и художник. Утром, когда мы встречались на площадке третьего этажа вы, дорогой Валентин Фёдорович приостанавливались и приветственно снимали шляпу. Обходительный, никогда не грубили, да и умерли вы тихо, будто бы во сне - Он поднял глаза и увидел дочь покойного. Она стояла в шаге от матери и в недоумении разглядывала присутствующих, которые перешёптываясь улыбались, остановив свои взгляды на архитекторе. Он перехватил её взгляд, и увидев архитектора, который в свою очередь стоял с покрасневшим от злобы лицом, выговаривая что –то негодующее, от которого Залмон Наумович сразу ушёл в плечи.

Паузу нарушила жена покойного. Продолжая плакать по усопшему супругу, она несколько раз назвала имя Василий, чтобы Залмон Наумович Френкель сориентировался в своей речи называя правильно имя покойника. Бывают такие решения, после принятия которых тараканы в голове аплодируют стоя. Залмон Наумович подумал, лучше не молчать. И чтобы не показаться полным идиотом, необходимо снова заговорить, развеяв все сомнения присутствующих, что он будто бы не в себе. Обществу нравятся люди, которые смело говорят нам, что думают, при условии, что они также думают, как и мы. И со словами:

- Прошу не мешать мне - доцент кафедры педагогики, не полагаясь уже на свои глаза, у которых ситуация заметно

расфокусировала воображение чуть опустив виновато голову отчаянно произнёс:

- И как сказал Валентин Фёдорович – Прощай дорогой Василий Фёдорович! И пусть тебе дагестанская земля будет пухом!

Возвращаясь с кладбища домой Валентин Фёдорович уже находясь в автобусе и проходя мимо Залмона Наумовича громко пробасил:

Френкель, всегда поступайте правильно! Это доставит удовольствие некоторым людям, которых вы обидели, удивит остальных, и удовлетворит всех прочих и тихо добавил – дурак.

Торонто. 1995.

КУДЕСНИК или ПРОРАБ РАЙОННОГО МАСШТАБА

Зиновий Петрович Ставропольский, прораб строительной передвижной механизированной колонны Дербентского строительного монтажного управления №3 (СМУ №3) сидел в своей прорабской конторке и курил одну сигарету за другой. Среди принесённой курьером утренней почты, разбросанной на рабочем столике, лежал открытый конверт с приказом за № 134 по управлению СМУ №3 о его выходе на пенсию – на заслуженный отдых, так говорилось в приказе. На душе было скверно.

- Я же помру без работы – думал Зиновий Петрович.
- Неужели мечта нашего государства, абсолютно здорового и не безденежного гражданина, всегда платившего налоги, убить приказом – днём его выхода на пенсию.

Опостылело всё на свете, так вот встал бы посреди строительной площадки, замотал бы головой, сначала рассмеялся бы, ну а потом может быть и заплакал. Зиновий Петрович был добрым и состоятельным человеком шестидесяти лет. Он мог бесшабашно состоять на отдыхе находясь дома и при этом состоять под надзором районного отдела ОБХСС.

- Мой самый шикарный отдых – это отдых дома, после отдыха на работе – говорил Зиновий Петрович.

Отдыхом он называл работу по дому и работу на государственной службе. Он никак не мог закончить строительство дачи, потому что воровал у себя кирпичи для строительства бани. Он был небольшого росточка с аккуратненьким носом, глубоко посаженными глазами

и если бы не залысина на голове, он чем - то походил на итальянского, флорентинского правителя Лоренцо Медичи, по прозвищу - Лоренцо Великолепный, покровителя искусств, но главным делом архитектуры. О себе и о своей профессии он отшучивался так:

- В школьные годы я прогуливал уроки на стройке и к концу пятого класса уже мечтал стать прорабом.

С районного управления поступила депеша - Работы прекратить, потому как «строительную колонну» перебрасывают на другой объект, на строительство кошар в колхозе имени «Сталина» и не начинать работ до прибытия нового прораба.

Стояла осень. После обрушившихся на землю дождей, ветер слегка морщил лужи, в которых валялись битые кирпичи и куски толи. А то, внезапно, будто рассердившись на отсутствие работ, стал срывать с земли куски рубероида, кружа и кувыряя их в воздухе, уносил с собой, беспорядочно разбрасывая их по всей территории строительной площадки.

- Эх жизнь – подлюка! Я объясню им там в управлении, всё на пальцах - и сложив комбинацию из трёх пальцев и получив в результате увесистый КУКИШ, он стал рукой сотрясать воздух приговаривая:

- Вот вам заслуженный отдых и незаслуженный тоже! Эх, - продолжал с досадой он,- жизнь поганка, выкинула мне место в обществе ... да не в том. Раз башка есть на плечах, живи говорит и никого не бойся!

В этот момент он вдруг почувствовал и даже услышал свой внутренний голос. Он не заметил сторожа Николая, который подошёл к окну и тихо заговорившего с ним. Голос вкрадчиво что -то наговаривал ему. Он вдумчиво прислушался и явно услышал:

- Проворовался весь, жил бы честно никого бы не боялся - говорил ему кто -то внутри, прямо у самого сердца. Зиновий Петрович хитро улыбнулся и решил задеть его,

как бы побольней.

- Мне бы в начальниках походить, и жениться бы на другой. А что, вторая жена у меня дура душой. Хайло разинет и давай пилить меня. «Лесопилка на дому». Жадная, из – за неё то и приворовывал. Дом выстроил – красавец, всё своё, с огорода, курятник на 300 несушек, всё ей мало. Эх, не то что первая – от бога дана была мне. Любила очень меня, беспокоилась за здоровье моё. Упокой Господь её душу! А может, из меня получился бы неплохой заместитель министра по строительству, или начальник отдела по борьбе с экономическими преступлениями. Ведь сколько важных ревизоров я вокруг пальцев обводил, сколько раз прикармливал их – этих самых ОБХСС(ников), задаривал их вот этими самыми унитазами. Да, человек человеку нужен, но можно ли верить им? Конечно же нет. - Зиновий Петрович широко улыбнулся и повторил с большей убеждённостью - **КОНЕЧНО ЖЕ НЕТ!** Во – первых Я ведь знаю их! И во – вторых Я не знаю их! Поди разберись. Обидно, - произнёс прораб. Необычно жить, когда никто и ничто не напоминает тебе ежеминутно о том какой ты важный человек на стройке со своим дефицитным материалом: Чешским кафелем, финской мойкой, и унитазами для гальяона. А шифер? Что уже никому не нужен? А белый минский цемент? Высший сорт. Коэффициент отражения 85%.!

- Ух судьба, сучка - злодейка! - в сердцах проговорил он. Его кладовка перевалочной товарной базы была давно уже пуста. Разворованная им самим же. На стеллажах, в первых рядах красовались ящики с новыми товарными ярлыками битой керамики, которую он списал, как естественную убыль, а вместе с ней пропали сотни квадратных метров дорогого кафеля, добротного шифера, десятки унитазов и аксессуаров для них и другие санитарно – технические приспособления. Да и выделенный государственный финансовый бюджет на строительство объекта был давно разворован, ещё в первом

квартале.

- Один прораб не делает мир хуже и не я развалил СССР – думал Зиновий Петрович сдавая строительный объект в эксплуатацию с большими недоделками, - да и овцы не утешатся, что их загоняют в бетонные стены – одно слово, бетонные. Большая часть бетона ушла на строительство фундамента собственного дома. Даже после того, как познакомившись с прекрасными людьми – комиссией сдачи объекта, в состав которой входили подрядчики, юристы и генподрядчики он душевно страдал, от того, что жизнь заставляет его притворяться глухим, юлить и лебезить, покорнейше улыбаться подсовывая в конвертах денежную взятку, а после сдачи объекта чувствовать себя КУДЕСНИКОМ – волшебником и колдуном. Подписывая документы сдачи объекта он восхищённо говорил рабочим:

- Ребятухи! А вот и наша премия! Ну разве я плохой прораб в масштабах района, а вам отец?

-Кого пытаюсь обмануть я всякий раз думая, что всё хорошо у меня и ладно? - сидя в прорабской думал Ставропольский. Домой идти не хотелось. Как сладко и прохладно видеть лица детей, недавно ушедших из жизни в расцвете сил – сначала старшего сына, потом дочки. Всю свою жизнь он работал на земле и с землёй, и вот только после смерти детей почувствовал её влажность, темноту и косноязычность к ней.

Эх, бляха – муха, Он смахнул набежавшую слезу, встал и вышел из конторки.

- Петрович, а Петрович – он вдруг услышал голос сторожа Николая.

- Что –то техники не видать, да и остаток строй материала. Чего охранять то?

- Вот и охраняй свежий воздух, уходим мы – недовольно ответил прораб.

- А раньше – сторож хотел что –то сказать, но прораб перебил его.

- А раньше! А раньше! А еще Раньше! Ненавижу это слова!

Заладил старую песню. А раньше закололи бы тебя копьём стрелыцы Ивана Грозного, вот тебе и раньше!

- Ты что взъелся – то?

- Э-э-эх не до тебя сейчас – резко рассекая воздух рукой прораб зашагал в сторону посёлка.

- Ишь ты, какой грозный, даже и полстакана не налил. -

Сторож Николай, раньше работал в СУ (в строительном управлении) инженером по технике безопасности и как прикомандированный жил в общежитии. И приезжая на строительный объект, всё засматривался на Галку – крановщицу и видя её равнодушный взгляд, сердился всеми своими складками на лице, от которых вздувался шариком его животик.

- Эй, Галка - кричал он ей - Ты что расселась, как герцогиня Люксембургская! Работать надо! Стерва ленивая! И возвращаясь в контору, доставал журнал «учёта воспитательной работы» писал:

Проведена беседа с крановщицей, товарищем Петровой Галиной о международном положении и поднятии производительности труда. Она же, всё подсмеивалась над ним и при виде его на стройплощадке кричала ему:

- Ну что, очкарик колченогий, давишь клопов в общаге? А однажды, она его как – то игриво хлопнула по попе двенадцатитонной плитой. Инженер слегка захромал и что бы не было скандала Зиновий Петрович взял его сторожем и возил с собой по строительным объектам.

- Петрович, а Петрович – кричал бывший инженер в след уходящему прорабу, - а налил бы ты мне, а то мне как – то не по себе.

- Дождись меня в конторке – крикнул ему прораб,- погода не просыхает, ну и я не буду - буркнул он себе под нос.

Николай зашёл в прорабскую конторку, сел на табуретку и с интересом стал рассматривать ежедневный рабочий дневник прораба Ставропольского.

26. 02. 65г.

1. Назавтра нужен раствор (Личное. Я не держу зла на армян, но моё зло неудержимо).

Разговор о дизеле надо поднять. Если не просишь, ничего не получишь. (Личное. Воспитанный человек никогда не пошлёт: «На...» или «К....», или «В....» он скажет: «Я вижу вы далеко пойдёте»).

2. Взять штатную расстановку. Кто есть Кто? Ху из Ху? (Личное. Издали все люди неплохие).

3. Бригада Евгения, 4 цех - курятник и прогрев всех цехов, 5я птицефабрика (Личное. Человек должен работать даже из любопытства).

4. Штукатурка в здании правления птицефабрики.
5. Бригада с Армении работает лениво. Они говорят, что они поклонники здорового питания, а сами жрут всё подряд. Одно шакальё собралось! «Поддай им всё на тарелочке». Будем расставаться.

3. 04. 65г.

1. Разговор с Яковлевым строится не на моих доводах, а на его требованиях.

Анатолий пидор, прикрывает свой голый зад. Всё делает в тихую. Ну я ему устрою «Удар судьбы в лоб» пинки в зад ему не помогают (Личное. Я намекнул ему, что очень много людей пропадает без вести, когда от слов переходят к делу).

2. Герасим захандрил по поводу расценок. Говорит, что личная жизнь накрылась работой – ни за хрен собачий! Работает нормально.

3. Один унитаз и 15 - ть квадратов керамики надо срочно списать. Его унёс этот хапуга Е.Д.

4. Списал, как заплатил за солярку – 1.300 руб. Надо поставить на сберкнижку на предъявителя.

10. 05 65г.

1. Армяне задолбали. Они нормально относятся к поездке на работу, но ждать восемь часов, чтобы приехать обратно их

реально утомляет. Лезут на рожон. Ну хрен с ними.

2. С освещением вопрос стоит остро. Всего один прожектор. Этот хапуга Е.Д. забрал два моих прожектора гонять горных баранов. Я списал их за счёт солярки на сумму 800р. И деньги поставил на сберкнижку на предъявителя.

3. Этот ЧУДИК – инженер Николай

Вдруг открылась дверь и вошёл Зиновий Петрович с пакетом в руке, с водочкой и банкой солёных огурцов. Бывший инженер так и не узнал, что было написано о нём. Прораб как увидел свой дневник в руках у Николая, так и пропел – Тво-о-ю мать! - Выговаривал он это здорово. Он настолько хорошо владел интонацией, что фраза «твою мать» могла и поругать, а то и похвалить, и поздороваться, и даже выразить своё соболезнование – одно слово, кудесник.

Он расставил купленные водку и банку солёных огурцов на столе, достал из тумбочки кружку и стакан, разлил водочки и смачно выпил.

Сторож смотрел на него и всё хотел спросить, но потом понял, что ещё не время для бесед, тоже опрокинул содержимое в кружке, закусывая огурчиком.

- Куда ж нас перебрасывают, на какой объект, на какую эстакаду? И что мы будем делать с этим? Дожди залили траншеи под трубы, а труб так и нет – вкрадчиво заговорил сторож, - вот раньше ... - Прораб остановил его жестом руки, наливая ещё по одной.

- Слушай Николай я расскажу тебе одну историю, а ты уж сам подумай.

- Ну, давай, выкладывай, что там у тебя, - они снова выпили,

- Ну тогда слушай:

- Едет на осле по пустыне мужик. А осёл давно уже устал, еле тащится, а потом совсем остановился. Мужик взял его за узду и потащил. Тащит, тащит, вдруг увидел в пустыне эстакады стоят, стройка какая – то идёт. Мужик подошёл и говорит строителям: - Такая вот проблема, осёл идти не хочет.

Прораб дал команду :

НА ЭСТАКАДУ!

Мужик завёл осла на эстакаду.

Прораб взял два кирпича и как ударит осла с двух сторон по яйцам. От осла и след простыл. Мужик обратился к прорабу

- А как же я его догоню?

Прораб не долго думая, приказал мужику.

- НА ЭСТАКАДУ!

Зиновий Петрович поднял стакан покорёженными земными трудами и ревматизмом пальцами и захмелевший, ласково понимая бесполезность притворства быть трезвым икая выговорил.

- Не дрейфь, Николай! - Снова налил водки обоим, до краёв, и командно – административно крикнул: Твою Мать! ВСЕМ НА ЭСТАКА –А- АДУ!

Торонто 2016

ЛУЧМАРИК ИЛИ СЛЕПОЙ МУЗЫКАНТ

Ярослав Григорьевич Лучмарик работал в школе учителем пения. Он носил чёрные очки с круглыми стёклами, какие одевают только слепые люди. А он и был слепой. В войну его ранило в голову. Старый профессор, оперировавший Лучмарика в военном полевом госпитале, говорил ему:

- Вы, мой друг должны понять, что есть люди, которым перебило позвоночник и они никогда, слышите никогда не смогут встать с постели, а у вас вся жизнь впереди. Вам всего лишь тридцать пять лет. Да и музыкант вы, просто нет слов, заслушаешься вашей игрой на баяне. Привыкайте друг мой, хотя к этому привыкнуть нельзя.

Знавал я одного музыканта – продолжал профессор – делающий марш из вальса и фрейлехс¹ из похоронного марша. Я не большой знаток музыки, но я посоветовал ему бросить фортепиано и идти в «Ансамбль песни и пляски Советской Армии», - но увидев лицо слепого лейтенанта смотревшего куда – то в сторону произнёс: - Ммм – дас, не смешно.

Были и у Ярослава Григорьевича хорошие времена. Окончив консерваторию по классу «баян и аккордеон», он разъезжал по городам давая гастроли в местных филармониях, ночевал в рублёвых номерах местных гостиниц, кипятил себе в баночке кипятильником воду, забрасывая щепотку краснодарского чая, разворачивал дорожный пакетик

¹ Фрейлехс - весёлая еврейская плясовая музыка.

рафинированного сахара, ложился на кровать в одежде, дожидаясь антрепренёра и всегда о чём - то думал. Приходил пожилой антре Яков Ефимович Черняк, выплачивал ему 47 рублей за концерт, оставляя себе «четвертную», остальной сбор шёл в пользу филармонии, и они ехали дальше, заезжали даже на попутках в жилые посёлки, где подолгу пустели дома культуры и местные клубы. Тут заработки были гораздо ниже, но зато в полную меру раскрывались вокальные таланты Ярослава Григорьевича, и его разгульная склонность провоцировать простоватых соотечественников к веселью в гостеприимном застолье. После концерта, как правило местный сельсовет приглашал артиста и его антрепренёра откусать, как говорится «Что Б-г послал». Ярослав Григорьевич поначалу отнекивался, мол неудобно и всё такое, но подталкиваемый Яковом Ефимовичем садился за стол и с уважением к присутствующим подымая тост за русскую музыку, выпивал стаканчик самогона закусывая салом и картошечкой, с интересом разглядывая сельчан: - Хорошо! - думал артист, когда к тебе приходит успех, но лучше, конечно, когда он тебя застаёт за столом. Хорошо – это может быть и плохо, но самое главное привычно. Радуюсь таким образом жизни Ярослав Григорьевич наливал себе ещё стаканчик для уточнения своей роли в том, что происходит, выпивал его устремляя свой взор вопросом: а за что? обращаясь к самому себе и закусывая капустой тут же говорил:

- Торжественная власть музыки! Вот за что!

Жизнь благосклонна к музыкантам, она словно знает краткость отпущенных им дней, и как по тайному уговору полагает быть готовой отдать людям полагающиеся им порции музыки.

- В музыке всегда бываешь наказан, когда исполняешь её из тщеславия – музыка может быть только скромной и искренней, - если бы я знал откуда приходят хорошие песни, я бы старался бывать там чаще – продолжал думать музыкант.

Он доставал свой баян, накрывал бархоткой колено устраивая его на груди ремнями и играл. Играл он красиво, высочайше, раскрывая сходство жизни с музыкальными звуками, обнажая обширность лица простых сельских людей, их доброту и красоту непрерывным рабочим трудом мышц.

- Слышь, Ярослав, а не уезжал бы ты от нас – говорил ему председатель поселкового совета и он же председатель колхоза,- в школе бы работал, детишек музыке бы обучал. Женили бы мы тебя тут, на той которая бы тебе приглянулась, а там глядишь, со временем и хату пятистенку тебе бы поставили.

- Это невозможно – говорил Яков Ефимович – он же артист высокого полёта.

Настоящий артист, музыкант, думает о своей работе всё время, хотя и не всегда отдаёт себе отчёт в этом, но понимает это позже, когда внезапно узнаёт что ему делать дальше?

- «ТЯЖЕЛА И НЕКАЗИСТА ЖИЗНЬ СУПРУГИ БАЯНИСТА» – вдруг запел захмелевший Яков Ефимович, наливая себе самогон мимо стакана, затем откорректировав движение руки и налив себе пол стакана спросил:

- А пол стакана музыки – это сколько граммов самогону?, - и не дожидаясь ответа продолжал – о чём говорят эти звуки - и неожиданно пропел их: - До, Ре, Ми - До, Ре, До-оо², а это значит, что очнувшись от своей игры Орфей³ застал свою жену в объятьях Морфея⁴ Ха – Ха!

Он выпил и не закусывая подняв указательный палец добавил:

- Унисон тем и отличается от унитаза, что в унитаз легче попасть. Хе –хе-хее –пьяно рассмеялся антре.

² До Ре Ми, До Ре – До – оо - музыкальная шутка среди музыкантов со смыслом ... А пошёл ты в

³ др. греч. мифология. – певец и музыкант.

⁴ др. греч. мифология - Б_г сна.

- Ярик, да не слушай ты их, твоё дело знай наяривай... Эх наяривай пой сынок, да чтоб слеза покатилась вниз.... ты у нас знаменитый такой, башковитый наш баянист, - он устало сел и заплакал.

Не в ту ли пору угощения, став сотрапезником обеда, поседевший как снег старый антре Яков Ефимович Черняк, а в прошлом знаменитый скрипач понял, что большая часть жизни уже прожита, а он один на этом белом свете и что из Ярослава Лучмарика будущее не составишь, и что баяниста ждёт та же самая участь, которая настигла его, он продолжал всхлипывать, сморкаясь в платок вытирая пьяные слёзы.

Война решила всё и за всех. Комиссованный из армии, весной, прямо перед окончанием войны, слепой музыкант вернулся в Дербент. Его армейская сдержанность дисциплинированно облекала бурю энергии бушующую в нём. Художественные и интеллектуальные лица прошлого стали редкими посетителями его памяти, а когда и посещали его он посылал им испуганно – отталкивающую гримасу, наливал себе полный стакан водки, выпивал его, выходил из буфета и постукивая тростью по мокрому асфальту возвращался домой, неся с собой новую, купленную бутылку водки. Глядеть, разглядывать и наслаждаться темнотой, этим даром поражённые слепотой люди, как правило не замечают уличной разновидности, они идут по своему опасному маршруту оберегая себя, чувствуя таинственный знак уносивший их от провокаций и ограждений существующих в жизни большого города.

Он явился в городской военкомат, чтобы стать на учёт и может быть получить хоть какую – то работу.

- Слушай Ярослав - говорил ему однорукий военком - тут меня с неделю назад председатель Городского отдела народного образования ну просто умолял, чтобы я нашёл ему учителя пения в школу им. Кагановича. Будешь получать пенсию по инвалидности и обучать детишек пению за

хорошую зарплату. Ну кому, как не тебе заниматься этим делом. Соглашайся.

- Я согласен.

На утро, на свой первый урок он как мог выгладил мундир, почистил бархоткой «Орден красной звезды и медаль за отвагу», протерев сапоги, предстал перед четвёртым классом. Представившись классу, назвав свою фамилию имя и отчество, он обратился к детям:

- Ребята я уверен, что у каждого из вас есть любимые песни и было бы здорово если бы мы сообща, в течении года разобрали бы их в музыкальной грамматике, и научились бы петь их правильно. У нас есть свой аккомпонемент - и Лучмарик присел на стул вытаскивая из футляра баян - Я думаю все знают эту песню и пропел строчку Расцвели яблони и груши. Поплыли туманы над рекой Ну ребята, смелей.

Он услышал, как с парты привстал какой – то ученик и шлёпая босыми ногами подошел к нему и тихо спросил - Дядь, а вы эту песню знаете? И он запел.

**.... Я помню тот Ванинский порт
И вид парохода угрюмый
Как шли мы по трапу на борт
в холодные мрачные трюмы.**

Голос мальчишки звучал мягко, уступчиво. Смущённо потупив лицо Ярослав Григорьевич предлагая помощь стал тихо подыгрывать не забывая голос оборванца. Все внимательно следили за событиями.

Видимо «почуя волю» и самовластное воображение песни, которое рисовалось босоному, он продолжал:

**- От качки страдали ЗК(а)
Ревела пучина морская.**

Лежал впереди Магадан Столица Колымского края.

Воспитание может иметь и обратное значение – думал учитель. Он чрезвычайно рано начал помнить себя, как музыканта, но как не парадоксально заниматься серьёзной музыкой ему не хотелось, всё его тянуло к музыке, которая в то время называлась «лагерные блошки», к песням, сюжетами которых были безвинно наказанные люди, отсидевшие в сталинских ГУЛ(агах) до и после войны. Раньше все боролись за мир, даже те, кто работал на военных заводах, а война всё же случилась. Ярослав Григорьевич улыбнулся и запел вместе с мальчишкой:

**- По лагерю бродит цинга
И люди там бродят как тени,
Машины не ходят сюда
Бегут спотыкаясь олени.**

Лучмарик вдруг почувствовал, что его душа сейчас играет роль тела и такая преувеличенность его личности есть воплощённая гармония с его желаниями, а главное с желаниями пацанов, атмосфера становилась ликующей и безумной и самое убедительное подтверждение тому было то, что запел весь класс.....

**Будь проклята ты Колыма,
что названа русской землёю...**

Но в это время открылась дверь и вошёл директор школы Джалил Казбекович. Он прогуливался по коридорам школы рассматривая стены и потолки, прикидывая во сколько ему обойдётся ремонт школы и личной квартиры в этом году, как вдруг услышал пение класса исходящего из актового зала, где

проходили уроки пения.

Какой Молодец! Не успел прийти, а уже поёт с классом. Он хотел было пройти мимо, но прислушавшись к словам песни он испуганно прикрыл рот, будто бы невзначай сказал, что –то нецензурное и постучал в дверь. Стук его из –за пения никто не расслышал, и он обиженно вошёл сам. Пузатенький и волосатый, в новых хромовых сапогах, в расписную шёлковую косоворотку с кисточками заправленную в новое офицерское галифе, в ультрамариновой кепке – шестиклинке с пуговичкой в центре и золотой челюстью, которая сверкала при его широкой улыбке вполне возможно сыгравшая великую роль при вручении ему «белого военного билета» с припиской «ГОДЕН К НЕ СТРОЕВОЙ», он пригнулся к Ярославу Григорьевичу прикрывая меха баяна своей холёной ладонью, остановил песнопенье, и чтоб услышал только учитель произнёс.

- Ви, мой дорогой Яруслав Гиргорович сами понимаете, что наши дети хоть кушают не досыто, но петь любят – он говорил с каким –то изысканным турецким акцентам, при этом в знак правоты своих слов подтверждал киванием головы.

-Что дети, да и ми сами поём даже, когда бурчит голодный желудок. Ми республика национальная, и было бы очень жэлателно, если бы ви преподавали музыку с национальным уклоном.

- Я и сам пою – продолжал Джалил Казбекович – Ви помните этот песня, очень красивый песня и слова там такие ггмм...

- и директор неожиданно запел подражая голосу Рашида Бейбутова:

- **Танцувать я совсем не могу**

Сыпатыкаюсь на каждом шагу

Почему же ты апять и апять

Пирглашаешь меня танцевать?

Ах как сладка серцу моему.

- Ну почему же вы так однобоко видите музыку? – хотел

было спросить учитель, но директор остановил его на слове – почему и прикрыв от удовольствия глазки продолжал пение.

- Ты спрашивиешь Почему?

- **Дагадайся самому.**

Ярослав Григорьевич молчал, весь его слух был занят речью директора, который обращаясь к учащимся, уже на звенящий звонок на перемену говорил:

- Дети, не забывайте главное правило:

Вилька, тарелька, бутылка – пишутся без мягкий знак.

Сол, Мол, Фасол – пишутся с мягкий знак.

Вот так –то, мой дорогой Яруслав, - он вышел вместе с учащимися продолжая подпевать себе под нос. Лучмарик укладывал баян в футляр и думал:

-Да, что – то неприглядное выходит с дурными предзнаменованиями, видно таков наш рок – вилами в бок. Собственно, работа в школе тоже по моему усмотрению, - но вот кроткая, блаженная, босоногая, школьная детвора вызывала в нём жалость, любовь и ощущение кровно – сострадательного родства. Он шёл с работы домой уже по отработанному маршруту заходил в Пассаж(торговый центр) покупал без очереди буханку серого хлеба, водки, рыбные консервы, и придя домой включал радио, пил водку и слушал передачу «Театр у микрофона». Он лежал и вдумчиво слушал музыкальное оформление спектакля. На его бледном лице отражался полусвет и тень исходящий из керосиновой лампы, он ещё не знал, что очень скоро он начнет пить даже на уроках, сначала незаметно, но потом дико и несусветно, безобразно, а Джалил Казбекович всё будет повторять подписывая заявление об уходе:

- Шукола всегда учить хорошему, главное не бояться перимен.

Лучмарика можно было увидеть в городском скверике. Он играл на баяне устроившись на скамейке и пел «лагерные блошки», а прохожие бросали ему в открытый футляр потускневшие

пятаки, да и вообще, кто сколько мог. Вскоре он там «приелся проходим» и мало уже кто бросал ему. Он уходил всё дальше и дальше от города к рыбацким посёлкам, а то и в обратную сторону, к трассе, за городские ворота. В последний раз я видел его в 70 – ом году прошлого столетия, весной уезжая в армию. Он сидел у чайханы расстелив газету на обломанной бетонной плите, обхватив руками баян и грустно о чём – то думал.

Он сильно постарел и изменился. Совершенно растерявшись и волнуясь я стал сбивчиво и словно нетрезво говорить, кто я и каких годов его ученик третьего класса, когда мы всем классом пели **Мы бежали с тобой от проклятой погони...** И как жадно записывали слова новых песен из – «лагерных блошек», но он молчал и грустно кивал головой.

- Сходи за водкой – попросил он меня.

Я купил ему водки, батон хлеба и сыр в гастрономе, что находился у городских ворот.

Вручая ему покупки и прощаясь с ним, он еще больше надвинув кепку на глаза тихо сказал:

- Значит в Армию. Береги глаза.

Торонто 1995.

БЕССТРАШНЫЙ ГИВ¹ или ЗЕЛЁНЫЙ ОГОНЁК ТАКСИ

Диспетчера работали как обычно нормально. В час пик успевали подавать машины клиентам, хоть и не очень быстро, но и таксисты не спешили. Подавали в основном японские машины не канадские и американские «фуфлолайки», которые и так чуть не разваливаются по дороге, а порой и без кондиционера и не работающих замков ремней для пристёгивания, подавали, но не на долгие поездки. С какими только жизненными ситуациями не приходилось сталкиваться таксистам, хотя это вовсе не удивительно, поскольку они ежедневно общаются с людьми, а как известно люди все разные и у всех свои странности. А бывают и такие дни, когда всё как – то не ладится. Вроде ничего серьёзного: там какой – то «ишак подрезал дорогу», здесь в стихийную пробку попал, что даже пешеходы обгоняют и эти же пешеходы, в спешке выскакивают на проезжую часть дороги, чтобы перейти на другую сторону улицы, как «самоубийцы». Или светофоры упорно горят красными, так себе ничего серьёзного, слава Б – гу, никаких аварий и разборок с клиентами, просто город Торонто перенасыщен населением и автомобилями.

Так думал Ирмия Гедельяев сидя в своём кебе² и в полудреме слушая голос диспетчера. На линию он выезжал рано, в пять утра и каждое утро чувствовал себя скованно, тяжеломерно в свои пятьдесят три года. Первым делом он заезжал в «Tim Hortons»³ покупал себе кофе, ставил машину на паркинг и в предутренних сумерках разглядывал людей суетившихся

¹ Бесстрашный Гив - Шахнаме (Иранский эпос.)

² ... сидя в своём Кебе - ... сидя в своём такси

³ Канадский кафетерий.

у заправочных бензоколонок. Несмотря на ранний час в Торонто было достаточно многолюдно. Вчера так и не дождался последнего шара под номером 40, а ведь был уже на выкате. Не крикни из зала чей – то голос «BINGO!»⁴ на предыдущий шар «Jackpot»⁵ в 2.000 доллара был бы моим выигрышем – думал с сожалением Ирмия о вчерашнем вечере проведенном в клубе. Он сделал глоток горячего кофе.

- Ох, хорошо, даже глаза открылись. Интересно, кто этот человек в мундире торопливой походкой идущий прямо к такси. Лётчик что ли?

- Шеф свободен? – в свою очередь спросил лётчик.

- В аэропорт, срочно.

- Быстро поедешь – медленно отнесут,- пронеслось в голове Ирмия, а вслух произнёс: - Нет проблем, командир! В нашем селении «Бояться нету!».

- Скорость дарит утреннюю энергию, ну и прекрасно! - удовлетворённо произнёс лётчик, садясь в такси. Ну с Б-гом поехали.

- Пятый, пятый ответьте – запрашивал диспетчер,- пятый слушает – отвечал Ирмия.

- Пятый вы можете забрать человека спешащего в аэропорт? – продолжал диспетчер.

- Да могу подхватить, это мне по пути и у меня ещё три свободных места.

- Он боится опоздать, вылет в 8:00 ам. Он спрашивает успеете ли вы? – допытывался диспетчер.

- В нашем селении «Бояться нету» - весело отвечал Ирмия – доставлю в срок. Я ему гарантирую, что он не опоздает на свой рейс, потому что я везу в аэропорт лётчика этого самолёта. Лётчик улыбался на заднем сидении и понимая, что будет ещё один пассажир решил заплатить свою долю за проезд и

⁴ Клуб для любителей игры «Лото».

⁵ Самый крупный выигрыш в лотерее

протянул таксисту деньги.

- Ничего так не укрепляет веру и доверие, как предоплата и слова: «Сдачи не надо» - улыбаясь по восточному ответил Ирмия забирая деньги.

- Давно работаешь таксистом? –спросил лётчик.

- С тех пор, как помню себя – отвечал Ирмия, - однажды сядясь на унитаз, я начал пристёгивать ремень безопасности отмотав полрулона туалетной бумаги, и тогда я понял, что я настоящий таксист-профессионал.

- Да, забавный случай – продолжал улыбаться лётчик. Видимо общая дорога сблизила его с попутчиком и таксистом.

- Ну будь здоров! Найдёшь в свой жизни хорошее место, паркуйся! - пожелал ему лётчик, выходя из машины.

- Спасибо авиатор! «Have a nice flight back home!»⁶ - в свою очередь ответил ему Ирмия и напоследок крикнул – «В нашем селении бояться нету!».

За двадцать пять лет проживания в Торонто он многое увидел и пережил. Прежний нарисованный им мир увеличивал его свободу, но бутафорский распадался даже по мелочным жизненным вопросам и производил зловещее впечатление. Вот он усталый человек, намотавший сотни и сотни тысяч километров, работающий по двенадцать, а то и по четырнадцать часов в сутки стал потихоньку отвечать на вопросы когда – то заданные себе. Один ответ у него уже был «Волка кормят ноги, а таксиста колёса», может быть и другие найдутся откуда – нибудь, ну хотя бы из этой же усталости – думал Ирмия.

Заморосил дождик, Ирмия закрыл окно. Да, нельзя обижаться на погоду. Нет, погоду определённо бранить нельзя. Половина человечества не знало бы с чего начать разговор, если бы погода не менялась. А дождь в Торонто идёт с 1793 года, со дня его образования. Он улыбнулся

⁶ Счастливого возвращения домой

своей шутке. Он припарковался на стоянке «Promenade mall».⁷ Здесь, в тени деревьев паркуются наши «кавказские таксисты» в свободное от заказов время, гоняют в нарды обыгрывая друг друга, приговаривая: «Пришёл спасибо, ушёл большое спасибо!». Жаль, что ещё никто не подъехал, поболтать не с кем. Высшая степень смущения – это когда два взгляда неожиданно встречаются в оконном стекле, Ирмия вдруг увидел, что кто –то вглядывается в окно такси приставив ладонь ко лбу пытаюсь разглядеть есть ли кто внутри. Он приоткрыл окно.

- Не могли бы вы отвезти меня в парикмахерскую, которая находится на улице «А» - спросил его мужчина средних лет.

- Нет проблем! Садитесь!

- Спасибо! Вы знаете? - сразу начал разговор пассажир,

- вот я, к примеру, по профессии парикмахер и считаю, что уважение к клиенту, даже облысевшему, должно быть обязательным. Неуважение к человеку – это грех, а уважение – это совершенно необходимое средство нейтрализовать активность начальников – дураков, руководящих простым человеком, - он говорил быстро, будто боялся, что не успеет высказаться. - Надо беречь Родину, а жить обязательно за границей – говорил он, - вы извините меня, может я много говорю это у меня профессионально. Я, когда разговариваю с клиентом у него волосы становятся дыбом и мне это «на руку», стричь удобно. Жизнь полна невзгод и разочарований, пока вы не находите себе именно такого парикмахера, который вам нужен. Вот вам моя бизнес карточка, звоните, приходите, буду очень рад. А вот и приехали, получите за проезд - парикмахер протянул деньги с мелочью и вышел.

- Вот крах!- подумал Ирмия - заплатил тютелька в тютельку по

⁷ Крупный торговый комплекс со множеством павильонов предлагающих потребительские товары.

счётчику, даже «чаевых» не оставил. Эти цирюльники знают всё, даже как надо управлять государством, только вот почему – то их не приглашают работать в аппараты управления. Если в слове парикмахер букву «М» заменить на букву «Н» то смысл слова получается очень даже забавным. Он опять улыбнулся своей шутке.

- Monsieur*(фр. Месье) мне на улицу «Т» отель «Н» - буду вам очень благодарна - с французским акцентом проговорила средних лет дама.

Ирмия помог ей внести покупки и хотел было по привычке сказать: «В нашем селении бояться нету!» но почти пропел: Но-о-о проблем! Ехали молча. Он посматривал в зеркало на заднее сидение, ему было почему - то приятно смотреть, как достав из сумочки зеркальце, она поправляла причёску. А вот и отель. Дама вышла с покупками протягивая ему сто французских франков. Он хотел сказать: - О мадам, я не знаю как поступить у меня нет французских денег, чтобы дать вам сдачу, и я не знаю сколько французский франк стоит по курсу в канадских долларах, но он не знал второго государственного языка Канады, а на английском языке он не смог сложить это сложносочинённое предложение в уме и неожиданно для себя вдруг сказал, то что подвернулось на язык: - «Мерси боку мадам*» и уехал, оставив женщину с покупками изменившуюся в лице от произошедшего нахальства.

Ещё пару пассажиров и домой, очень устал. У русского ресторана проголосовала женщина лет сорока пяти. Садясь на переднее сиденье своим крупным габаритом, Ирмия вдруг почувствовал, как присел передний мост машины и что его пассажирка под весёлым шафе.

- Вперёд! – скомандовала она закрыв глаза.

- Мадам, куда едем? – спросил улыбаясь Ирмия.

- Ты что пристал скотина, сейчас получишь сумкой по башке!

- вдруг возмутилась она.

- Это вы мне? - с недоумением спросил Ирмия - я бы хотел

знать, куда вас отвезти, на какую улицу?

- А почему тебя это так интересует? - подозрительно спросила пассажирка, - обоснуй сейчас же.

- Наверное от того, что вы находитесь в такси, а я таксист этого кеба и моя обязанность отвезти вас по указанному вами адресу.

- А ты я смотрю любишь подурачиться. Хе – хе –хе. На улицу «К», а там я покажу. А можно я тоже поручу?

- В следующий раз – ответил Ирмия. Подъехали к «т» образному перекрёстку, Ирмия притормозил: - Куда, налево, или направо?

Женщина приоткрыла глаза и пьяно пропела: нале –е – е - во. Ирмия завернул налево. - Ой, пардон, нам напра – а – а –во. - Плохое знание своего адреса не освобождает клиента от уплаты за проезд,- остановив у дома шутливо произнёс Ирмия. Дама вдруг оживилась и уставившись на Ирмия азартно заговорила.

- Жизненный опыт похож на удачный лотерейный билет. У меня в зажатом кулаке 100 долларов, если отгадаешь в каком деньги - они твои, а нет, как говорится «на нет и суда нет!».

Она протянула к нему обе руки. Ирмия хотел было возмутиться, но понимая большую разницу между оплатой за проезд и предлагаемыми ста долларами решил рискнуть.

- В правой – бодро сказал он, тронув пальцем её правую руку.

- Эх бедолага, не везёт тебе - она раскрыла свои пухленькие кулачки показав 100 долларов в левой руке.

- А может чашечку кофе? – спросила таксиста подвыпившая весёлая мадам.

- Да конечно, с удовольствием – ответил обрадованный Ирмия, предвкушая другой оборот дела собираясь уже выйти из машины. Но к его великому изумлению она открыла сумочку и вытащила из неё две пачки растворимого кофе, взятые с корпоративной вечеринки, и протянула ему.

Эх, очевидно надо научиться радоваться тому, что есть. Но

высший подъём настроения радоваться тому, чего нет. Жизнь слишком коротка, чтобы проживать её с кислой физиономией. Живи весело, а деньги придут! В нашем селении бояться нету! За окном стоял глубокий вечер. Он включил в салоне зелёный огонёк такси и тихо произнёс: - Я знаю, как надо, но сделаю так, как хочу! Bingo!

Торонто 1996

ОДИН ДЕНЬ НОТАРИУСА ЦВЕТКОВА или СКАЗОЧНИК В ЗАКОНЕ

Борис Натанович Цветков, мужчина сорока пяти лет, нотариус, любящий отец и свою работу сидел у себя в кабинете и ждал пока у него не появится чувство ласкового приглашения зайти к нему ожидающего за входной дверью клиента, у которого от ожидания приёма в недоумении создавалось чувство одиночества причиняющее нетерпение и нежелание отрицательного решения вопроса своего дела.

- Господи - продолжал думать он - сколько их там, за дверью, неприкасаемых, разных, чтимых окружающими и ненавидящих друг друга и из разных слоёв общества. Даже такое святое отношение людей, как брак, по их определению не может быть хорошим делом, а развод по их же определению можно считать просто мошенничеством. Юриспруденция знает немало поговорок образовавшихся из жизни воров и мошенников – продолжал думать он.

«Не пойман – не вор» - эта поговорка может даже быть презумпцией невиновности – он улыбнулся этому глуповатому открытию. Или вот эта «На воре шапка горит», а это уже страх индивидуума ушедшего в антисоциальную активность с угрозой вмешательства нормативно - юридических документов. Да это уже посерьёзней.

А вот ещё вспомнилось «Кто старое помянет – тому глаз вон». А эта поговорка наверняка говорит о принципе однократной ответственности только за одно правонарушение.

В дверь постучали нервным отрывистым стуком, видно

фалангой безымянного пальца или перстнем. Борис Натанович вздрогнул и живо вернулся в рабочую действительность.

- Одну минуту – крикнул нотариус, складывая разбросанные на столе бумаги в одну стопку.

- Входите - крикнул он стучавшему в дверь.

Дверь открылась и в кабинет вошла красивая женщина лет тридцати, от которой веяло весной и фразой: «Возлюбите своих врагов и они сойдут с ума пытаясь понять, что вы задумали».

Борис Натанович встал и пошёл ей навстречу. Вот это да –а-а-а пропел он приговаривая – «Закон как дышло – куда поворотил, туда и вышло».

- Что привело ко мне в это обычное утро прекраснейшую феиду.

- Можете называть меня просто Сонечкой – кокетливо из под бровей заговорила она.

- Видите ли, друг мой - продолжала она – Мне нужна справка, а скорее копия решения суда заверенная вашей рукой и вашей могущественной печатью о том, когда дети в суде сказали что хотели бы остаться жить с папой их отец передумал разводиться, - она как – то печально глянула на него, тем самым объясняя своё легкомысленное воспоминание.

- Сонечка, позвал её Борис Натанович, целуя ее браслетик на запястье, - нет ничего проще и ничего дешевле, как выданная копия решения даже небесного суда, но мне очень не хотелось бы вас возвращать в упомянутую вами эпоху. Вам, как исключение я напишу и заверю её за пятьдесят рублей, - но увидев её возмущённое лицо продолжил - самое важное изобретение в истории человечества – это письменный договор. Он позволяет людям изложить на бумаге все причины, по которым они доверяют или не доверяют друг другу и самое главное решение не должно

трактоваться двояко.

Сонечка вышла, оставив на столе пятьдесят рублей, забрав нотариально заверенные копии.

- Сонечка вы такая воздушная.... Ну прямо как тревога

- проговорил нотариус, когда за ней захлопнулась дверь.

В дверь опять постучали всеми пальцами, будто отбили кавказский барабанный ритм. Борис Натанович не успел ещё сказать – входите, а дверь уже открылась и вошёл кавказец, примерно такого же возраста, как и он, в кепке «аэродром», в добротном костюме и в лакированных штиблетах. Цветков встал из –за стола и пошёл ему навстречу такой радостной походкой, будто увидел старого приятеля.

- Здравствуйте дорогой нотариус, меня зовут Таймураз и у меня к вам дело.

- Слушаю вас, мой дорогой Таймураз

- Моему дедушке Иллариону недавно исполнилось девяносто девять лет. И когда он задул все свечи на праздничном пироге, я понял, что свой дом и виноградники он мне ещё не скоро отпишет. Мне кажется у него начался склероз. Я пришел обратиться к вам написать завещание вместо него.

- Извините уважаемый Таймураз, ваш дедушка Илларион сам должен присутствовать при составлении завещания. И почему вы решили, что у него склероз, это заключение врача, или как?

- Да нет, к врачам он не обращается, он чихнул всего один раз в жизни, когда ему предложили понюхать табак. Это я подумал, что у него склероз. Он уже в третий раз спрашивает меня чем закончилась в Петрограде государственная заварушка в 1917 году. Видите ли дорогой нотариус, цивилизация привела нас к тому, что уже не важно это законно или противозаконно, но важно что хороший нотариус или плохой.

- Если вы говорите о приметах времени – то очень скоро завещания будут состоять из компьютерных логинов и паролей и склероз тут конечно же опасен и очень важно не забывать ни первое, ни второе – улыбаясь заговорил Борис

Натанович,- идите домой и наберитесь терпения. Мы все не вечны на этой земле.

- Дорогой нотариус из –за того, что у меня нет дома и, что живу я у отца, я даже не могу жениться –продолжал Таймураз, - моя невеста не верит мне, что я её люблю и думает, что я позарился на её двушку.

Но Борис Натанович перебил его:

- Женится! Ха-ха конечно дело Б-жье! Я даже могу рассказать вам как я женился. Звонок в дверь.

Открываю, смотрю стоит красивая шатенка, которая стала мне нервно выговаривать, что она в жизни ещё не встречала парня, который бы её не замечал. И что наши балконы расположены напротив друг друга, и что она, вот уже второй месяц наблюдает, как я качаюсь своими железками и не замечаю её, в то время, как она уже загорала почти голой и танцевала ламбаду, и наконец стала кричать и звать меня. Всё хватит, я устала соблазнять тебя, завтра идём в ЗАГС. Вот так и живём уже восьмой год. А на балконе качался мой глухонемой сосед. И чтобы доказать ей, что я её тоже полюбил, мне пришлось показать ей справку «о своей любви» заверенную нотариусом. Такую справку о твоей любви я могу тебе написать и заверить государственной печатью за 50 рублей.

Таймураз снял кепку, вытер начинающуюся лысину, сдвинул уголки рта вниз от которых его нос казался ещё длиннее и в этой задумчивой гримасе произнёс – Хорошо я согласен, напиши, чтобы всё было красиво.

- Рад был тебя видеть генацвали ! Приходи если она не поверит, у нас есть 10 дней на апелляцию её решения. Таймураз вышел, а в открытую дверь вошёл старик – пенсионер.

Без всяких приветствий он протянул нотариусу бумаги и гулко откашливаясь сказал – Хочу заверить.

Борис Натанович развернул свёрнутые в рулон бумаги и

принялся читать, быстро бегая глазами по тексту:

В Дербентский Городской Суд ИСТЕЦ - Хомутов Степан Абрамович, рождённый в селе Араблинка Дербентского района в 1904 г. Справка ПМЖ УВД г. Дербента от 20 августа 1966 г. И далее «о возмещении морального вреда выразившийся в просьбе о приёме на работу и в моральной обиде». Неужто начальникам дано право тыкать меня лицом в то место заявления, где я должен был расписаться, ну подумаешь ошибался четыре раза. Меня тут же принудили писать заявление об увольнении, хотя обязанности сторожа я исполнял исправно, с доброй совестью, все всевозможные хищения мною были предотвращены. Чтобы пройтись по территории птицефермы надо было следующее – спервоначалу принять угощения дозами - коньячного спирта и закрыть глаза и потворствовать на мелкое воровство кур и яиц куриных в небольших количествах, но и впоследствии соучаствовать самому. Вначале я от чарок отказывался, понимая что нахожусь на службе, тем самым нажил себе негативную эмоциональную экстатику¹ со стороны сослуживцев и в том числе от своего руководителя зам. начальника охраны товарища Евдокима Гавриловича Захаркина, который сыскал предъявить мне повод и счёл возможным предъявить мне претензии, якобы я вечером выключил свет в дежурке. На объектах же свет был включён. А в дежурке и воровать нечего, одни крысы бегают. Негативная экстастика была совершенно беспочвенна. Но Захаркин принял этот просчёт со светом существенным и, когда назавтра я пришёл на дежурство, то на своём месте увидел водителя водовоза Якова Шумова, который был уже пьян и говорил мне всякие поганые слова без всякой прослойки. Он также сказал, что я уволен, обозвав меня старым пидором. Я встретил Захаркина, который

¹экстастика - состояние человека за счёт переживаний или возбуждений.

стал тыкать мне в нос моё заявление об увольнении по собственному желанию, которое они состряпали вместе с Яковом Шумовым. Я многократно обращался по месту работы, чтобы они заплатили мне за целый месяц мою расчётную заработанную плату, но мне всегда было отказано. Прошу Дербентский Суд рассмотреть моё заявление и определить сумму компенсации не менее пяти тысяч рублей. Прочитав заявление истца нотариус улыбнулся и спросил - Пять тысяч? На всё ли хватит? - и ничего больше не говоря и не задавая вопросов Борис Натанович размножил его в трёх экземплярах, расписавшись и заверив печатью вернул Степану Абрамовичу.

- С вас уважаемый правдоискатель шесть рублей двадцать копеек.

Старик развернул платочек, посмотрел на мелочь и на две оставшиеся трёшки и проговорил самому себе:

- А до пенсии ещё две недели - Нотариус отвернулся, чтобы старик не видел его жалости к нему медленно произнёс:

- Один экземпляр копии оставите себе, второй для суда и третий на всякий жизненный случай, а деньги принесёте, когда получите компенсацию. До свидания Степан Абрамович. Старик вышел поблагодарив его. Нотариус механически посмотрел на бумагу упавшую на пол и так же привычно провёл глазами по напечатанным строчкам.

- Не понял ! – проговорил он подбирая лист бумаги с пола – куда этот лист я готовил? - И вслух прочитал его ещё раз- «В пользовательское соглашение помимо пунктов – Я согласен с условиями и Я не согласен с условиями, нужно добавить третий пункт. Я не согласен, но хотел бы продолжить». Он профессионально (дежурно) улыбнулся говоря себе: - Да, нотариус это такая профессия доказывающая самому себе, что ты – это действительно ты! Кошмар! Однако пора домой - Борис Натанович запер контору, сел в свои Жигули первого выпуска и через полчаса был уже в посёлке Огни, где он и

проживал с женой и пятилетней дочкой.

- Лиза - обратился он к супруге - у Ханны кажется температура.

- Да. Она простыла в детском саду. Мы уже ужинали, уложи её спать, а я тут пока достаю.

- Папа расскажи мне сказку, ну ту которую ты не до рассказал.

- Ханночка, солнышко моё, ты же знаешь, что я не могу рассказывать сказки – я юрист.

- Ну как можешь, ну пап, папа...

- Ну хорошо слушай дальше, где я остановился? Ах, да. Ну вот: побежал волк другой, короткой дорогой, опередил КРАСНУЮ ШАПОЧКУ и затеял преступление предусмотренное статьёй 105 -ой УК РФ преднамеренное умышленное убийство без квалифицированных признаков убийства бабушки с отягчающими обстоятельствами.

- Дёрни за верёвочку и дверь откроется- отозвалась ни о чём не подозревавшая бабушка. Но здесь можно применить статью 115 (часть первая) УК РФ защищающую жизнь каждого человека и предусматривающую ответственность лишением свободы от семи до пятнадцати лет. Волк вошёл и съел бабушку, а сам лёг на её место и стал ждать КРАСНУЮ ШАПОЧКУ.

- Преднамеренное, умышленное убийство двух или более лиц, а КРАСНАЯ ШАПОЧКА становится уже второй жертвой волка и наказывается статьями 116 – 118 настоящего кодекса УК РФ. Ну вот постучала КРАСНАЯ ШАПОЧКА в дверь, а волк одевший бабушкины очки ласково проговорил ей – Дёрни за верёвочку и дверь откроется, - вошла КРАСНАЯ ШАПОЧКА и села у кровати бабушки:

- Бабушка, бабушка, а почему у тебя такие большие очки? – спрашивает она. Тут волку можно предъявить статью 158 УК РФ за квалифицированную кражу очков со взломом дверей.

- А чтобы лучше видеть тебя моя деточка – сказал волк.

- Бабушка, бабушка а почему у тебя такие длинные уши? – спрашивает КРАСНАЯ ШАПОЧКА.

- А это, чтобы лучше слышать тебя моя внученька.
Вот тут волку можно предъявить статью 163 УК РФ за подслушивание, шантаж и вымогательство и наказывается сроком тюремного заключения.

- Бабушка, бабушка, а почему у тебя такие острые зубы?

- А это чтобы съесть тебя (второе преднамеренное убийство статья 115, часть вторая УК РФ мы говорили уже об этом), но к счастью на помощь пришли охотники и убили волка. В соответствии со статьёй 73 УК РФ, а также не учитывая личности подозреваемых в убийстве и положительные характеристики с места работы охотников, то они получили два года условно и месяц на обжалование решения суда. Ханночка уже спала и снилось ей что волк горько плачет, а папа успокаивает его и спрашивает – Будешь дружить с КРАСНОЙ ШАПОЧКОЙ и тебе бабушка свяжет такую же.

Торонто. 1997.

БЕК ЖИВИ – БЕК УЧИСЬ или FINGERHUT¹

Адам Аронович Илюшин устроившись на ночлег, на раскладушке, которую он сам выпросил у добродушных хозяев, долго не мог уснуть. Хозяева- родственники предлагали ему устроиться на раскладывающейся софе и в отдельной комнате на втором этаже дома, но он вежливо отказался. Переворачиваясь с боку на бок, охая и кряхтя, чмокая и вытирая пот уже промокшим полотенцем он с умилением вспоминал свои студенческие годы, когда он приехал из Дербента молодой и воздушный от своей худобы поступать в ДГУ на факультет иностранных языков с профилирующим – немецким, носился по коридорам университета, стараясь говорить с друзьями только на немецком языке (как это было принято у студентов) перед экзаменами, а отечественная раскладушка из выгнутых алюминиевых труб с натянутым на пружинах по периметру брезентом казалась ему просто царским ложем.

- Ну, да ладно, ещё одну ночь – думал Адам Аронович. А завтра вечером поездом Махачкала – Москва до Мин. Вод выпляшусь в вагоне СВ, а через час на такси буду уже в Пятигорске.

Настоящий мужчина должен быть уютным, как домашний халат. Одел его после душа и чувствуешь то одно, то другое. А скинешь его, чувствуешь себя счастливо и жена добрая и тихая. Это ж сколько лет прошло, когда я в последний раз приезжал к родственникам. Мне самому уже пятьдесят

¹ Напёрсток (Немецкий язык)

три, тётке за девяносто, плохо слышит и почти не видит, двигается на ощупь, знает, где у стены расположен диван, а тут стол и стулья. Её старшему сыну Самуилу – шестьдесят пять, младшему Ицхаку – шестьдесят три. Мои двоюродные братья приятные люди. И так можно подсчитать: пять лет учёбы в университете, аспирантура, защита кандидатской диссертации, отъезд в Пятигорск, работа на кафедре немецкого языка в педагогическом институте и по сей день, этак лет двадцать и проскочило незаметно. Да и вес уже не тот. Сейчас во мне килограммов сто двадцать не меньше. Чёрт, пружины трещат, а брезент пожалуй может и не выдержать. Зря отказался подняться наверх. Да и тётушка, что – то бормочет во сне, бедняжка высохла вся. А какая красавица была в молодости. До сих пор хранит документы на виноградные плантации отнятые Советской властью у её отца – Давида, который подписал дарственную новому правительству государства. - Всё равно отнимут – думал он, - да ещё в Сибирь отправят.

- Сколько же в мире радостей, в которых отказываешь себе из за хорошего поведения - говорила тётушка.

Адам Аронович уже засыпал, как вдруг почувствовал, что кто –то мягко тронул его плечо и почти пропел тоненьким голосом:

- Ада –а –аам это ты? - Адам Аронович в испуге приподнял голову, ему почудилась, что сама смерть нависла над ним, в наказание за ненаписанные диссертации, за которые люди заплатили ему и никак не дождутся их завершений.

- Ах тётушка Михал, это вы. Как же вы меня напугали. Ну что вам не спиться. Свадьба прошла красиво. Гости разошлись. Все давно улеглись спать оставив все дела на завтра. Ну что вам не спиться.

- Ада – а аам – пропела тётушка Михал – Ты помнишь на нашей улице, в Дербенте, по соседству с нами жил престарелый мужчина, ему было около семидесяти лет, его звали Мухоил –

Шимон. Мне было в ту пору всего лишь тринадцать лет. Вот интересно мне, жив он или нет?

- Да! Он жив и здоров! - в сердцах простонал Адам Аронович.

- Господи! Смерти прошу у тебя! Не откажи мне. Господи не для себя же прошу. Он однажды позвонил мне и больно ущипнул за попу.

Адам Аронович повернулся к ней и как мог ласково заговорил:

- Милая тётушка, когда вам было тринадцать лет меня еще не было на свете. Мухомил – Шимона я не помню и он наверное давно уже покинул этот мир.

- Так ему и надо, богохульцу и нечестивцу. Про него говорили, что у него восемь жён. А как здоровье твоей супруги Людочки и детей Исаака и Фимы?

Адам Аронович вспомнил свой отъезд, как стоя у зеркала в ванной он наспех брлся и просил супругу Люду собрать его в дорогу. Когда – то в студенческие годы, Люда Гинзбург была подвижной и красивой девушкой. Ситцевые платья на ветру, всегда обрисовывали её стройную фигурку. Прошли годы и Людочка очень изменилась. Она сильно поправилась и мало двигалась. В ванной собирались вещи для стирки, в мойке грязная посуда. И тогда Адам Аронович сам принимался мыть посуду приговаривая:

- Людмила Исаковна, Вы просто засрались! Вот сделай дважды что -нибудь добровольно, на третий раз от тебя этого будут ожидать, а на четвёртый уже требовать.

Людмила читала рекламу в журнале под названием «Быстро и качественно».

- Послушай Адам, что тут написано:

- Отбеливаем зубы, удаляем родинки, красим волосы везде, меняем пигментацию кожи. Недорого, фирменное оборудование. Может мне перекраситься в блондинку. Но Адам не слушал её. - Господи никто не знает, что такое счастье и когда оно приходит, но каждый может сказать – его нет,

или вот оно уходит. Не умеешь настоять на своём? Тогда насиживай – думал Адам Аронович. - Женщина – это всегда звучит гордо, но бестолково.

Он бросил в портфель две не распакованные рубашки, пару новых носков, и ещё что-то, считая необходимым, бутылку армянского марочного коньяка «Арарат» и погрузился в такси.

- Человеческая биография очень похожа на зачётную книжку студента – продолжал думать Адам Аронович. - Побывали бы эти студенты в шахтах, на добыче угля, тогда бы им учёба показалась бы мёдом и перестали бы пугать фразой: - Я подумал(а), - а говорили бы прямо – мне в голову взбрело. А тут ещё подвыпивший Ицхак удивил меня выговарвая:

- Чего ты полез в спор с доктором Яковом – говорил Ицхак - и из кожи вон лезешь крича с пеной на губах что диалект фарси горские евреи унаследовали от хазар.

- Так значит ты без рода и племени, и не еврей, а какой то хазар – спокойно говорил доктор Яков улыбаясь. Значит еврейскую религию ты унаследовал у хазар, которые принесли истории одну разруху. Есть мнения учёных и раввинов, что в 6-8 веке хазары познакомившись с мусульманством, которое быстро распространялось в средней и малой Азии, и с византийским христианством хазарская верхушка во главе с царём Буланом поняла, что воззрение обеих религий заимствованы у евреев.

- Минуточку – уже с криком перебивал доктора Адам Аронович – о религии я вообще ничего не говорил, а разговор идёт о языке народа приобретённого в силу исторических условий и событий. Ну что вы мне лингвисту, кандидату наук пытаетесь доказать чушь какую –то.

- Я просто хочу вам напомнить - продолжал доктор Яков,- что пленённые ассирийцами еврейские государства Самария, Иудея и Галилея в восьмом веке до н.э. были разрушены, а еврейский народ, был пленён и униженно пригнан к горам Медии, а это территория нынешнего Ирана и Ирака, а

затем часть пленных была пригнана в Атрапену, на землю нынешнего Азербайджана. И эти евреи подхватившие фарси и пришедшие в Азербайджан, сохранившие свою религию и есть праотцы горского еврейства.

- Плевать я хотел на древних ассирийцев – кричал покрасневший Адам Аронович, Вы слышите? Плева-а –аать! Иранские суффиксы даже встречаются в саксонских языковых наречиях, а вы тут мне «Лазаря поёте». Я специалист в этом вопросе и никакая историческая бестолковщина меня не убедит в том, что языки народа не являются предметом экспорта. В шахту вас всех, в шахту- размахивая руками перед лицом доктора Якова - кричал Адам Аронович.

И чтобы разрубить этот «чёртов узел» вмешался Ицхак.

- Послушай Адам, вот ты учёный лингвист немецкого языка, а можешь ты мне сказать, что означает слово ФИНГОУТ? И с удовольствием откинувшись на спинку стула стал ждать ответа. Надо сказать, что после окончания войны, Ицхак в составе 321 стрелковой дивизии второй ударной армии в звании старшего сержанта продолжал службу в оккупированном Берлине и нахватавшись немецкой разговорной речи, сегодня решил блеснуть своими воспоминаниями, как это было модно в 50-тые и в середине 60 –х годов. Само это слово - ФИНГОУТ, что означает в переводе на русский язык – НАПЁРСТОК он услышал впервые, когда промотал все свои деньги мошенникам в игре «напёрстки» Из трёх напёрстков играющий должен угадать в котором находится маленький шарик. В начале ему дали выиграть, он угадывал в котором спрятан шарик. Ему бы уйти с выигрышем, но азарт охватил его целиком, а мошенник прятавший шарик в напёрстке, так быстро вращал все три, что у Ицхака стало рябить в глазах. Он промотал всё до копейки.

- Spilen Pistole (играем на пистолет) показывая на кобурку пальцем – сказал мошенник.

- Das Meine Pistole ? Nein. (играть на мой пистолет? Нет.)

- Ицхак ушёл расстроенный и злой, понимая, что его

одурачили. Тут, неожиданно, он вынул пистолет из кобуры и решил угрожая оружием забрать свои деньги обратно. Он вернулся к разрушенному дому, но мошенников и след простыл. И теперь задав вопрос Адаму, что означает слово ФИНГОУТ он веселясь в душе ждал ответа.

- А ты правильно называешь это слово? - замешкавшись спросил Адам Аронович.

- Всё верно, можешь не сомневаться - доктор Яков подмигнув Ицхаку засобиравшись домой.

- Можно я отвечу тебе чуть позже – спросил кандидат наук вопросительно глянув на кузена.

- Да. Конечно подумай, может вспомнишь.

- А тут и думать нечего! Нет такого слова в немецком языке! – хотел было сказать Илюшин, но осадил свой пыл и мило улыбнулся.

И сейчас после разговора с тётушкой, понимая, что он не уснёт, а на вопрос Ицхака обязательно нужно ответить, он опять нервно перевернулся на другой бок.

- ФИНГОУТ – прошептал он - а может это уличный сленг какой –то - подумал Адам Аронович - а может на идише! Вполне возможно! Надо позвонить Людмиле. Он подошёл к телефону и набрал номер кода междугородних переговоров.

- Девушка, будьте добры, мне Пятигорск по номеру, он назвал номер своего телефона и прислушался - ждите -раздался сонный голос оператора на том конце линии.

- Ждите – машинально повторил он, но вдруг зазвонил телефон. Пятигорск заказывали? Говорите!

- Людочка, это я Адам. Нет! Ничего не случилось! Всё хорошо. Все здоровы. Ну остановись ты, ну! Скажи мне пожалуйста, есть ли на идише слово ФИНГОУТ и что оно означает. Нет я совершенно трезвый и я знаю который час. Мне это знать крайне необходимо. Нет, не ЧИНГОФРУТ, а ФИНГОУТ! Записывай по буквам: ФАНЯ, ИЦЫК, НЁМА, ГЕНАДИЙ...

- И что тебе вдруг вспомнился этот козёл – слышался Людин голос - кстати он звонил и спрашивал тебя и просил передать, чтоб ты к следующей недели либо его диссертацию закончил, либо вернул деньги – сонно проговорила она. И ещё он просил передать...

- Люда всё это потом – перебил её Адам Аронович,- пиши дальше: Ольга...

- Ах ты прелюбодей несчастный. Всё успокоится не можешь, и тут свою Ольгу приплёл. Пошёл Ты к чёрту со своими ФАНЕЙ, ИЦЫКОМ, ОЛЬГОЙ и с остальной братией.

- Алло. Алло, Люда, но в трубке слышались короткие гудки. Вот Дура! Бросила трубку. Он опять лёг на раскладушку, отшвырнув покрывало.

- Нет, надо уехать утром не дожидаясь, когда они проснутся. Видеть эти ухмылки - доктора Якова, а он наверняка придёт утром и Ицхака! Да решено уеду Киевским, Киев – Баку. Остался час, он пребывает в шесть утра. Адам Аронович открыл свой портфель, впахнул в него свои вещи и поспешно вышел из дома.

- Один билет СВ до Минеральных Вод,- протягивая паспорт и тридцать рублей, при стоимости билета двадцать пять,- а сдачи на коробку конфет вам от меня.

Поезд тронулся. До МинВод он спал похрапывая на весь вагон как «Змей Горыныч» давая помехи воскресной радиопередаче «С добрым утром». По прибытию, выйдя на перон и торопясь к остановке «Такси» он вдруг увидел небольшую толпу людей у газетного киоска наблюдавшую за игрой в «напёрстки». Он и раньше видел таких мошенников, но не обращал внимания и шёл своей дорогой, но сейчас его будто притянуло к ним мощным магнитом.

- Желаете испытать счастливые мгновения в игре «фингоут» следите за напёрстками, в которой окажется шарик и «четвертак» (двадцать пять рублей) ваш.

- FINGERHUT – Ну конечно же НАПЁРСТОК. Озохен вей!

Как же просто и гениально. Вечером позвоню родственникам, извинюсь за скорый отъезд и конечно же отвечу Ицхаку на его вопрос.

- Вот так: ВЕК ЖИВИ – ВЕК УЧИСЬ!

Вот и Пятигорский автобус.

Торонто. 1997.

*Панно
Дружба народов
Канадская компания: "Global File"
(Рабочий момент)*

К 65 – ЛЕТИЮ ЮБИЛЯРА!

Художник: Яир Мушаилов, 2017

ЛИТЕРАТУРНО – ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мушаилов Асаф Ханухович

Стихи Поэмы Рассказы

Редактор Борис Кригер

Художественный редактор Яир Мушаилов

Выпускающий редактор (top manager)

Артур Арзанов

Подписано в печать с готовым монтажом 29. 05. 2017

Формат листа 6X9 дюймов

Электронная почта издательства altaspera@gmail.com

(top manager Артур Арзанов)

Адрес печатного дома Altaspera Publishing

Boris Kriger

1415 Limberlost Road

Huntsville ON

R1H 2J6 CANADA

Toronto 2017